

Уильям Тенн

НЕПРИСТОЙНЫЕ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Уильям Тенн

Непристойные предложения

«ФТМ»

«Издательство АСТ»

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Тенн У.

Непристойные предложения / У. Тенн — «ФТМ», «Издательство АСТ»,

ISBN 978-5-17-109870-4

Вампиры, привидения и ведьмы. Инопланетяне и земляне, попадающие в невероятные переделки. Модели ближайшего будущего человечества, окрашенные во все цвета радуги – от иронико-космических до мрачно-саркастических. Вопросы архитектуры и философии, биологии и парапсихологии, феминизм и маскулинность, странные верования, воспитание детей, стыд и гордыня, порно и политика, расовые проблемы... Кажется, нет такой темы, которую Уильям Тенн обошел бы своим вниманием!

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-109870-4

© Тенн У.
© ФТМ
© Издательство АСТ

Содержание

Конни Уиллис	6
Пришельцы, пришельцы, пришельцы	10
Огненная вода	10
Лиссабон в кубе	51
Критерий от балды	74
Плоскоглазый монстр	80
Дезертир	102
Венера и семь полов	111
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Уильям Тенн

Непристойные предложения

- © William Tenn, 2001
- © Перевод. И. Гурова, наследники, 2018
- © Перевод. Н. Галь, наследники, 2018
- © Перевод. К. Круглов, 2018
- © Перевод. К. Егорова, 2018
- © Перевод. М. Ланина, 2018
- © Перевод. А. Александрова, 2018
- © Перевод. А. Новиков, 2018
- © Перевод. Н. Кудряшев, 2018
- © Перевод. В. Баканов, 2018
- © Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Конни Уиллис

Шехерезада Берни: захватывающие рассказы Уильяма Тенна

Предупреждение. Не читайте предисловие, *пока* не прочтете рассказы Уильяма Тенна, собранные в этой книге. Я очень старалась не раскрывать концовки, но невозможно обсуждать рассказы Тенна, не обсуждая их сюжет, а смотреть, как сюжет разворачивается – и сворачивается вокруг вашей шеи, чтобы удушить вас, – одно из главных удовольствий от прочтения Тенна.

Так что прочтите рассказы в этом сборнике, по одному за раз (как шоколадные конфеты) или все разом (как шоколадные конфеты), после чего возвращайтесь и обсудите их со мной. Начните с «Берни по прозвищу Фауст». Это мой любимый. Или... нет, погодите. Сначала «Лиссабон в кубе». Нет, «Уинтроп был упрям». Нет, «На восток!» Нет...

Позже. Ладно, вы вернулись. Теперь можем побеседовать. Когда в 1999 году Уильям Тенн (настоящее имя – Филип Класс) выступал на банкете в честь вручения наград Американской ассоциации писателей-фантастов – ему присудили звание заслуженного писателя, которое присуждают недооцененным звездам жанра, – послушать его собрался целый зал писателей, редакторов и агентов. Каждый из которых отчаянно надеялся, что Фил не знает никаких историй о нем лично.

Дело в том, что он знает все обо всех в целом жанре. Он был частью научной фантастики в легендарном Золотом веке; он знал Фрица Лейбера, Клиффорда Саймака и Алгиса Будриса, работал с Джоном В. Кэмпбеллом и замкнутым Х. Л. Голдом, играл в покер с Робертом Шекли, дружил с Джудит Мерилл, Теодором Старджоном и Дэниелом Кизом. И он не задумываясь рассказывает забавные (и даже скандальные) истории про них всех.

В ту ночь на банкете он рассказал десятки таких историй, и аудитория могла слушать его всю ночь. Чарльз Н. Браун из журнала «Локус» (*Locus*) называет Фила Класса (настоящее имя – Уильям Тенн) «Шехерезадой научной фантастики» – имея в виду не только то, что Тенн говорит, но и то, что он пишет. Пускай Тенн славится своим острым умом и едкой иронией, но в первую очередь он – рассказчик.

Его биография включает службу в армии, работу официантом, преподавание в Университете штата Пенсильвания и редактуру журналов и классической антологии «Дети чуда» (*Children of Wonder*), однако, как отмечает сам Тенн, все это было нужно лишь для того, чтобы «скоротать время между рассказами и романами».

Эти рассказы известны сложными сюжетами, хитроумными поворотами и незабываемыми персонажами: подозрительными жуликами, дешевыми Франкенштейнами, цыганами, печально некомпетентными мировыми правителями, работниками рекламных агентств. И инопланетянами.

Инопланетяне Тенна – вероятно, его лучшие персонажи: чемоданы с черными щупальцами из «Плоскогоглазого монстра»; невероятно высокий мистер Тоху, согнутый «вперед в бедрах и назад в плечах», который, можно поклясться, перед уходом сунул в карман мистера Боху; семифутовые улитки Энди и Денди, огромные захватчики из «Людей в стенах». Выражаясь словами Джорджа Зебровски, «в должной степени пугающие, странные и *другие*».

Больше всего Тенн знаменит своими дьявольски хитроумными концовками. Некоторые критики называют их «трюкаческими», но это отнюдь не простые трюки. Во-первых, слово «трюк» – слишком мягкое для концовок, что бьет вас по лицу, словно рукоятка грабеля, на которые вы случайно наступили. Во-вторых, они – гармоничная часть истории, а не что-то, добавленное в качестве дешевого сюрприза.

Отличный пример тому – «Берни по прозвищу Фауст», рассказ о мошеннике, который встречает достойного соперника. Это не просто рассказ о мошенничестве – это и *есть* мошенничество, и мы с готовностью заглатываем крючок. Я хорошо помню, как, читая его впервые, дошла до того места, где прищелец-сквернослов говорит, что хочет купить мост Золотые Ворота, самодовольно подумала: *Я знаю, что задумал Тенн*, – и прочла еще несколько страниц, наслаждаясь своим превосходством. Чтобы, дойдя до конца, обнаружить, что меня надули вместе с Берни и что мы оба остались с внеземным носом.

Но дело не только в неожиданных концовках, дело в самих историях. В «Арендаторах» эксцентричная фантазия обращается кошмарной ловушкой. «Освобождение Земли» не похоже ни на один из рассказов о первом контакте, что вы когда-либо читали, и лишь Тенн способен соорудить ужасы из леденцовых деревьев и сахарно-ватных облаков.

Удивляемся не мы одни. Когда Х. Л. Голд попросил Тенна написать «захватывающую, рикошетирующую по парсекам» космическую оперу для «Гэлекси» (*Galaxy*), Тенн сочинил «Разгневанных мертвецов» – в некотором смысле, именно то, что просил Голд, хотя полученное не могло не ошарашить его. Как и читателя. Это рассказ про зомби и межгалактическую войну, но в высшей степени оригинальный и с глубинами эмоций, каких не ожидаешь найти в жестокой истории.

По иронии судьбы, именно «Разгневанные мертвецы» и блистательное «Освобождение Земли» считаются самыми знаменитыми работами Тенна, поскольку это серьезные рассказы, а Тенн в основном прославился как юмористический писатель. А может, это вовсе не удивительно. У научной фантастики (и литературы в целом) всегда были проблемы с пониманием такого, насколько серьезным делом является комедия и как трудно ее писать. А комические рассказы Тенна кажутся непринужденными и легкими, несмотря на их невероятную сложность.

Рассказы вроде «Я, снова я и еще раз я», «Плоскоглазый монстр» и «Мост Бетельгейзе» полны комичных ситуаций и забавных реплик. Люди высказывают из переполненного поезда подземки, «будто сплюнутые виноградные косточки», гтетанцы относятся к закону «не как к образу жизни, а как к интересному препятствию, которое нужно обойти», а путешественник во времени из «Флирглефлипа» описывает прошлое, в котором оказался, как «сцену из Марка Твена, Вашингтона Ирвинга или Эрнеста Хемингуэя – в общем, одного из писателей того периода».

У Тенна забавны даже названия: «Лимонно-зеленый громкий как спагетти морозящий динамитом день» и «Таки у нас на Венере есть рабби!» Многие из них, например, «С человеческим лицом» и «Проблема слуги», несут колючий двойной смысл, который становится ясен только после прочтения, а в одном названии, «Открытии Морниела Метауэя», кроется *тройной* смысл.

И рассказы с этими названиями уморительны. Пожалуй, мой любимый (у меня около пятнадцати любимых рассказов Тенна) – «Две части целого», про амебоидного инопланетянина, который продает порнографические картинки землянину, а тот, в свою очередь, тут же помещает их в учебник биологии, и все это приводит к юридическому хаосу. Кого обвинять в преступлении после деления амебы? И что именно считать порнографией? Как выражаются сами амебы: «Неужели самые священные, интимные подробности нашей половой жизни должны бесстыдно гулять по всем уголкам Вселенной?»

Но хотя «Две части целого» нельзя читать без смеха, этот рассказ также заставляет задуматься. (Неслучайно цитата в начале сборника рассказов Тенна «Из всех возможных миров...» взята из «Кандида» и затрагивает разговор «о следствии и причинах, о лучшем из возможных миров, о происхождении зла, о природе души и предустановленной гармонии».) Все рассказы Тенна поднимают серьезные вопросы о нас самих и о мире, в котором мы живем.

Ужасная ситуация, в которой оказываются люди из «Семейного человека», затрагивает важные проблемы контроля рождаемости и нашей одержимости социальным положением. «Плоскоглазый монстр» заставляет нас взглянуть на обычную историю о пучеглазом чудовище с совершенно иной стороны – и не только гадать о том, зачем чудовище унесло девочку, но и о том, действительно ли концовки всех историй о пучеглазых чудовищах в действительности были такими уж счастливыми.

Даже в прямолинейной страшилке вроде «С человеческим лицом» замечание маленькой девочки: «То есть если человек – вампир, что он может с этим поделать? Ничего, так ведь?» – повисает в воздухе, затрагивая тревожные вопросы о нас самих и о свободе воли. «Рассказы Тенна всегда на каком-то уровне вызывают тревогу, даже если они невероятно увлекательны, забавны и милы», – пишет Джордж Зебровски в «Научных фантастах XX века».

Возможно, сильнее всего заставляют задуматься рассказы Тенна о первом контакте с инопланетянами, которые сам он называет «Вот идет цивилизация!». К ним относятся «Мост Бетельгейзе», «Огненная вода», «Люди в стенах» и «Освобождение Земли» – и они совершенно не похожи на привычные истории о воинственных монстрах или благородных пришельцах, явившихся, дабы поделиться с нами продвинутыми технологиями.

Если они технологически достаточно развиты, чтобы прилететь к нам, рассуждает Тенн, значит, вполне способны нас захватить. Именно это демонстрирует он в сценах, заставляющих вспомнить о Вьетнаме, и варшавских гетто, и даже острове Манхеттен, с нами в роли аборигенов, продающих свой мир за пригоршню бусин.

Эти истории заставляют нас задуматься – но думаем не мы одни. Тенн также говорит нам о человеческих слабостях, о жизненной иронии, иногда даже о нерешенных проблемах в его собственных рассказах. В «Детской игре», крайне правдоподобной истории о Франкенштейне, герой случайно получает игровой набор «Сделай человека» из будущего и начинает им пользоваться. Его первые неуклюжие попытки приводят к дилетантскому младенцу, которого он оставляет на пороге приюта. Позже, тревожась о последствиях поступков героя (и своих собственных), Тенн написал другой рассказ, «Дитя Среды», о том, что произошло с этим брошенным ребенком.

Столь пристальное внимание к деталям отражает серьезность, с которой Тенн относится к собственной работе. Любому, кто сомневается в его приверженности писательству или научной фантастике, следует прочесть эссе «О фантастике в научной фантастике». В нем Тенн делится своей страстной верой в «научную фантастику как средство литературного опыта, имеющего особый вес и значимость в эту эпоху», опыта, в котором «бесконечен не только космос, но и идеи», где автор ограничен лишь «собственным талантом, чувствительностью и тематическим диапазоном интеллекта».

Однако любовь Тенна к научной фантастике вовсе не означает, что он питает к ней исключительно нежные чувства. Он резко критикует ее недальновидность и просчеты, а его рассказы зачастую являются сердитыми или саркастическими ответами на глупые условности и непродуманные допущения.

«Плоскоглазый монстр» – очевидный ответ дешевым космическим операм, «Проблема слуги» – историям про абсолютных правителей вселенной, «Открытие Морниела Метауэя» – фантазии, в которой кто-то отправляется в прошлое и встречается Леонардо да Винчи.

Многие рассказы Тенна посвящены путешествиям во времени. Истории о путешествиях во времени были процветающим поджанром в 1950-х годах и в основном вращались (иногда в буквальном смысле) вокруг замкнутой временной петли: герой отправлялся в прошлое и, используя свои знания о будущем, изобретал то самое будущее или становился исторической личностью, которую собирался изучать. Такие истории были очень забавными – а в руках мастеров вроде Майкла Муркока («Се человек») и Уорда Мура («Дарю вам праздник») становились классикой.

Однако многие из них представляли собой всего лишь замысловатую игру в шахматы, без какой-либо привязки к реальности или логике. В ответ на них Тенн написал рассказы вроде «Я, снова я и еще раз я», «Он умрет со щелчком» и «Бруклинский проект», в котором, как выразился Фриц Лейбер, визит в прошлое «меняет все во Вселенной, за исключением (вселенской!) человеческой природы с ее утомительными слабостями и абсурдностями».

И логика Тенна непоколебима. Он прекрасно знает, что если бы мы могли путешествовать во времени, то не устояли бы перед вмешательством в историю. А вмешавшись в нее случайно и вернувшись, чтобы все исправить, имели бы дело не только с последствиями своего вмешательства, но и с самим (или самими) собой, отправившимся в прошлое ранее. И наши мечты о встрече с исторической личностью, которой мы восхищаемся, вероятно, обречены на разочарование, ведь человеческая природа неизменна.

Тенн *много* знает о человеческой природе. Он знает, что Франкенштейном скорее станет не замученный гений, а человек, чья личность не до конца сформировалась; что цепляться за месть нелегко; что люди зачастую жадны, лживы, наивны и гонятся за личной выгодой.

Последнее создало Тенну репутацию циника. Его называют «едким», «по существу пессимистом» и обладателем «преимущественно невысокого мнения о человеке».

Разумеется, оно невысокое. Кто из ваших знакомых знает столько о человеческой природе – и придерживается *высокого* мнения о человечестве? Но я не согласна с тем, что Тенн – циник. Может, Берни по прозвищу Фауст и жулик, но ему хватает совести не продавать собственную планету. Герой «Срока авансом» не совершает убийства, хотя имеет достойный повод и уже отбыл срок. А сержант в «Разгневанных мертвецах» ведет себя намного достойней, чем повело бы большинство из нас на его месте. То же самое относится к зомби.

Верно, Франкенштейн несет наказание, как и репортер в «С человеческим лицом», но оба это заслужили, и почти всегда именно похоть героя, или жадность, или уверенность в собственном превосходстве над другими оказывается причиной неприятностей.

И многие рассказы Тенна оканчиваются намного счастливей, чем мы ожидаем. В «Семейном человеке» Лизу не отдают для усыновления, а хранителю удается спасти не только ребенка, но и Мону Лизу, и часть Сикстинской капеллы.

Некоторые из неприятных персонажей Тенна также могут быть ответом на могучих героев и безупречных героинь, которыми кишит жанр. И столь многие из его рассказов, например, «Ирвинга Боммера любят все» и «Венера и семь полов», проникнуты духом такого веселья, что их не мог написать тот, кто ненавидит человечество.

Рассказы Тенна хитроумны, искусны, интригующи, ироничны, в высшей степени интеллигентны, трогательны и забавны. А также слишком малочисленны. Большинство рассказов в этом сборнике были написаны в 1950-х и 1960-х, и до настоящего времени найти их было непросто. Я чрезвычайно рада, что все они будут вновь изданы, причем под одной обложкой (хотя не менее приятно наткнуться на какой-нибудь рассказ Тенна в антологии, когда меньше всего этого ожидаешь, и вновь позволить ему соблазнить, удивить и обмануть тебя), но мне бы хотелось, чтобы их было больше.

И мне бы хотелось, чтобы он написал что-то новое. (Ты слышишь Фил?) Я думаю, это весьма возможно. Как выразился о Тенне Деймон Найт, он «не остановится, пока не скажет последнее слово».

Надеюсь, это так. Подобно султану Шехерезады, я готова слушать его всю ночь.

Пришельцы, пришельцы, пришельцы

Огненная вода

Самый волосатый, грязный и старый из трех посетителей, прибывших из Аризоны, чесался спиной о пластмассовую спинку стула.

– Инсинуации по сути своей напоминают лаванду, – заметил он, как бы приглашая всех принять участие в беседе.

Его спутники, тощий молодой человек с плачущими глазами и женщина, чью миловидность портили лишь сгнившие зубы, захихикали и расслабились. Тощий процедил:

– *Кхм-кхм, пчи!*

И другие многозначительно закивали.

Грета Сайденхайм оторвала взгляд от своей небольшой стенографической машинки, размещенной на двух самых головокружительных коленках, какие ее работодатель не смог бы отыскать во всем Нью-Йорке, а то и за его пределами. Она медленно повернулась к нему, озаряя своей красотой.

– И это тоже, мистер Хебстер?

Президент корпорации «Хебстер Секьюритиз» подождал, пока отзвук ее голоса не перестанет тревожить его уши; ему нужно было здраво мыслить и рассуждать. Он кивнул и бойко ответил:

– И это тоже, мисс Сайденхайм. Отражайте приблизительный фонетический состав этих «кхм-пчи», и обязательно отмечайте, когда это звучит как вопрос, а когда – как утверждение.

Он поскреб своими только-только наманикюренными ногтями ящик, где лежал парабеллум с полной обоймой. На месте. Кнопки экстренной связи, с помощью которых можно вызвать любого агента «Хебстер Секьюритиз» – хоть весь штат Хебстер-билдинг из девяти сотен человек, – располагались всего в восьми дюймах от его руки. На месте. Совсем рядом дверь, а за ней стоят его верные, мощные, все как на подбор, облаченные в униформу охранники, готовые ворваться сюда, стоит только его правой ступне приподняться с небольшой пружины, встроенной в пол. И это на месте.

Алджернон Хебстер может вести дела со всеми, даже с первьяками.

Он вежливо кивнул каждому из трех аризонских посетителей, уныло улыбнулся, глядя на то, что массивные бесформенные башмаки на их ногах делали с шикарным, сплетенным специально для его кабинета ковром, в котором практически по щиколотку утопали ноги. Зайдя в сопровождении мисс Сайденхайм, они рассмеялись в ответ на его вежливое приветствие.

– Давайте оставим официальное знакомство. Вы знаете, кто я. Меня зовут Хебстер, Алджернон Хебстер. В приемной вы попросили о личной встрече. Если это важно для нашей дальнейшей беседы, моего секретаря зовут мисс Грета Сайденхайм. А вас, сэр?

Он обращался к старику, однако тощий парень наклонился вперед на своем стуле и протянул напряженную, почти прозрачную руку.

– Имена? – спросил он, – Имена круглы, если не раскрыты. Рассмотрим имена. Сколько этих имен? Рассмотрим имена, а потом пересмотрим имена!

Женщина тоже наклонилась вперед, и гнилостный запах из ее рта донесся до Хебстера даже через его огромный офис.

– Бурлит, настигает, бьет и взмывает, – подчеркнула она, разведя руки, соглашаясь с будто бы вполне очевидным утверждением. – Пустота умаляет себя до вечности...

– До срока, – поправил ее старик.

– До вечности, – настаивала женщина.

– *Кхм-кхм, пчи!* – с горечью восклицал тощий.

– Послушайте! – перебил Хебстер. – Когда я спросил...

Загудела громкая связь, он глубоко вздохнул и нажал кнопку. Администратор быстро и испуганно заговорил:

– Я помню ваше указание, мистер Хебстер, но эти двое из Специальной комиссии по расследованиям «Организации Объединенного Человечества» снова здесь, и у них очень решительный вид. То есть сейчас, похоже, они готовы на все.

– Йост и Фунатти?

– Да, сэр. По их разговору можно понять, что они точно знают о вашей встрече с этими тремя первьяками. Они спросили меня, что вы пытаетесь сделать – преднамеренно распалить выспистов? Они сказали, что воспользуются полными надгосударственными полномочиями и зайдут силой, если вы не...

– Задержите их.

– Но, мистер Хебстер, Специальная комиссия по расследованиям...

– Задержите их, я сказал. Вы кто, администратор приемной или входная группа? Включите воображение, Руфь! В вашем распоряжении девятьсот сотрудников и корпорация стоимостью десять миллионов долларов. Можете разыграть у себя в приемной любой фарс, можете даже нанять актера, загримировать его под меня, чтобы потом он вышел и свалился замертво к их ногам. Задержите их – и я дам вам премию. Задержите.

Он отключил связь и посмотрел на посетителей.

Хорошо, что хоть у них все было радостно и беззаботно. Эти трое повернулись лицами друг к другу и занялись своей противной бессмысленной болтовней. Они, полные решимости, что-то обсуждали, спорили, повышая друг на друга голос, умоляли, однако уши Алджернона Хебстера улавливали лишь неразличимые звуки, напоминающие чихи, и редкое, но явственное *кхм!*

Он поджал губы с сомнением. Первые люди человечества! *Эти кретины?* Пожав плечами, он зажег сигарету. Что ж тут поделаешь. Это первые люди человечества. А бизнес есть бизнес.

«Нужно просто помнить, что они *не супермены*, – сказал он себе. – Они могут быть опасны, но не супермены. Совершенно точно. Вспомни эпидемию гриппа, которая чуть не стерла их с лица земли, также вспомни, как ты облапошил тех двух первяков в прошлом месяце. Они не супермены, однако и не люди. Просто нечто иное».

Он бросил взгляд на секретаршу и утвердительно качнул головой. Грета Сайденхайм стучала пальцами по клавишам своей машинки, словно набирала простенькое деловое письмо, например, об определении доли мужа в наследуемом состоянии жены. Он подумал было, правильной ли методикой она пользуется, чтобы уловить все интонации. Однако Грете можно было довериться. Она все сделает, как надо.

– *Кхм-кхм! Кхм, кхм-кхм, пчи. Кхм, кхм... пчи? Пчи.*

Что послужило поводом для столь бурного обсуждения? Он просто спросил, как их зовут. У них в Аризоне что, нет имен? Конечно, они не могли не знать, что здесь наличие имен считается стандартной практикой. Они должны знать об этом ничуть не хуже него.

Может, на этот раз их привело в Нью-Йорк что-то еще? Может, нечто, связанное с пришельцами? Он почувствовал, как коротко стриженные волосы на его затылке становятся дыбом, и смущенно пригладил их.

Проблема в том, что их язык стоило просто изучить. И тогда можно было бы понять все, что они говорят во время своих занудных бесед. Это было проще пареной репы, но на деле – как спрыгнуть со скалы.

Но теперь время вышло. Он не знал, как долго Руфь сможет удержать следователей ООЧ в приемной. Ему нужно было как-то снова овладеть ситуацией, не сделав что-нибудь из тех многих оскорбительных – и потому смертельно опасных – для первяков вещей.

Он слегка постучал по столу. Черда чихов прервалась на полуслове. Женщина медленно встала.

– К вопросу об именах, – упорно начал Хебстер, не сводя глаз с женщины. – Поскольку, вы, уважаемые, заявляете...

Тут женщина скорчилась в агонии, села на пол и улыбнулась Хебстеру. С гнилыми зубами улыбка вышла не хуже, чем у трупа любой суперзвезды.

Хебстер прочистил горло и попытался начать еще раз.

– Если вам нужны имена, – внезапно сказал старик, – то можете звать меня Ларри.

Президент «Хебстер Секьюритиз» вздрогнул, но взял себя в руки и сумел сказать «спасибо» пусть слабым, но не слишком удивленным голосом. Он посмотрел на тощего.

– Зовите меня Тесей, – говоря это, молодой человек выглядел очень печальным.

– Тесей? Хорошо! – если начать соглашаться с первяками, то дела могут пойти совсем неплохо. Но Тесей! Хотя что еще взять с этих первяков! Дело осталось за женщиной, а потом можно начинать.

Они все смотрели на женщину. Даже на лице Греты, которая выглядела так, словно прошла все процедуры в салоне красоты, можно было прочесть любопытство.

– Имя, – прошептала женщина сама себе. – Надо дать имя имени.

«О, нет, – мысленно застонал Хебстер. – Неужели мы сейчас застрянем на этом».

По всей видимости, Ларри решил, что они и так потеряли много времени. Он предложил женщине:

– Почему бы не назвать себя Му?

Молодой человек, то есть Тесей, также заинтересовался возникшей проблемой.

– Ровер – отличное имя, – подсказал он.

– А как насчет Глории? – в отчаянии спросил Хебстер.

Женщина подумала:

– Му, Ровер, Глория, – мурлыкала она, – Ларри, Тесей, Сайденхайм, Хебстер и я.

Похоже, что она рассматривала все варианты.

Хебстер знал, что сейчас может произойти все, что угодно. Однако плюс был уже в том, что они перестали вести себя высокомерно и снизились до его уровня. Исчезли эти «пчхи», и что самое главное – пропали эти насмешливые двусмысленные разговоры, которые раздражали гораздо больше. Сейчас их с горем пополам можно было понимать.

– В рамках настоящей беседы, – наконец сказала женщина, – меня будут звать... Меня будут звать... Меня зовут Пароход «Лузитания».

– Отлично! – взревел Хебстер, позволяя сорваться слову, которое крутилось у него на языке. – Это отличное имя. Ларри, Тесей и... э-э... Пароход «Лузитания». Какие замечательные люди. Зрелые и рациональные. Давайте перейдем к делу. Вы же пришли сюда по делу, я правильно понимаю?

– Правильно, – ответил Ларри. – Мы слышали о тебе от двух ребят, которые покинули нас месяц назад, чтобы добраться до Нью-Йорка. Они говорили о тебе на пути обратно в Аризону.

– Говорили, да? Я на это надеялся.

Тесей соскользнул со стула и шлепнулся на пол рядом с женщиной, что-то вылавливающей из воздуха.

– Они говорили о тебе, – повторил он. – Они сказали, что ты очень хорошо с ними обошелся, что относился к ним с таким уважением, на какое вообще способно существо вроде тебя. Они также сказали, что ты их надурил.

– Ох, Тесей, – Хебстер развел свои наманикюренные руки. – Я бизнесмен.

– Ты бизнесмен, – согласилась Пароход «Лузитания», осторожно вставая на ноги и сильно, с размаху, хлопая ладонями перед своим лицом. – И здесь, на этом самом месте, в этот самый момент, мы тоже бизнесмены. Можешь получить от нас все, что мы принесли, но за это надо заплатить. И не думай, что сможешь обмануть нас.

Она опустила руки со сложенными лодочкой ладонями к талии. Внезапно разъединила их, и в воздух взлетел крошечный орлан. Он взмыл прямо к флуоресцентным лампам под потолком. Чувствовалось, что его полету мешал закрепленный на его груди тяжелый полосатый щит, пучок стрел, который орлан держал в одной лапе, и оливковая ветвь – в другой. Он повернул свою белую голову, взглянул на Алджернона Хебстера и начал резкое падение на ковер. Орлан исчез без следа, не успевши удариться об пол.

Хебстер закрыл глаза, вспоминая выпавшую в последний момент из клюва орлана ленту. На ней были напечатаны слова, и хотя слова эти были слишком малы, чтобы разглядеть их на расстоянии, он был абсолютно уверен, что там было написано: *E Pluribus Unum*¹. Он был в этом столь же уверен, как и в том, что сейчас следовало сохранять спокойствие и делать вид, будто ничего не произошло. Нужно оставаться таким же спокойным, как эти первяки. Профессор Клаймбокер говорил, что первяки – это ментальные пьянчужки. Если их не доводить, могут ли они быть опасными?

Он открыл глаза.

– Хорошо, – сказал он. – Что же вы хотите продать?

В воздухе на краткое время повисло молчание. Тесей, похоже, забыл, чем он хотел закончить свою речь; Пароход «Лузитания» уставилась на Ларри.

Ларри чесал свой правый бок, продираясь через слои дурно пахнущей одежды.

– О! Безотказный метод победить любого, кто пытается применить *reductio ad absurdum*² к любому твоему рациональному предложению. – Он самодовольно зевнул и принялся чесать свой левый бок.

Хебстер ухмыльнулся; ему вдруг полегчало.

– Нет, этим нельзя пользоваться.

– Нельзя пользоваться? – старик старался из-за всех сил, чтобы не выглядеть изумленным. Он покачал головой и бросил косой взгляд на Пароход «Лузитания».

Та снова улыбнулась, приподнялась и шлепнулась обратно.

– Ларри все еще не говорит на понятном для тебя языке, мистер Хебстер, – заворковала она, словно дружелюбный завод по производству удобрений. – Мы принесли с собой то, что, как нам известно, очень-очень вам нужно. Просто позарез.

– Неужели? – Хебстер возрадовался. Эти двое были как те первяки в прошлом месяце: они не понимали реальную стоимость вещей. Интересно, понимают ли это их хозяева. А если и понимают – кто ведет дела с пришельцами?

– У... нас... есть... – Она тщательно отделяла одно слово от другого, пафосом пытаясь достичь драматического эффекта. – Новый оттенок красного, но не только это. О нет! Новый оттенок красного и полный набор цветовых значений на его основе! Полный набор цветовых значений на основе вот этого нового оттенка красного, мистер Хебстер! Только подумайте, что сможет сделать художник-абстракционист с таким...

– Не впаривайте мне товар, дамочка. Тесей, что вы пытаетесь сделать?

Тесей сидел, хмуро уставившись на зеленое основание стола. Вдруг он откинулся назад с удовлетворенным видом. Хебстер внезапно понял, что на его правую ступню больше ничего

¹ «Из многих – единое» (*лат.*) – девиз на гербе США.

² Доведение до абсурда (*лат.*) – логический прием, которым доказывается несостоятельность какого-нибудь мнения таким образом, что или в нем самом, или же в вытекающих из него следствиях обнаруживается противоречие.

не давит. Каким-то образом Тесей узнал о сигнальной пружине, встроенной в пол, и избавился от нее.

Он растворил пружину так, что не сработала сигнализация, которая должна была завывать при ее распрямлении.

Раздалось хихиканье троих первяков и быстрый обмен чихами. Значит, они все знали, что сделал Тесей и как Хебстер пытался подстраховаться. Они не были сердиты, и нельзя было сказать, что торжествовали. Поди разбери этих первяков!

Но не стоило лишний раз нервничать – ведение дел с этими ребятами и так грозило медвежьей болезнью. В любом случае прибыль...

Внезапно у собеседников снова появился деловой настрой.

Тесей с видом базарного торговца, делающего свое последнее, окончательное предложение, выдал:

– Ряд демографических показателей, которые можно без труда сопоставить с...

– Нет, Тесей, – прервал его Хебстер.

Пока Хебстер, откинувшись на спинку кресла, слушал их с нескрываемым удовольствием, совершенно позабыв об исчезнувшей пружине, они отчаянно перебрасывались короткими фразами, встречая и лихорадочно перебивая друг друга.

– Портативный нейтронный стабилизатор для больших выс...

– Более пятидесяти способов говорить «однако» без...

– Чтобы каждая домохозяйка могла делать антраша во время готовки...

– Легкая как шелк синтетическая ткань, изготовле...

– Декоративный узор для лысых голов с использованием фолликул в качестве...

– Полное и сокрушительное опровержение всех теорий пирамидологов от...

– Хорошо! – проревел Хебстер. – Хорошо! Достаточно!

Грета Сайденхайм, забывшись, с облечением выдохнула. Ее стенографическая машинка последние несколько минут стучала, как центрифуга.

– Итак, – продолжил генеральный директор, – что вы хотите взамен?

– Что-то из перечисленного все же тебя заинтересовало, да? – прогудел Ларри. – Что конкретно? Даю руку на отсечение, что это опровержение пирамидологов!..

Пароход «Лузитания» презрительно замахала руками:

– Митра архиепископа, дурак! Видно же, он просто в восторге от новых цветовых значений красного. Новые...

По громкой связи раздался голос Руфь.

– Мистер Хебстер, Йост и Фунатти вернулись. Я задержала их, но мне только что позвонили из вестибюля: они поднимаются сюда. У вас две, может, три минуты. И они так разозлены, что выглядят, как настоящие высшисты!

– Спасибо! Когда они выйдут из лифта, делайте все, что можете, только не слишком нарушайте закон.

Он повернулся к своим гостям.

– Послушайте!..

Они снова разошлись.

– *Кхм-кхм, пчих, кхм, пчих? Кхм-кхм, пчих, кхм, кхм! Пчих, кхм, пчих, кхм, пчих, кхм-кхм, пчих.*

Они действительно что-то понимают в этих нескончаемых чихах и чистках горла? Это действительно превосходящий все существовавшие человеческие язык... как пришельцы превосходят людей? Что ж, они хоть могут общаться на этом языке с пришельцами. А пришельцы...

Внезапно он вспомнил о двух разозленных агентов ООЧ, которые мчались в его офис.

– Послушайте, друзья. Вы пришли сюда, чтобы продать свой товар. Вы мне все показали, и я увидел то, что хотел бы купить. Что именно – сейчас совершенно несущественно. Единственный вопрос – что вы хотите взамен? Пожалуйста, изложите свои требования быстро и кратко. У меня сегодня есть и другие дела.

Женщина, что была ночным кошмаром любого стоматолога, топнула ногой. Под потолком появилась небольшая – не больше кулака – тучка. Раздался гром и на замечательный ручной работы ковер Хебстера пролился дождик.

Он провел наманикюренным пальцем по внутренней части воротничка, чтобы не лопнули набухшие вены на его шее. Только не сейчас. Посмотрев на Грету, он снова почувствовал уверенность в себе, увидев ту безмятежность, с которой она ждала продолжения разговора, готовая дальше стенографировать. Образец деловой хватки. Первяки запросто могли выкинуть нечто, как и в Лондоне пару лет назад – они раздули муху до размеров слона, после чего им запретили появляться в городах, – а Грета Сайденхайм будет все так же отбивать части беседы.

При таком могуществе, почему они просто не возьмут то, что хотят? Зачем преодолевать многие мили, тайком пробираться в города, нелегально проводить подобные встречи? Большую их часть без труда отлавливают и отправляют обратно в резервации, а остальные становятся жертвой безжалостного мошенничества со стороны «честных» людей. Почему они просто не приходят, круша все на своем пути, не забирают свои странные, жалкие награды и не возвращаются к своим хозяевам? Более того, почему их хозяева сами... Ну, ладно. Первяк мыслит как первяк. Не от мира сего и не для мира.

– Мы сейчас скажем тебе, что хотим взамен, – начал Ларри, прервавшись на длинном «пчи». Он поднял руку и начал перечислять позиции, загибая пальцы, длину ногтей которых подчеркивала глубоко въевшаяся грязь. – Во-первых, сотня копий «Моби Дика» Мелвилла в мягкой обложке. Затем, двадцать пять радиоприемников с наушниками, по два наушника на каждый радиоприемник. Еще две Эмпайр-стейт-билдинг или три мюзик-холла Радио-Сити в зависимости от того, что более приемлемо для вашей стороны. Эти вещи нам нужны вместе с фундаментом, без повреждений. А еще относительно хорошая копия «Гермеса» Праксителя. И электротостер, произведенный около тысяча девятьсот сорок первого года. Наверное, на этом все. Тесей?

Тесей наклонился вперед, пока не коснулся носом колен.

Хебстер застонал. Список был не таким плохим, как он ожидал. Удивительно, как их хозяева всегда жаждали электроприборы и произведения искусства землян, но сейчас оставалось так мало времени для торга. Две Эмпайр-стейт-билдинг!

– Мистер Хебстер, – заговорила администратор по громкой связи. – Эти люди из Спецкомиссии... Мне удалось вывести толпу сотрудников в коридор и задержать их у лифта, когда он подъехал к нашему этажу, а сейчас я заперла... вернее, пытаюсь запереть... но, похоже, что не смогу. Вы не могли бы...

– Молодчина! У вас все просто прекрасно!

– Тесей, это все, что мы хотим? – снова спросил Ларри. – *Пчи*?

В приемной раздался тяжелый удар; Хебстер услышал топот бегущих людей.

– Смотрите, мистер Хебстер, – наконец сказал Тесей, – если ты не хочешь покупать детонатор *reductio ad absurdum* у Ларри и тебе не нравится мой метод украшения лысых голов из-за характерных выразительных средств, то как насчет системы нотного письма...

Кто-то попытался зайти в кабинет Хебстера, но дверь была заперта. В нее постучали, затем еще, уже настойчивее.

– Он уже нашел то, что ему нужно, – не сдержалась Пароход «Лузитания». – Да, Ларри, это исчерпывающий перечень.

Хебстер схватился за свою уже седеющую голову.

– Прекрасно! Теперь смотрите. Я могу дать вам все, кроме двух Эмпайр-стейт-билдинг и трех мюзик-холлов Радио-Сити.

– Или мюзик-холлов Радио-Сити, – поправил Ларри. – Не пытайся тут нас перехитрить! Двух небоскребов Эмпайр-стейт-билдинг или трех мюзик-холлов Радио-Сити. В зависимости от того, что более приемлемо для вашей стороны. Почему нет? Разве они не стоят полученной выгоды?

– Откройте дверь! – взревели снаружи. – Откройте дверь во благо «Объединенного человечества»!

– Мисс Сайденхайм, откройте дверь, – громко сказал Хебстер и подмигнул своей секретарше, которая встала, потянулась и медленно и размеренно пошла к запертой двери. Послышался удар, будто пара человек плечами пытались выломать дверь. Хебстер знал, что дверь его офиса может выдержать таран среднего по размерам танка. Однако был предел терпения и у Специальной комиссии по расследованиям «Организации Объединенного Человечества», потому шутить с ними не стоило. Эти парни многое знали о первьяках и о том, что стояло за ними. Они имели полномочия сначала стрелять, затем задавать вопросы, если таковые могли возникнуть после пальбы.

– Вопрос не в том, что это не стоит выгоды, – быстро сказал им Хебстер, провожая к выходу за своим столом, – По причинам, которые вы, конечно же, не хотите знать, я просто не могу дать вам две Эмпайр-стейт-билдинг и три мюзик-холла Радио-Сити вместе с фундаментом без повреждений... Во всяком случае, не сейчас. Я дам вам все остальное и...

– Откройте дверь, или мы сейчас ее вынесем!

– Пожалуйста, господа, одну минуту, – любезно ответила им Грета Сайденхайм. – Вы убьете бедную, просто исполняющую свои обязанности девушку, которая делает все от нее зависящее, чтобы вас впустить. Замок заклинило. – Она подергала ручку двери, тревожно смотря своими прекрасными глазами на Хебстера.

– Но взамен этих позиций, – продолжал Хебстер. – Я достану...

– Я вот что хочу сказать, – вмешался Тесей. – Ты знаешь, что самое сложное для композиторов-додекафонистов³?

– Я могу предложить вам, – продолжал генеральный директор, с которого уже в три ручья тек пот, – точные архитектурные чертежи Эмпайр-стейт-билдинг и мюзик-холла Радио-Сити, а также пять... нет, пусть будет десять... масштабных моделей каждого здания. И вы получите все остальные предметы, которые просили. Вот так. Торг неуместен. Давайте быстро!

Они переглянулись друг с другом, когда Хебстер резко открыл дверь и показал на пятиреш охранников в ливреях, ждавших рядом с персональным лифтом.

– Согласны, – сказали они в унисон.

– Класс! – Хебстер почти взвизгнул. Он втолкнул их в дверной проем и сказал самому высокому охраннику:

– Деятнадцатый этаж!

Как только он закрыл дверь, мисс Сайденхайм открыла дверь в приемную. В кабинет вломились Йост и Фунатти в цвета бутылочного стекла униформе ООЧ. Не задерживаясь, они ринулись к Хебстеру и распахнули дверь запасного выхода. Донесся звук спускающегося вниз лифта.

Фунатти, небольшого роста человек с кожей оливкового цвета, принялся.

– Первяки, – прогундосил он. – У него здесь были первяки, совершенно точно. Чувствуешь эту бродяжную вонь, Йост?

– Да, – сказал тот. – Пошли. Пожарная лестница. Мы догоним лифт!

³ Додекафония – метод сочинения музыки, возникший в XX веке.

Они достали из кобуры табельное оружие и ринулись вниз по металлической лестнице. Где-то внизу остановился лифт.

Секретарша Хебстера уже была у громкой связи.

– Техобслуживание! – Она выдержала небольшую паузу. – Техобслуживание, автоматическая блокировка выхода на девятнадцатый этаж, пока посетители, которых мистер Хебстер только что отправил вниз, не скроются в безопасной лаборатории. До тех пор всячески извиняйтесь перед копами. Помните, они из Спецкомиссии.

– Спасибо, Грета, – сказал Хебстер, отключив громкую связь, когда они остались одни. Он плюхнулся в свое кресло и шумно выдохнул:

– Ведь существуют и более легкие способы заработать миллион.

Она подняла свои идеальные белые брови.

– Или быть абсолютным монархом прямо посреди парламента землян?

– Если они будут ждать достаточно долго, – лениво сказал он, – я буду ООЧ, современным мировым правительством и прочими организациями в одном лице. Год или два – и все будет в кармане.

– Вы не забываете про Вандермира Демпси? Его ребята также метят на место ООЧ. Не говоря уж об их радужных планах на вас. А их много, очень много.

– Грета, они меня совершенно не беспокоят. «Человечество превыше всего» исчезнет в один день, когда этот отживший свой век старый демагог отбросит копыта.

Он ударил по кнопке громкой связи:

– Техобслуживание! Техобслуживание, посетители, которых я направил вниз, уже добрались до лаборатории?

– Нет, мистер Хебстер. Но пока все хорошо. Мы отправили их на двадцать четвертый этаж, а людей из Спецкомиссии – вниз, к персоналу. К слову о Специальной комиссии, мистер Хебстер... Мы выполняем ваши поручения и все с ними связанное, но никто не хочет проблем с этими ребятами. Последней поправкой они постановили, что отныне препятствие им карается смертной казнью.

– Не беспокойтесь, – ответил Хебстер. – Я никогда еще не подводил никого из своих сотрудников. Наш девиз: «Босс все исправит». Позвоните мне, когда эти первяки будут надежно спрятаны и готовы отвечать на вопросы.

Он повернулся к Грете.

– Перед уходом расшифруй материалы и передай в руки профессора Клаймбокера. Он считает, что начал что-то понимать в этих их бесконечных чихах.

Та кивнула.

– Хотелось бы использовать какую-нибудь самопишущую аппаратуру, а не сидеть над старой допотопной машинкой.

– Мне тоже. Однако первяки любят портить все электрические аппараты, если, конечно, они не собирают их для своих пришельцев. Сколько они мне испортили магнитных самописцев прямо посреди собеседований. Поэтому я понял, что стенографисты – единственное решение. Конечно, однажды первяки могут научиться портить и стенографистов.

– Очень жизнеутверждающе. Однажды холодной ночью я вспомню, что есть такая возможность, – пробормотала она, уходя в свой небольшой кабинет. – Но мне ли жаловаться? Все эти штучки первяков позволили создать этот бизнес, мне тут платят неплохую зарплату, и я могу позволить себе все свои безделушки.

* * *

Это была не совсем правда. Хебстер вспоминал прошлое, сидя у коммутатора в ожидании новостей о прибытии его гостей в лабораторию. Да, где-то девяносто пять процентов «Хеб-

стер Секьюритиз» были заработаны благодаря всяким штучкам первяков, добытых у них теми или иными способами, однако основой всему был небольшой инвестиционный банк, который достался ему в наследство от отца еще во время Полувойны – тех дней, когда пришельцы впервые появились на Земле.

Пугающие разумные точки, клубящиеся в разноцветных сосудах самых разных форм, совершенно не поддавались восприятию ограниченного человечества. Некоторое время с ними совершенно невозможно было общаться.

Юмористы говорили в те первые дни, что пришельцы появились не для уничтожения человечества, завоевания или его порабощения. У них была по-настоящему страшная и грозная цель – полностью игнорировать его!

Даже сейчас никто не знал, из какой части галактики прибыли эти пришельцы. И зачем. Никто не знал, сколько их прилетело. Или как они управляли своими высокоскоростными и совершенно бесшумными космическими кораблями. Немного, что удалось о них выяснить в те редкие случаи, когда они снисходили до изучения жизни людей – словно рассеянные высококультурные туристы, полные отрешенного интереса, – только подтверждало их технологическое превосходство над человеком. Превосходство, во всей своей полноте не уместяющееся даже в самые бурные фантазии. В недавно прочитанной Хебстером социологической работе выдвигалось предположение, что наука пришельцев превосходит современную науку человечества, как метеоролог, разбрасывающий сухой лед по истощенной от засухи почве, превосходит первобытного земледельца, неистово трубящего в бараний рог, пытаясь разбудить дремлющих богов дождя.

Длительные и жутко опасные наблюдения показали: точки-в-бутылках настолько развиты, что им не требовались никакие инструменты. Они работали непосредственно с самим материалом, меняя его форму и, по всей видимости, создавая и уничтожая материю простым волеизъявлением.

Некоторые люди вступили с ними в контакт...

И перестали быть людьми.

Лучшие умы человечества наведывались в поселения клубящихся пришельцев. Немногие вернулись, рассказывая о тех чудесах, которые они лишь смутно припоминали и не разглядели до конца. Их рассказы всегда звучали так, будто они слепли в самые ответственные моменты или срабатывал какой-то ментальный предохранитель.

Другие же – такие видные личности, как президент Земли, или трехкратный лауреат Нобелевской премии, или известные поэты – смогли преодолеть барьер, но стали теми, кто уже не вернется. Они оставались жить в поселениях пришельцев в Гоби, Сахаре и на американском юго-западе. С трудом обеспечивая себе пропитание, несмотря на приобретение невероятных способностей, они благоговейно слонялись среди чужаков, разговаривая странными гортанными и носовыми звуками, которые, по всей видимости, были человеческим вариантом языка их хозяев, что-то вроде пиджин-пришельского. Кто-то пошутил, что разговор с первяком напоминает попытки на слепого прочесть страницу написанного шрифтом Брайля послания для осьминогов.

И совершенно никого из оставшегося большинства не вдохновляло то, что эти бородатые, вшивые, вонючие бродяги, эти словно пьяные пустомели, порабощенные разумом совершенно другой формы жизни, являлись лучшими представителями всего человечества.

Люди и первяки возненавидели друг друга практически с самого начала: люди ненавидели первяков за подбострастие и беспомощность с точки зрения людей, первяки ненавидели людей за невежество и отсутствие способностей с точки зрения пришельцев. И за исключением выполнения приказов пришельцев через нелегальных посредников вроде Хебстера, первяки общались с людьми ровно столько же, сколько их хозяева.

Если их помещали в лечебные учреждения, они или сводили себя в могилу своим бесконечным *кхм-пчхи!* или внезапно теряли терпение и прокладывали себе путь на свободу через стены лечебниц и любой встававший на их пути медицинский персонал. Поэтому энтузиазм шерифов и их помощников, медсестер и санитаров заметно угас, и насильно удерживать первяков где-либо перестали.

Так как эти две группы людей настолько отличались в психологическом плане, что свести их вместе не было никакой возможности, нечесанные кудесники были удостоены отдельной классификации: первые от человечества, первяки. Не лучше и не хуже остальных. Просто другие. И очень опасные.

«Что сделало их такими?..» – Хебстер откатился на стуле назад и посмотрел на отверстие в полу, где раньше размещалась сигнальная пружина. Тесей полностью растворил ее, но как? Силой мысли? Предположим, это телекинез, примененный одновременно ко всем молекулам металла, заставивший их двигаться быстрее и спонтанно. Или, возможно, он просто переместил пружину куда-то в другое место. Куда? В космос? В гиперпространство? В другое время? Хебстер покачал головой и притянул себя назад к удобной и гладкой поверхности стола, успокаивающей и настраивающей на деловой лад.

– Мистер Хебстер? – спросили по громкой связи так резко, что тот даже подпрыгнул. – Это Маргритт из Общей лаборатории номер двадцать три «Б». Ваши первяки только что прибыли. Регулярная проверка?

«Регулярная проверка» означала беседу девяти специалистов общей лаборатории с первяками по всем доступным для понимания техническим вопросам. Методы этой беседы могли быть разными: от выпаливания большого числа вопросов, как на полицейском допросе, до сбивания первяков с толку и поддержания их в таком состоянии в надежде на то, что те выдадут хоть какие-то неожиданные и полезные научные знания.

– Да, – ответил Хебстер. – Регулярная проверка. Но сначала пусть с ними поговорит специалист по текстилю. Вообще, пусть он руководит всей проверкой.

Пауза на другой стороне.

– Единственный специалист по текстилю в этой секции – это Чарли Верус.

– Ну, и? – начал раздражаться Хебстер. – Почему вдруг такой тон? Надеюсь, он компетентен. Что о нем говорит персонал?

– Персонал говорит, что он компетентен.

– Вот и решено. Смотрите, Маргритт, у нас по всему зданию бегают Спецкомиссия с налитыми кровью глазами. У меня нет времени заниматься раздорами между вашими подразделениями. Переведите меня на Веруса.

– Да, мистер Хебстер. Берг! Позови Чарли Веруса. Да, его.

Хебстер покачал головой и хмыкнул. Эти технологи. Скорее всего, Верус был очень умным и очень неприятным в общении.

– Мистер Хебстер? Это Верус, – вновь заговорил коммутатор скучающим и манерным голосом. Скорее всего, этот Верус был неплохим человеком, несмотря на свои невроты. В корпорации «Хебстер Секьюритиз» отдел кадров был просто первоклассным.

– Верус? Я о тех первяках. Хочу, чтобы вы руководили проверкой. Один из них знает, как делать легкую как шелк синтетическую ткань. Узнайте сначала об этом и только потом приступайте ко всему остальному, что у них есть.

– Первяки, мистер Хебстер?

– Я сказал «первяки», мистер Верус. Вы специалист по текстилю, спешу вам напомнить, а не комедиант на полставки. Приступайте к делу. Мне нужен отчет о синтетической ткани к завтрашнему утру. Если нужно, работайте всю ночь.

– Прежде чем мы приступим, мистер Хебстер, возможно вам будет интересна малозначительная деталь. Уже существует синтетическая ткань, которая по свойствам гораздо лучше шелка...

– Знаю, – коротко ответил генеральный. – Ацетат-целлюлоза. К сожалению, у нее несколько недостатков: возгораемость, низкая прочность, плохая химическая устойчивость, потому нельзя использовать стойкие красители. Все верно?

Ответа не последовало, но Хебстер почувствовал, как на том конце потрясенно кивали головой. Он продолжил:

– Кроме того, у нас есть белковые волокна. Они хорошо красятся, легки, имеют достаточную для предметов одежды теплопроводность, но предел их прочности совершенно не сравним с синтетической тканью. Искусственные белковые волокна могли бы стать решением: они такие же легкие, как шелк, мы могли бы использовать те же кислотные красители, что и для шелка, чтобы наши клиентки просто млели и тут же отдавали свои деньги. Знаю, что здесь очень много если, однако один из тех первяков сказал что-то о синтетике, такой же легкой как шелк, и я не думаю, что он находится в здравом уме и говорит об ацетат-целлюлозе. Не нейлон, не орлон, не хлорвинил или что-либо еще, чем человечество уже обладает и что использует.

– Вы хорошо осведомлены в проблемах текстильной отрасли, мистер Хебстер.

– Разумеется. Я изучаю все, где можно заработать хорошие деньги. А теперь бы порекомендовал вам побеседовать с этими первяками. Несколько миллионов женщин ждет затаив дыхание те секреты, которые скрываются за этими нечесаными бородами. Верус, как вы считаете: после прочитанной мной лекции по личным и научным вопросам вы сможете вернуться непосредственно к своим должностным обязанностям и начать уже заниматься тем, за что вам платят деньги?

– М-м-м... Да.

Хебстер подошел к гардеробу в своем кабинете и достал шляпу и плащ. Ему нравилось работать в напряженной обстановке; нравилось видеть, как люди вскакивают и вытягиваются по струнке, когда он повышает на них голос. А теперь ему нравилось, что он сможет хоть немного отдохнуть.

Он скривился, осмотрев на пластмассовый стул, где сидел Ларри. Бессмысленно пытаться его привести в нормальное состояние. Проще купить новый.

– Я в университет, – сообщил он Руфь на выходе. – Если что-то понадобится, со мной можно связаться через профессора Клаймбокера. Но только если это вопрос жизни и смерти. Профессор очень раздражается, когда его прерывают.

Та кивнула. Затем сообщила очень нерешительно:

– Эти двое мужчин, Йост и Фунатти, они из Специальной комиссии по расследованиям? Они строго запретили кому-либо покидать это здание.

– Правда, что ли? – фыркнул он. – Думаю, что они просто бесятся от злости, впрочем, всегда так делают. Но пока они не смогут повесить на меня хоть что-нибудь, пускай катятся куда подальше. И Руфь, скажите моей охране, что могут идти домой, – кроме того, что с первяками. Он должен мне звонить, где бы я ни находился, каждые два часа.

Он устремился прочь, не забывая доброжелательно улыбаться каждому третьему руководителю и каждой пятой машинистке в большом офисе. Персональный лифт и выход были бы гораздо более логичным решением в этих чрезвычайных обстоятельствах, но Хебстер любил, чтобы как можно больше людей понимали, насколько он успешен и удачлив.

Как же здорово будет снова увидеться с Клаймбокером. Он искренне верил, что лингвистический подход позволит найти решение; финансовая помощь, оказываемая его корпорацией, уже позволили в три раза увеличить штат филологического факультета. В конце концов, основной проблемой между людьми и первяками и людьми и пришельцами была проблема

общения. Прежде чем пытаться перенять их научный опыт, направить их мышление и логику так, чтобы они стали понятны людям, необходимо было достичь взаимопонимания.

И именно Клаймбокер должен был найти к нему ключ.

«Я Хебстер, – думал он. – Я нанимаю людей, которые решают проблемы. Затем я зарабатываю на них деньги».

Внезапно кто-то встал у него на пути, другой взял его за руку.

– Я Хебстер, – автоматически повторил он, но теперь уже вслух. – Алжернон Хебстер.

– Именно этот Хебстер нам и нужен, – сказал Фунатти, крепко вцепившись ему в руку. – Будьте любезны пройти с нами.

– Это что, арест? – спросил Хебстер у Йоста, который отошел в сторону, чтобы дать им пройти. Йост барабанил пальцами по своему пистолету в кобуре.

Агент Специальной комиссии пожал плечами:

– К чему все эти вопросы? – парировал он. – Просто пройдите с нами и проявите немного навыков общения, всего-то. Люди хотят с вами поговорить.

Он позволил провести себя через вестибюль, украшенный фресками радикальных художников, ободряюще кивнул швейцару, который с энтузиазмом сказал: «Доброго дня, мистер Хебстер», – выглядывая из-за спин его пленителей. Он довольно удобно устроился на заднем сиденье темно-зеленой машины Специальной комиссии, последней модели моноцикла Хебстера.

– Столь непривычно видеть вас без охранника, – заметил через плечо севший за руль Йост.

– А, он отпросился на день.

– Как только вы закончили с первьяками?.. Нам не удалось, – признался Фунатти, – не удалось найти, куда вы их спрятали. Большое у вас здание, знаете ли, мистер. А Специальной комиссии по расследованиям ООЧ катastroфически не хватает кадров.

– Не стоит забывать и о чрезвычайно низких зарплатах, – встрял Йост.

– Я не смогу об этом забыть, даже если буду стараться из-за всех сил, – уверил его Фунатти. – Знаете, мистер Хебстер, я не стал бы отпускать охранников, будь я на вашем месте. Есть что-то примерно в пять раз более опасное, чем обозленные на вас первьяки. Я имею в виду так называемых высшистов из «Человечества превыше всего».

– Психи Вандермира Демпси? Спасибо, но мне кажется, что вы зря за меня переживаете.

– Мы определенно вас понимаем. Однако не следует недооценивать наше предложение. Эта организация быстро расширяется, а озлобленность ее членов хорошо всем известна. Тираж одного только «Вечернего гуманиста» просто огромен. А когда вы проанализируете их еженедельные газеты, их дешевые брошюры и раздаваемые направо и налево рекламные листки, то поймете, насколько сильна их пропаганда. Изо дня в день они клеймят всех людей, которые зарабатывают деньги на пришельцах и первьяках. Конечно, как и всегда, основная часть их злости приходится на ООЧ, но если обычный высшист встретит вас на улице, то скорее всего перережет вам глотку. Не интересно? Что ж. Может, вам понравится вот это. В «Вечернем гуманисте» придумали для вас милое прозвище.

Йост гоготнул.

– Скажи ему, Фунатти.

Президент корпорации бросил вопросительный взгляд.

– Они называют вас, – сказал Фунатти, смакуя каждое слово. – Они называют вас «межпланетным сводником»!

* * *

Выехав наконец из подземного туннеля, они устремились к недавнему прибавлению среди и без того уже заставляющих чувствовать себя маленьким и жалким высотных городских зданий – воздушной супер-пупер шоссе-трассе до Ист-сайда, известной в народе как «Путь пикирующего бомбардировщика». Сворачивая на Сорок вторую улицу на самом оживленном повороте Манхэттена, Йост не успел на зеленый сигнал светофора. Он рассеянно выругался, а Хебстер невольно закивал в знак немого пассажирского согласия. Не свернув вовремя, они попали в самый эпицентр пробок и теперь были вынуждены наблюдать, как подъемник спускается вниз по шахте, к ожидающим выезда на изгибавшееся справа шоссе машинам. Межуровневые платформы взлетали и падали, образуя постоянный поток портового движения, складываясь, как карточная колода, а пешеходы ожидали своей очереди на нижнем уровне.

– Смотрите! Вон там, прямо перед нами! Видите?

Хебстер и Фунатти посмотрели, куда показывает длинный трясущийся палец Йоста. В двухстах футах севернее съезда и практически в четверти мили выше висел волей-неволей притягивающий к себе взгляды коричневый объект. Густой мрак, заключенный в стеклянный колпак, разрывался яркими синими точками, кружащимися у стенок.

– Глаза? Думаете, это глаза? – спросил Фунатти, беспомощно потирая свои небольшие темные кулачки друг о друга.

– Ученые говорят, что каждая точка – это как один человек, а вся бутылка – это семья или, может, город. Но как они об этом узнали? Это же просто догадка. Я бы сказал, что это глаза.

Йост наполовину высунул свое большое тело из открытого окна и надвинул на глаза свою форменную фуражку, чтобы солнце не мешало обзору.

– Посмотрите на это, – сказал он им через плечо. Гнусавый говор, до этого момента тщательно скрываемый, вернулся к нему из-за нахлынувших эмоций. – Н-та штука вон там, н-смотрит и н-смотрит. Н-смотрите, ей интересно, как мы стоим среди загруженного шоссе! Интерес интересом, но почему бы, например, не отреагировать, когда с ними пытаются разговаривать, когда мы пытаемся понять, чего они хотят, откуда они пришли, кто они вообще такие. Нет, это для них слишком мелко! Они чересчур высокомерны, чтобы говорить с такими ничтожествами, как мы! Но могут наблюдать за нами часами и днями без конца: днем и ночью, зимой и весной; смотрят, как мы делаем свои дела, и каждый раз, когда мы, двуногие тупые животные, пытаемся сделать что-то, что для нас может показаться сложным, тут же появляются вездесущие «точки-в-бутылке», чтобы наблюдать, насмехаться и...

– Ладно, брат, успокойся, – Фунатти наклонился вперед и похлопал партнера по зеленой куртке. – Все хорошо! Помни, что мы при исполнении.

– Какая разница, – тоскливо буркнул Йост, плюхнувшись обратно на свое сиденье и нажав кнопку зажигания. – Как бы я хотел, чтобы у меня с собой был старый добрый отцовский «М1 Гаранд»⁴.

Они проехали вперед, втиснувшись в следующую подъемную секцию, и начали спускаться.

– Это стоит того, даже если меня *пиньгнут*.

«И это говорил агент ООЧ». – Хебстеру вдруг стало не по себе. Йост был не просто агентом «Объединенного человечества», а Специальной комиссии, группы, в которую отбирают только после многочисленных проверок на отсутствие антиперваческих настроений. Такие

⁴ Американская самозарядная винтовка времен Второй мировой войны.

агенты клянутся обеспечивать выполнение законов резервации без какой-либо дискриминации, стремясь к достижению равенства между людьми и пришельцами.

Как долго людям придется терпеть эти унижения? Точнее, людям без коммерческой жилки. Его отец, будучи простым шахтером, смог выбиться в люди и вырастил своего единственного сына так, чтобы тот научился изворачиваться, брать все в свои руки и всегда искать, где и на чем можно сделать деньги.

Однако большинство в этом не были заинтересованы – это Алджернон Хебстер знал наверняка.

Они находили невозможной жизнь со всеми теми достижениями, которые внезапно стали несущественными после появления пришельцев. Было невыносимо осознавать, что самые изумительные изобретения, на которые только способно человечество, самые изящные и надежные конструкции, изысканные и величайшие произведения искусства могут быть скопированы и даже превзойдены в мгновение ока какими-то чужаками; что все это интересовало пришельцев скорее как коллекционеров. Ощущение своей неполноценности ужасно само по себе; но когда оно становится знанием, когда о нем невозможно забыть, некуда от него спрятаться, когда оно четко напоминает о себе каждую минуту, чем бы вы ни занимались, куда бы ни шли, ноша эта становится просто невыносимой и даже сводящей с ума.

Немудрено, что граждане просто теряли голову после многочасового бдительного надзора пришельцев, наблюдавших за красочными парадами, за зимней рыбалкой в ледяных лунках; за тем, как люди с трудом выполняют маневр, успешно совершая посадку трансконтинентального лайнера; или сидели плечом к плечу, потев от жары, криками поощряя стоящего потного человека перед ними: «Давай, брат, давай!..» Немудрено, что они брали ржавые обрезы или блестящие винтовки и стреляли без остановки в небо, усыпанное высокомерно любопытными коричневыми, желтыми и ярко-красными «бутылками».

Это было абсолютно бессмысленно, зато люди могли хоть как-то выпустить пар. Что важнее, пришельцам плевать. Они продолжали наблюдать, словно вся эта стрельба и суматоха, все эти проклятия, угрозы, сотрясание оружием были частью одного всеобъемлющего представления, за билет на которое уже были отданы деньги – поэтому они были настроены смотреть до конца, ожидая очередную нелепую выходку.

Но пришельцы не были ранены, потому не считали себя атакованными. Пули, снаряды, картечь, стрелы, камни из рогаток – все разнообразие человеческого гнева проходило через них, не причиняя никакого вреда. Однако у тел пришельцев все же была какая-то плотность. Это можно было определить по тому, как они преломляли свет и поглощали тепло. И еще...

И еще по редкому *пининьг*.

Иногда тому или иному человеку все же удавалось слегка причинить пришельцу боль. Или, скорее, просто досадить ему каким-то своим чувством, с которым человек стрелял из ружья или бросал копьё.

Вдруг чудилось, что раздавалось легкое подобие звука, словно гитарист оттянул струну ногтем и слишком поздно решил не извлекать звук. И после этого мягкого, едва слышимого *пининьг* вооруженный человек мигом становился безоружным. Он оставался стоять с пустыми руками, глупо уставившись на согнутые пальцы и отставленный локоть, только-только поддерживавший приклад, – словно большой несмышленный ребенок, который забыл, что уже давно пора бросать все игры. После этого невозможно было найти ни ружья, ни даже каких-либо его частей. А пришельцы все так же пристально, сосредоточенно наблюдали.

Казалось, что *пининьг* действовал исключительно против оружия. Таким образом, иногда *пининьг*алась гаубица сто пятьдесят пятого калибра, а иногда под аккомпанемент этого нежного волшебного звука могла пропасть мускулистая рука, занесшая камень для броска. И бывало – быть может, потому, что и инопланетному терпению есть предел? – особо рьяный воитель,

наполненный исключительной злобой и смертоносным насилием, *пинньгался*, со всеми своими воплями исчезая в небытие.

И было не похоже, что это было какое-то оборонительное оружие. Скорее это напоминало тщательно обдуманый ответ, как шлепок в ответ на укус комара. Хебстер с содроганием вспомнил, как он следил за вращением черного цилиндрического прищельца, в котором колыхались янтарные точки, над новым котлованом, вырытым на улице. Прищелец наблюдал, как в котловане копошились рабочие.

Рыжеволосый титан строительного дела в синей робе отвлекся от своенравного гранита Манхэттена, чтобы вытереть пот, застилающий глаза. Он увидел над собой пульсирующих точек-наблюдателей и с ревом поднял свой шумящий отбойный молоток в небо в бессмысленной и, по сути, безобидной бравате. Другие рабочие вокруг практически не заметили, что с ним случилось, когда длинный, темный и пятнистый представитель иноземной расы закрутился в воздухе и – *пинньг!*

Тяжелый отбойный молоток на мгновение остался висеть в воздухе, затем рухнул, как будто поняв внезапно, что его хозяин исчез. Слово его никогда и не существовало. Таким внезапным и быстрым было его исчезновение, практически без шума, без вспышки, без вреда для окружающих, словно это было действие какого-то циркового развоплощения.

«Нет, – решил Хебстер, – угрожать прищельцам – это чистое самоубийство». Самое ужасающее в этом – абсолютная бессмысленность угроз, как, впрочем, и любых других попыток взаимодействия с прищельцами. С другой стороны, был ли хоть какой-то толк от «Человечества превыше всего», или их подход – это просто невроз? Что вообще можно было сделать?

Он нуждался в чем-то, что могло стать основой для его собственной веры, и нашел это. «Я могу делать деньги, – повторил он про себя. – И делать это хорошо. И могу заниматься этим где угодно и когда угодно».

Когда они остановились перед громоздким коричневого кирпича арсеналом Спецкомиссии, он был просто потрясен увиденным. На другой стороне улицы располагалась небольшая табачная лавка, единственная во всем квартале. Разноцветные фирменные названия, украшавшие витрину, были залеплены огромными золочеными лозунгами, по всей видимости, совсем недавно. Лозунги эти были очень знакомыми, – но так близко к представительству ООЧ, к Специальной комиссии по расследованиям?..

В верхней части витрины собственник заявлял о своей приверженности, вывесив три слова, которые своим размером выкрикивали свою ненависть на всю улицу:

«ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ПРЕВЫШЕ ВСЕГО!»

Под ним, в самом центре окна виднелись золоченый символ организации: аббревиатура ЧПВ с вензелями и огромная безопасная бритва.

А еще ниже широко расставленными буквами этот лозунг был повторен и перефразирован:

«Человечество превыше всего, лучше всего и навечно!»

В верхней части двери уже начинались непристойности:

«Депортировать прищельцев! Откуда бы они ни пришли, вернем их обратно!»

А в нижней части двери виднелись единственные рекламные призывы, имеющие отношения к бизнесу:

«Покупайте здесь! Покупайте у гуманистов!»

– Только у гуманистов! – Фунатти с горечью качал головой, стоя рядом с Хебстером. – Вы когда-нибудь видели, что останется от первняка, если ему не повезет оказаться без надзора Спецкомиссии и быть пойманным высшестами? Мокрое пятно, которое можно просто затереть тряпкой. Не думаю, что вы рады появлению таких магазинов, призывающих к бойкоту?

Хебстер едва не фыркнул, когда они проходили мимо отдавших честь охранников в зеленой униформе. «Не так много штучек первяков, которые были бы хоть как-то связаны с табаком. И если бы даже их было много, один закуток «Покупайте у гуманистов» вряд ли меня разорит».

Но глубине души Хебстер признался себе, что такая возможность есть – если они действительно имеют в виду то, что там написано. Членство в организации, как и планетарный патриотизм, – это одно, а бизнес – это нечто совершенно другое.

Губы Хебстера медленно двигались, когда он вспоминал полузабытый катехизис: «Во что бы верил или не верил собственник, он должен зарабатывать определенную сумму денег на этой торговой точке, чтобы в один день не обнаружить свое заведение опечатанным судебными приставами. Он не может вести дело, если не будет удовлетворять большую часть своих клиентов...

Поэтому, так как он все еще в деле и, судя по внешним признакам, преуспевает, очевидно, что он совершенно не зависит от Спецкомиссии, хотя она размещалась в здании напротив. Значит, торговля идет довольно успешно, так как эта отрицательная сторона не только полностью нивелируется, даже наоборот, привлекает всякого случайного клиента, который не только не возражает против этой идеологии высшихов, но и желает отказаться от тех занимательных новинок и пониженных цен на всю продукцию, производимую с помощью технологий первяков.

И на основе этого совершенно неожиданного, но крайне показательного примера можно сделать вывод, что прочитанные мной газеты просто лгут, а социальные экономисты, которых я нанимаю, – полные бездари. Вполне вероятно, что покупающая часть общества – то есть единственная хоть сколько-то мне интересная часть общества – начинает мыслить по-другому, а значит, коренным образом изменится ее потребительская ориентированность.

Возможно, что вся экономика «Объединенного человечества» сейчас находится на вершине, но ее ожидает долгое падение на дно, где ее ждут идеи «Человечества превыше всего», безопасная зона ослепленных фанатиков, границы которой строго блюдут такие люди, как Вандермир Демпси. Две тысячи лет назад ростовщическая, спекулятивная в любых коммерческих проявлениях экономика Римской империи проходила те же самые стадии, – но с исторической точки зрения, гораздо медленнее. Понадобилось три века, чтобы она превратилась в статический, совершенно неделовой мир, где банковское дело стало грехом, а богатство, которое не наследовалось, было чем-то мерзким и постыдным.

... А у нас тем временем люди уже начали оценивать промышленные изделия с позиций нравственности, а не практичности», – осознал Хебстер, когда его смутные умственные комментарии начинали складываться в четкие умозаключения. Он вспомнил о целом ворохе совершенно невообразимых объяснений, приведенные Отделом рыночных исследований на прошлой неделе в связи с неожиданным неприятием потребителями самоочищающейся посуды «Эваклин». Открыв отчет, он пропустил страницы с изложением теории об проведении параллели между названием продукта и некой Катрин Эвакиос – она недавно попала на обложки всей желтой прессы мира благодаря своей умелой работе хлебным ножом над шеями своих пятерых детей и двух любовников, – со скучающей улыбкой, лишь бросив короткий взгляд на одну из ярких диаграмм.

«Наверное, домохозяйки просто неспособны принять что-то радикально новое, – пробурчал он. – После стольких лет мытья посуды тебе говорят, что больше этого делать не нужно. Они просто не могут поверить, что тарелка «Эваклин» остается как новенькая, потеряв после приема пищи тончайший слой молекул. Необходимо более высокая образованность потребителя... Может, как-то сопоставить это с теми клетками, которые теряет наша кожа во время принятия душа?»

Он сделал несколько заметок на полях и решил, что вся проблема связана с неправильной рекламой и продвижением товара.

Однако сезонный спад в мебельном бизнесе настал на месяц раньше запланированного срока. На удивление, люди совершенно не проявили интерес к «Кресляшке Хебстера», товару, который должен был произвести настоящую революцию в том, как мужчины будут сидеть на стуле.

Внезапно он вспомнил почти дюжину недавних рыночных потрясений, и все они происходили преимущественно в сфере потребительских товаров. Все сходится, решил он, любое изменение покупательских привычек не отражается на промышленности еще как минимум год. Заводы, производящие станки, почувствуют это раньше сталелитейных производств, сталелитейщики – до рудоплавильных и обогащительных комбинатов, а банки и крупные инвестиционные компании станут последними в этой череде падающих фишек домино.

А так как его капитал очень тесно связан с исследовательскими изысканиями и производством передовых товаров, то его бизнес не вынесет и подобного кратковременного смещения потребительского спроса. «Хебстер Секьюритиз» просто сдуют как ворсинку с воротника пальто.

«Какой длинный путь можно пройти от маленькой частной табачной лавки. Нервозы Фуннати о растущих настроениях в поддержку высшистов очень заразительны! – подумал он. – Если бы только Клаймбокер смог преодолеть проблему коммуникации! Если бы мы только смогли начать общаться с пришельцами, найти для себя хоть какое-то место в их вселенной. Высшисты бы лишились любых политических рычагов!»

* * *

Хебстер опомнился, только когда они пришли в большой неопрятный офис, стены которого были увешаны картами. Сопровождавшие его агенты отдали честь большому, еще более неопрятному мужчине, который нетерпеливо замахал руками, чтобы те быстрее завязали с официозом и вышли вон. Он показал Хебстеру на ряд стоящих в офисе длинных скамей, покрытых множеством пятен и разводов.

На столе виднелась табличка с готическим орнаментом: «П. Браганза». Сам П. Браганза был обладателем длинных, закрученных, очень густых усов. Кроме того, П. Браганзе совершенно необходимо было подстричься. Все выглядело так, будто и он, и все обстановка его офиса бросали вызов идее высшистов: «Человечество превыше всего». А если учитывать армейские стрижки высшистов, гладко выбритые лица и девиз: «Чистота – залог мужества», то можно было догадаться, как накалялась атмосфера в этом помещении, когда после разгона уличной демонстрации сюда заводили фанатиков, таких стерильно чистых, одетых донельзя просто и опрятно.

– Итак, вы беспокоитесь о том, что высшисты смогут сделать с вашим бизнесом?

Хебстер озадаченно взглянул на него.

– Нет, я не читаю ваши мысли, – засмеялся Браганза, демонстрируя пожелтевшие от табака зубы. Он указал на окно рядом со своим столом. – Я видел, как вы чуть ли не подпрыгнули, когда заметили эту табачную лавку. А затем стояли и смотрели на нее целых две минуты. Я догадывался, о чем вы думаете.

– Исключительная проницательность с вашей стороны, – сухо заметил Хебстер.

Агент Спецкомиссии отрицательно замотал головой:

– Нет, дело не в этом. Это совсем не проницательность. Я знал, о чем вы думаете, потому что сижу в этом офисе, изо дня в день смотрю на эту табачную лавку и думаю о том же. «Браганза, – говорю я себе, – это конец твоей работы. Это конец мирового правительства, стремя-

щегося руководствоваться научными знаниями и законами. Именно вот это – витрина табачной лавки».

Он некоторое время смотрел на свой замусоренный рабочий стол. У Хебстера пробудились инстинкты: повеяло выгодной сделкой. Он понял, что этот человек занимался непривычным для себя делом – хотел завязать переговоры. Хебстер почувствовал, как где-то внутри начал зарождаться страх. Почему Специальная комиссия, будучи выше закона и уж точно выше любых правительств, пыталась пойти с ним на сделку?

Учитывая его прославленную манеру задавать вопросы с занесенной над головой резиновой дубинкой, Браганза был уж слишком мягок, слишком разговорчив и дружелюбен. Хебстер чувствовал себя как загнанная в угол мышь, которая сидит, совершенно растерявшись, и слушает мурчание кошки о том, как тяжело ей бегать от соседской собаки.

– Скажите мне, Хебстер. Какие цели вы перед собой ставите?

– Прошу прощения?

– К чему вы стремитесь в этой жизни? Что планируете днем, о чем мечтаете ночью? Йосту нравятся девушки, и чем их больше, тем для него лучше. Фунатти – семейный человек, пятеро детей. Он счастлив на этой работе, потому что она достаточно безопасна, к тому же ему полагаются все пенсионные выплаты и страховки, так что остаток жизни он сможет прожить безбедно.

Браганза опустил свою мощную голову и стал медленно вышагивать перед столом.

– А вот я несколько другой. И речь не о том, что я заслуженный работник правоохранительных органов. Конечно, я ценю стабильность, с которой бухгалтерия выплачивает мне зарплату; и в этом городе очень мало женщин, которые могут сказать, что откровенно презирают или ненавидят меня. Но единственное, за что я готов отдать свою жизнь, – это Объединенное человечество. Что значит «готов отдать свою жизнь»? Что касается артериального давления и нагрузки на сердце, можно сказать, я уже отдал. «Браганза, – говорю я себе, – счастливый ты человек. Ты работаешь на первое мировое правительство во всей истории человечества. А это кое-что да значит».

Он остановился перед Хебстером и расставил руки. Его зеленый жилет нелепо разошелся и обнажил черную мочалку волос на груди.

– Вот он я. В этом весь Браганза. И теперь, если мы будем разговаривать как здравомыслящие люди, я бы хотел, чтобы вы рассказали о себе. Поэтому и спрашиваю, каковы ваши цели?

Президент «Хебстер Секьюритиз» облизал пересохшие губы.

– Боюсь, что я человек еще проще.

– Это нормально, – поддержал его собеседник. – Рассказывайте, как сможете.

– Могу сказать, в первую очередь, я бизнесмен. Я заинтересован в том, чтобы стать еще более успешным бизнесменом, расширить свой бизнес. Другими словами, я хочу стать богаче, чем сейчас.

Браганза внимательно посмотрел на него.

– И все, что ли? Все?

– Все? Вы слышали когда-нибудь, что деньги – это не все; но все, что не деньги, можно купить?

– На них нельзя купить меня.

Хебстер окинул его взглядом.

– Не знаю, являетесь ли вы достаточно востребованным на рынке товаром. Я покупаю только то, в чем нуждаюсь, лишь изредка делая исключения и балуя себя.

– Ты мне не нравишься. – Голос Браганзы стал хриплым и раздраженным. – Никогда не любил типов вроде тебя, поэтому нет смысла оставаться вежливым. Да я не буду пытаться. Скажу прямо: ты мерзавец.

Хебстер встал:

– В таком случае, мне кажется, стоит откланяться...

– Сядь! Тебя вызвали сюда по определенной причине. Не вижу в этом никакого смысла, но процедура есть процедура. Сядь.

Хебстер сел. В его голову закрался вопрос, платили ли Браганзе хотя бы половину того жалования, что получала Грета Сайденхайм. Конечно, у Греты есть много талантов, и она выполняет совершенно разные, уникальные поручения. Нет, после уплаты всех налогов и социальных отчислений Браганза едва ли получает хотя бы треть.

Его внимание привлекла протянутая Браганзой газета; он взял ее. Браганза хмыкнул, опустился в свое кресло и повернулся на нем лицом к окну.

Это был выпуск «Вечернего гуманиста» за прошлую неделю. Газета служила голосом небольшого, но очень ясно формулирующего свои требования меньшинства, и Хебстер вспомнил, что при последнем ознакомлении с ней возникло чувство, что перед ним публикация какой-то крупной корпорации. Даже если уменьшить вдвое тираж, заявленный в левом верхнем углу, все равно будет три миллиона потребителей, готовых платить деньги.

В правом верхнем углу в красной рамке размещался призыв «Читай гуманиста!». Зеленый заголовок во всю ширину первой страницы гласил: «Трёп – первьякам, людям – осмысленность».

Но самое главное находилось по центру страницы. Карикатура.

Полдюжина первьяков, у всех длинные волнистые бороды и рты с безумными улыбками с высунутыми языками; они скопом сидят в ветхой повозке, держат вожжи, к ним привязано несколько напряженных и тучных джентльменов, одетых просто, но в высоких цилиндрах. В зубы самого толстого и уродливого из них вставлены удила. На удилах написано «Бешеные деньги», на мужчине – «Алджернон Хебстер».

Под повозку попадают, крушатся и ломаются различные вещи и персонажи: надпись в картинной рамке «Дом, милый дом» вместе с куском стены, аккуратно подстриженный мальчик в униформе бойскаута, скоростной локомотив и прекрасная девушка с плачущим младенцем в руках.

Надпись под карикатурой гласила: «Венец творения – или раб?»

– Эта газетенка стала довольно скандальной пропагандистской листовкой и сильно пожелтела, – вслух пробурчал Хебстер. – Не удивлюсь, если они зарабатывают на этом хорошие деньги.

– Значит, могу предположить, – спросил Браганза, не отрываясь от созерцания улицы, – что вы в последние месяцы не являетесь ее постоянным читателем.

– Признаюсь, к счастью, не являюсь.

– В этом ваша ошибка.

Хебстер смотрел на засаленные взлохмаченные черные волосы.

– Почему? – осторожно спросил он.

– Потому что она действительно стала исключительно *успешной* скандальной пропагандистской листовкой и *чрезвычайно* пожелтела. И основным объектом всех ее скандальных выпадов служат именно вы, – Браганза засмеялся. – Видите ли, эти люди считают, что сделки с первьяками скорее грех, нежели уголовное преступление. И согласно этой морали, вы в их глазах сам Сатана.

На секунду прикрыв глаза, Хебстер попытался понять людей, которые считали успокаивающую и прекрасную концепцию прибыли полной грязью с копошащимися в ней трупными червями. Он вздохнул.

– Я рассматриваю высизм как культ.

Казалось, что это проняло агента Спецкомиссии. Он восторженно завертелся в кресле, показывая перед собой обоими указательными пальцами:

– Я совершенно с вами согласен! Это уже выходит за все рамки, к тому же под одними знаменами объединяются совершенно разные и противоречащие друг другу убеждения. Это упрямое, безумное отрицание болезненного факта: во Вселенной есть разум, который превосходит наш. И это отрицание крепнет с каждым днем, пока нет контакта с пришельцами. Если, как вполне может показаться, уважающему себя человечеству нет места в галактической цивилизации, то почему бы нам не остаться наедине с нашим самомнением. Вот так говорят люди типа Вандермира Демпси. Оставим при себе все исключительно человеческое и будем вращаться в нашем небольшом замкнутом мирке. Через несколько десятилетий все человечество будет охвачено этим ограниченным и примитивным мышлением.

Он встал и снова начал бродить по комнате. В его голосе чувствовались слишком откровенные, трагичные, даже умоляющие нотки. Его глаза блуждали по лицу Хебстера, пытаясь найти хоть какие-то признаки слабости, хоть какую-то уязвимость в ледяном спокойствии бизнесмена.

– Подумайте над этим, – попросил он Хебстера. – Постоянные избиения ученых и деятелей искусства, которые, по мнению Демпси, зашли слишком далеко и отделились от общепринятых норм так называемой *человечности*. Нередкие аутодафе, которые устраивают торговцам, пойманным на распространении товаров первьяков...

– Разумеется, меня это не радует, – признался Хебстер, улыбаясь. На мгновение он задумался. – Я вижу, вы пытаетесь объединить всё с рисунком в «Вечернем гуманисте».

– Мистер, мне не надо ничего объединять. Эти люди хотят видеть вашу голову на конце длинного шеста. Они жаждут этого только потому, что вы – символ успешного дельца, зарабатывающего на инопланетных чужаках или их людских мальчишках на побегушках. Они считают, что смогут окончательно остановить контакт с первьяками, если положат конец вашему предприятию, пусть даже это будет кровавый конец. И вы знаете, скажу вам прямо, они, может, и правы.

– Что конкретно вы предлагаете? – спросил Хебстер, понизив голос.

– Чтобы вы присоединитесь к нам. Мы официально сделаем из вас честного человека. Мы хотим, чтобы вы дали направление нашему исследованию; только целью будут не доллары, а межрасовое общение первоочередной важности и, в конце концов, выработка межзвездного соглашения.

Президент «Хебстер Секьюритиз» несколько минут думал над сказанным. Ему хотелось дать как можно более осторожный ответ. И еще, в первую очередь, ему нужно было время!

Он уже был так близок к созданию хорошо слаженной, глобальной, коммерческой империи! Уже десять лет он тщательно прилаживал компоненты индустриальных королевств на свои места, формировал связи во всей производственной сети, устанавливая сюзеренитет, и пытался добиться оптимального контроля над всей своей экономической сатрапией. Он находил восхитительные лакомые кусочки могущества в разрушении своей цивилизации, безграничные возможности обогащения среди летящей в тартарары самооценки человечества. Сейчас ему нужно было всего лишь двенадцать месяцев, чтобы все скоординировать и консолидировать. И внезапно... с открытым от изумления ртом, словно Джим Фиск, спекулятивно скупавший золото на бирже и вдруг узнавший, что Министерство финансов США выбросило на рынок свои огромные запасы... внезапно Хебстер понял, что времени у него попросту не осталось. Он был слишком опытным игроком, чтобы почувствовать, что в этой игре появился новый фактор, что-то находящееся далеко за пределами показателей развития, маркетинговых графиков и индексов грузовых перевозок.

У него вдруг возникло ощущение совершенно непредвиденного поражения. С трудом он ответил:

– Очень польщен. Браганза, я действительно очень польщен. Вижу, что Демпси смог объединить нас. Теперь мы или выстоим, или рухнем вместе. Но я всегда был одиночкой. Пользу-

ясь всеми средствами, что можно купить, я позабочусь о себе сам. У меня нет целей, кроме прибыли. Прежде всего, я бизнесмен.

– Хватит! – Помрачневший Браганза начал зло и суетливо расхаживать по комнате. – Это проблема планетарного масштаба. Настают времена, когда вы не можете себе позволить быть просто бизнесменом.

– Я с вами совершенно не согласен. Не могу даже представить себе такие времена.

Браганза фыркнул:

– Вы не можете остаться бизнесменом, если вас разрежет на куски толпа яростных фашистов. Вы не можете оставаться бизнесменом, когда умы людей настолько податливы, что люди готовы начать голодать по команде своего лидера. Вы не можете остаться бизнесменом, мой подхалимистый, стяжательный друг, если спрос настолько контролируемый, что перестает существовать.

– Это невозможно, – Хебстер вскочил на ноги. К его удивлению он понял, что его голос начинает звучать на грани истерики. – Спрос есть всегда. Всегда! Фокус в том, чтобы узнать, какую форму он принял на этот раз, и удовлетворить его!

– Извините. Не хотел издеваться над вашей религией.

Хебстер глубоко вдохнул и медленно опустился на стул. Он практически чувствовал, как дрожат его красные кровяные тельца.

«Успокойся, – предупредил он себя. – Все хорошо! Этого человека нужно привлечь на свою сторону, а не делать его своим врагом. Они меняют правила игры на рынке, Хебстер, и тебе нужны все друзья, которых можно купить. Деньги этому парню не нужны. Но есть другие ценности...»

– Послушайте, Браганза. Мы на пороге больших психосоциальных потрясений, происходящих, когда очень развитая цивилизация сталкивается с относительно варварской. Вы знаете о «Теории огненной воды» профессора Клаймбокера?

– Это та, по которой логика пришельцев действует на наши умы таким же образом, как виски – на североамериканских индейцев? А первьяки, которые являются нашими лучшими умами, сравниваются с теми индейцами, что симпатизировали цивилизации белых людей? Да. Довольно сильная аналогия. Ее можно распространить и на тех индейцев, которые обпивались алкоголем и валялись мертвецки пьяными на улицах пограничных городов, создавая иллюзию вероломных, ленивых, готовых убить за выпивку аборигенов. И этих индейцев так ненавидели их соплеменники, что те боялись и носа показать у себя дома, чтобы им не перерезали там глотки. Я всегда думал...

– Единственное, что я готов обсуждать, – прервал его Хебстер, – это концепция огненной воды. В индейских поселениях все больше и больше людей убеждалось, что огненная вода и ненасытная цивилизация бледнолицых – это синонимы и что нужно восстать и кровью вернуть свою землю, убивая, как и пьяных изменников, попадавших на пути. Эту группу можно смело сравнить с «Человечеством превыше всего». Затем там было меньшинство, которое признавало превосходство белых людей не только по количеству, но и по оружию и которое отчаянно пыталось найти способ встроить свою цивилизацию в цивилизацию белых людей – без выпивки, конечно. Это и есть «Объединенное человечество». Наконец, там был и мой тип индейцев.

Браганза свел свои густые брови и придвинулся к краю стола.

– Неужели? – спросил он. – И каким же это типом индейцев являетесь вы, Хебстер?

– Тем, кто сохранил достаточно рассудка, чтобы понять, что бледнолицый вовсе не заинтересован в том, чтобы спасти индейцев от медленного и болезненного культурного малокровия. А еще тем типом индейца, инстинкты которого достаточно рациональны, так что он не боится до смерти таких инноваций, как огненная вода, поэтому он просто не будет касаться этой штуки, чтобы не попасть под влияния зеленого змия. А еще тем типом...

– Да? Продолжайте!

– Тем типом, который просто очарован странным прозрачным сосудом, в котором привозят огненную воду! Подумайте только, как завидовал индейский гончар, разглядывая бутылку виски – то, что совершенно выходило за пределы его ремесла, с таким трудом освоенного. Можно предположить, насколько он ненавидел, презирал и ужасно боялся сильно пахнущей янтарной жидкости, которая сбивала с ног самых дюжих воинов, но как хотел получить в свои руки эту бутылку без ее содержимого? Именно так я и ощущаю себя, Браганза. Индейцем, чье любопытство ярким пламенем пробивается через мрак истеричной политики кланов и неприязни к чужакам. Я хочу этот новый тип контейнера, который нужно как-то отделить от огненной воды.

Большие темные глаза смотрели на него, не мигая. Браганза рукой пригладил и подкрутил оба длинных, уходящих практически в бесконечность кончика своих усов. Шли минуты.

– Итак. Хебстер – благородный дикарь нашей цивилизации, – выдавил из себя наконец представитель Специальной комиссии. – Звучит логично. Но как это вписывается в нашу общую проблему?

– Я уже говорил вам, – устало сказал Хебстер, ударяя поручень скамьи ладонью, – что мне совершенно нет дела до общей проблемы.

– И вам нужна только бутылка. Я понял. Но вы не гончар, Хебстер. У вас нет и толики любопытства ремесленника. Вся это историческая романтика, которую вы тут только что изложили... Вам нет дела, если наш мир сварится в собственном соку. Вам нужна только прибыль.

– Я и не говорил, что страдаю альтруизмом. Пусть общую проблему решают те люди, которые умеют оперировать комплексными задачами, вроде Клаймбокера.

– Думаете, что это смогут сделать люди вроде Клаймбокера?

– Я практически уверен, что смогут. И в этом была наша ошибка с самого начала – мы пытались совершить прорыв, привлекая историков и психологов. А они очень ограничены тем, что всю жизнь изучали людские сообщества... Это, конечно, мое личное мнение, но я всегда считал, что занятие наукой интересует только тех, кто пережил серьезные психологические потрясения. Хоть они и могут понять себя и адаптироваться под общество, становясь похожими на тех, у кого проблем изначально меньше; но в целом, я считаю, они все же слишком неустойчивы для такого ответственного и сложного занятия, как установление контакта с пришельцами. Их внутренние колебания, так или иначе, приведут к тому, что они станут первьяками.

Браганза почмокал губами и начал рассматривать стену за Хебстером.

– И все это, как вы считаете, совершенно неприменимо к Клаймбокеру?

– Нет, не применимо к профессору филологии. У него нет никаких склонностей, никаких интеллектуальных предпосылок к личной или групповой неуравновешенности. Клаймбокер – лингвист-компаративист, технолог по своей сути, специалист по основам коммуникаций. Я посещал его в университете и наблюдал за его работой. Его подход к проблеме совершенно не выходит за пределы его темы – общение с пришельцами, а не попытка их понять. Возникло уже столько всяческих домыслов о сознании пришельцев, их половых взаимоотношениях и социальной организации, о том, что не даст нам никакой практической выгоды. Клаймбокер на редкость прагматичен.

– Отлично. Будь по-вашему. Только он сегодня утром стал первьяком.

Хебстер остановился. Слова словно застыли на его онемевших губах.

– Профессор Клаймбокер? Рудольф Клаймбокер? – спросил он, как идиот. – Но он был так близок... Он почти... Базисный словарь сигналов... Он уже совсем...

– Он стал одним из них. Около девяти сорока пяти утра. Всю ночь он провел с первьяком, которого ввел в состояние гипноза один из профессоров психологии, а под утро ушел домой в необычайно приподнятом настроении. Во время своей первой лекции по средневе-

ковой кириллице он прекратил разговаривать и перешел... на «кхм, пчхи». Чихал и кашлял на своих студентов примерно десять минут, как обычно это делают раздраженные первяки, а затем внезапно, как если бы все вокруг были безнадежными и никчемными идиотами, он поднялся в воздух тем сверхъестественным способом, с которого начинают все первяки. Ударился головой о потолок и потерял сознание. Не знаю, что это было – испуг, восхищение, уважение к старику, быть может, – но студенты не связали его, прежде чем бежать за помощью. К тому времени, как они вернулись обратно с университетским агентом Спецкомиссии, Клаймбокер пришел в себя и растворил одну стену здания аспирантуры, чтобы вылететь вон. Вот его снимок примерно в пятистах футах над землей. Он лежит на спине, скрестив руки за головой, и плавно скользит на запад со скоростью приблизительно двадцать миль в час.

Хебстер изучал маленькую бумажную фотокарточку, постоянно мигая глазами.

– Конечно же, вы связались с авиацией, чтобы догнать его?

– А зачем? Мы это уже проходили сотни раз. Он или повысит скорость и создаст смерч, камнем рухнув вниз, а потом размажется пятном по окрестностям, или же материализует что-то вроде мокрой кофейной гущи или слитков золота внутри турбин преследующего его истребителя. Никому еще не удавалось поймать первяка в момент его первого... не знаю, как назвать то, что они делают сразу же после обращения. Так что мы совершенно точно потеряем или очень дорогой самолет, включая пилота, или пару сотен акров плодородной почвы Нью-Джерси.

Хебстер охнул.

– Но восемнадцать лет его исследований!..

– Да. Это все, что мы имеем. Безвыходное положение и многочисленные малозначащие наработки. Независимо от их объема, можно сказать, что мы в тупике. Если нельзя понять пришельцев, основываясь на принципах лингвистики, то их невозможно понять вообще. И точка. Наше самое совершенное оружие для них не страшнее водяных пистолетов, а наши лучшие умы нужны только для того, чтобы служить им в качестве тихих, заискивающих идиотов. Но первяки – это все, что у нас осталось. Мы могли бы разумно поговорить с людьми, не с их хозяевами.

– За исключением того, что первяки по определению не могут говорить разумно.

Браганза кивнул:

– Но так как они изначально были людьми, обычными людьми, еще есть надежда. Мы всегда знали, что рано или поздно нам придется полагаться на нашу единственную возможность контакта. Именно поэтому законы о защите первяков настолько строги; именно поэтому резервации первяков вокруг поселений пришельцев охраняются нашими армейскими подразделениями. Дух линчевания все больше становится духом погромов, так как растет негодование и беспокойство людей. «Человечество превыше всего» уже чувствует себя достаточно уверенно, чтобы бросить вызов «Объединенному человечеству». И если честно, Хебстер, никто сейчас не знает, кто выживет в этой борьбе. Но вы – один из тех, кто разговаривал с первяками, работал с ними...

– Только в деловом аспекте.

– Если честно, это все равно больше, чем самые лучшие наши попытки. Как это ни иронично, единственным людям, контактирующим с первяками, совершенно не интересен скорый крах нашей цивилизации! Ладно. Я это к чему. В текущей политической ситуации вы пойдете ко дну вместе с нами. Учитывая это, мои люди готовы забыть о многом и вернуть вам репутацию. Как насчет такой постановки вопроса?

– Забавно, – подумав, сказал Хебстер. – Дело же не в знаниях, которые делают кудесников из вполне здравых ученых. Они начинают метать молнии в своих домашних, выжимать воду из камней на первых же этапах своего преобразования в первяков, поэтому нельзя сказать, что они получили какие-то новые знания. Похоже на то, что, приблизившись достаточно близко

к пришельцам, начав пресмыкаться, они внезапно смогли освоить ряд космических законов фундаментальнее, нежели простая причинно-следственная связь.

Лицо агента Спецкомиссии медленно побагровело.

– Так вы с нами или нет? Помните, Хебстер, в наше время человек, говорящий, что бизнес должен оставаться бизнесом, является предателем в глазах истории.

– Я думаю, что Клаймбокер – это конец. – Хебстер кивнул своим же словам. – Не стоит больше пытаться понять логику пришельцев, если мы потеряем за этим занятием наши лучшие умы. Думаю, что нужно забыть всю эту чепуху про то, что нужно жить в одной вселенной с этими пришельцами на равных правах. Давайте сосредоточимся на людских проблемах и будем благодарны пришельцам, что они не пришли в наши самые заселенные города и не попросили подвинуться.

Зазвонил телефон. Браганза рухнул обратно в свое кресло. Он дал аппарату издать еще несколько разрывающих тишину трелей, а сам сидел и скрежетал своими мощными квадратными зубами и, не мигая, внимательно смотрел на посетителя. Наконец он взял трубку и коротко сказал:

– У аппарата. Он здесь. Передам. До свиданья.

Браганза стиснул зубы, посидел молча пару секунд и резко развернулся к окну.

– Звонили из вашего офиса, Хебстер. Похоже, ваша жена и сын приехали в город и явились к вам по каким-то делам. Это та, с которой вы развелись десять лет назад?

Хебстер кивнул ему в спину и встал на ноги.

– Наверное, хочет получить свои полугодовые дивиденды с алиментов. Мне нужно идти. От присутствия Сони у моих сотрудников резко падает рабочая дисциплина.

Он знал, что это могло означать только беду. «Жена и сын» были кодовой фразой, означавшей, что в «Хебстер Секьюритиз» случилось что-то крайне серьезное. Он не видел жену с тех пор, как она успешно обвела его вокруг пальца и заставила уступить права на принятие решений в плане образования его сына. По его мнению, она обеспечила себе хорошую жизнь, предоставив ему единственного наследника.

– Послушайте! – резко сказал Браганза, когда Хебстер взялся за ручку двери. Он все еще внимательно смотрел на улицу. – Я скажу вам одно: не хотите с нами, хорошо! Вы в первую очередь бизнесмен, а уж затем гражданин мира. Хорошо! Но аккуратнее, Хебстер. С этой поры, если мы поймаем вас на чем-то незаконном, вы получите по полной. Мы устроим не только самое зрелищное судебное разбирательство, которое только видела наша планета, но пойдем дальше: бросим вас и всю вашу организацию на съедение волкам. Мы сделаем все, чтобы «Человечество превыше всего» получила Хебстер-билдинг себе на разграбление.

Хебстер покачал головой и облизал пересохшие губы.

– Но зачем? Чего вы этим добьетесь?

– Ха! Это доставит многим из нас самое неистовое удовольствие. А также позволит нам временно сбросить пар и избавиться от недовольства в массах. Всегда есть шанс, что Демпси потеряет контроль над своими наиболее горячими головами и они предадутся кровавому беспределу, что даст нам достаточно оснований, чтобы развернуть войска. Тогда мы сможем сломать хребет Демпси и всем крупным высшистам, так как все наше «Объединенное человечество» с удовлетворением оценит, какую опасную банду мы устраним.

– И это, – с горечью заметил Хебстер, – наше идеалистическое, правовое мировое правительство!

Браганза крутанулся на стуле, чтобы посмотреть Хебстеру в лицо; его кулак с грохотом опустился на стол – словно молоток судьи, выносящего приговор.

– Нет, это не оно. Это Специальная комиссия, полномочное, высокопрактичное бюро ООЧ, созданное исключительно для организации отношений между пришельцами и людьми.

Более того, это Специальная комиссия, работающая в режиме чрезвычайной ситуации, когда законы, права и мировое правительство могут разве что страдать демагогией. – Его голова воинственно наклонилась вперед, глаза озлобленно сузились. – Ты считаешь, что карьера и богатство, и даже, будем говорить прямо, жизнь такого откровенно корыстного слизняка вроде тебя, Хебстер, будет цениться выше, нежели чем представительский орган двух миллиардов социально активных людей?

Агент Спецкомиссии гулко стукнул себя в грудь, прикрытую неряшливо застегнутым жилетом.

– Браганза, говорю я себе, тебе повезло, что он слишком охотлив до столь обожаемых им денежек, чтобы согласиться на твоё предложение. Подумай, насколько здорово будет подловить его на крюк, когда наконец он совершит ошибку! Бросить его на растерзание «Человечеству превыше всего», чтобы они радовались, как бешеные псы, и тем самым уничтожили сами себя! Убирайся, Хебстер! С тобой всё кончено.

Выходя из арсенала и подзывая гиро-такси, Хебстер думал, что совершил ошибку. Спецкомиссия была самым влиятельным государственным учреждением в зараженном первьяками мире; оскорбить её было равносильно тому, как если бы таксист решил бы выяснить сомнительные аспекты родословной остановившего его дорожного копа в присутствии полиции.

Но что ему оставалось делать? Работа со Спецкомиссией означала работу под руководством Браганзы, а с тех пор, как Алджернон вел сознательную жизнь, он не выполнял ничьи приказы. Это означало бы сдать свой бизнес, который после некоторого времени и усилий так или иначе должен был стать преобладающим синдикатом на всей планете. И самое плохое, это означало бы переориентацию на общество, отход от взгляда на мир вечно все подсчитывающего бизнесмена, что, по его мнению, и было тем, что можно назвать душой человека.

Швейцар в его здании бежал перед ним, семеня ногами, вплоть до бокового коридора, через который можно было пройти к персональному лифту, затем почтительно отошел в сторону, пропуская вперед. Кабина остановилась на двадцать третьем этаже. С замершим сердцем, медленно, словно неся невыносимую ношу, Хебстер пробирался через сотрудников своей компании, которые с выпученными глазами высыпали в коридор. У входа в общую лабораторию 23 «Б» два высоких человека в серых костюмах его личной охраны расступились, чтобы дать ему войти. Если их вызвали после того, как предоставили один день отгула, это могло означать только то, что возникшая экстренная ситуация была действительно серьезной и вся охрана переводилась на соответствующее положение. Он понадеялся, что экстренную ситуацию объявили вовремя, предотвратив утечку информации.

Грета Сайденхайм уверила его, что экстренную ситуацию объявили достаточно оперативно.

– Я пришла сюда, действуя по протоколу, через пять минут после того, как началась суматоха. Этажи с двадцать первого по двадцать пятый полностью закрыты и все внешние линии связи внимательно отслеживаются. Вы можете задерживать сотрудников не более одного часа после пяти, что дает вам сейчас ровно два часа четырнадцать минут.

Он посмотрел, куда указывает ее с зеленым маникюром ноготь – в дальний угол лаборатории, где лежало тело, обернутое в ворох непонятной одежды. Тесей. Из его спины торчала желтоватая рукоятка из слоновой кости довольно раритетного немецкого кинжала СС выпуска 1942 года. Серебряная свастика на рукоятке была заменена украшенными орнаментом буквами ЧПВ. Длинные спутанные волосы Тесея были полностью пропитаны кровью и походили на жуткую красную мочалку.

«Мертвый первяк», – подумал Хебстер, опустошенно уставившись в пол. В его здании, в лаборатории, куда первяков завели, опередив Йоста и Фунатти на два-три хода. Здесь произошло преступление, за которое полагается смертная казнь, если дело, конечно, когда-нибудь дойдет до суда.

– Смотрите на этого грязного любителя первяков! – съязвил какой-то показавшийся знакомым голос справа. – Он так напуган! Сделай деньги вот на этом, Хебстер!

Президент корпорации повернулся к худому мужчине с бугристой, налысо выбритой головой, который был привязан к неиспользуемой паровой трубе. На нижней половине его галстука, который теперь свисал поверх лабораторного халата, был странный орнамент. Хебстеру понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что это. Миниатюрная золотая безопасная бритва на фоне черной цифры 3.

– Это член третьего ранга организации «Человечество превыше всего»! А еще это Чарли Верус, сотрудник лабораторий Хебстера, – сказал очень короткий человечек с волнистым лбом. – Меня зовут Маргритт, мистер Хебстер. Доктор Джей Эйч Маргритт. Я говорил с вами по громкой связи, когда привели первяков.

Хебстер решительно покачал головой. Он жестами попросил отойти других ученых, которые неловко толпились вокруг него.

– Как долго члены третьего ранга, да и вообще рядовые члены «Человечества превыше всего» получают зарплату в моих лабораториях?

– Я не знаю, – беззастенчиво пожал плечами Маргритт.

Теоретически высшисты не могли стать сотрудниками «Хебстер Секьюритиз», ведь его персонал должен работать в два раза эффективнее, чем персонал Спецкомиссии, когда дело доходило до проверки биографических данных. И, возможно, они и работали в два раза эффективнее. Но что они могли сделать, когда сотрудник вступал в «Человечество превыше всего» после того, как уже прошел испытательный срок? В эти времена, когда каждый норовил обратить ближних в свою веру, необходимы целые подразделения тайной полиции, чтобы отслеживать всех новичков!

– Когда я говорил с вами несколько часов назад, Маргритт, вы продемонстрировали свое отрицательное отношение к Верусу. Не думаете ли вы, что это была ваша прямая обязанность сообщить мне, что с первяками будет работать официальное лицо высшистов?

Коротыш с силой задвигал челюстью.

– Мне платят, чтобы я руководил исследованиями, мистер Хебстер, а не координировал ваши трудовые отношения или участвовал в ваши политических проектах!

Пренебрежение, даже презрение творческого исследователя к бизнесмену и предпринимателю, который платил ему зарплату и оказался сейчас в тяжелой ситуации – вот, что сквозило за каждым произносимым им словом. «Почему, – раздраженно подумал Хебстер, – почему люди ненавидят каждого, кто умеет делать деньги?» Даже эти первяки в его офисе, даже Йост и Фунагги, даже Браганза и этот Маргритт, который уже многие годы работает в его лаборатории. А ведь у Хебстера это единственный талант. Конечно, можно ли сравнить его с талантом пианиста?

– Мне никогда не нравился Чарли Верус, – продолжил руководитель лаборатории. – Но у меня не было никаких оснований подозревать его в высшизме! Должно быть, он получил третий ранг около недели назад, а, Берт?

– Ага, – согласился Берт, стоявший в другом конце помещения. – В тот день он пришел на час позже, сломал все флорентийские склянки в лаборатории и мечтательно сообщил нам, что когда-нибудь мы будем с гордостью рассказывать внукам, что работали в одной лаборатории с Чарльзом Булопом Верусом.

– Лично я, – прокомментировал Маргритт, – посчитал тогда, что он закончил писать книгу о том, что пирамида Хеопса есть не что иное, как запечатленное в камне пророчество о нашем современном текстильном дизайне. Верус – человек вполне такого склада ума. Однако похоже, что эта маленькая безопасная бритвочка так вскружила ему голову. Я бы сказал, что это продвижение было неким авансом за то, что он наконец совершил сегодня.

Хебстер заскрежетал зубами, рассматривая аккуратного безволосого пленника, который безуспешно пытался плюнуть ему в лицо; он пошел к двери, где его секретарша разговаривала с охранником, дежурившим сегодня в лаборатории.

За ними у стены стояли Ларри и Пароход «Лузитания», утробно и нервно общаясь на своем кряхтящем и чихающем языке. Очевидно, что они были потрясены до глубины души. Пароход «Лузитания» все доставала из своего тряпья крошечных слоников, которые смешно пинались ногами и трубили своими тоненькими хоботками. Она бросала их на пол, и слоники взрывались как тонкие мыльные пузыри. Разговаривая, Ларри нервно чесал свою спутанную бороду, периодически взмахивая рукой вверх, к потолку, в котором уже глубоко сидели пятьдесят, а может шестьдесят копий кинжала, торчавшего между лопаток Тесея. Хебстер с содроганием попытался представить, что бы осталось от его здания, если бы первьяки смогли действовать в самообороне хоть сколько-нибудь по-человечески.

– Послушайте, мистер Хебстер, – начал охранник. – Мне было сказано не...

– Оставьте, – прервал его Хебстер. – В этом нет вашей вины. Даже сотрудников лаборатории нельзя винить. Я со своими экспертами целиком и полностью несем ответственность за то, что настолько отстаем от современных тенденций. Мы можем анализировать все, что угодно, кроме тех людей, которые и сотрут нас с лица земли. Грета! Мой вертолет должен быть готов к отлету, и нужно предупредить мой личный стратосферный лайнер в «Ла-Гуардиа». Действуй! А вы... Уильямс, верно? – спросил он, наклоняясь, чтобы прочесть имя охранника на нагрудном удостоверении. – Уильямс, доставьте этих двух первьяков в мой вертолет наверху и подготовьте все к быстрому вылету.

Он повернулся.

– Все остальные! – громко сказал он. – Вы можете отправиться домой в шесть часов. Вам заплатят за часовую переработку. Всем спасибо!

Когда Хебстер вышел из лаборатории, Чарли Верус начал петь. К тому времени, как Хебстер дошел до лифта, несколько сотрудников в коридоре дерзко подхватили гимн. Хебстер приостановился у лифта, внезапно осознав, что практически четверть сотрудников его компании, мужчины и женщины, вторили трескучему и скорбному, но ужасно серьезному тенору Веруса:

*Как грозен славный марш
Миллионов стриженных голов,
Мы растопчем тот отстойник,
Что рождает первьяков,
В наших чистых одеяньях
Мы спасем мир от оков —
Высшистов славься марш!
Славься, славься, аллилуйя,
Славься, славься, аллилуйя...*

«Если так обстоит дело в «Хебстер Секьюритиз, – опечаленно подумал он, заходя в свой личный офис, – то насколько быстро растет поддержка “Человечества превыше всего” среди широких масс?»

Конечно, многие из певших, были скорее сочувствующими, нежели сторонниками, то есть людьми, которые страстно любили хоровое пение и роли народных радетелей, но какой еще импульс должна получить организация, чтобы ее считали крушащей все на своем пути политической силой?

Единственным успокаивающим фактором является очевидная осведомленность Специальной комиссии об этой опасности и те беспрецедентные меры, которые они готовы принять для борьбы с ней.

К сожалению, беспрецедентные меры будут предприняты за счет самого Хебстера.

Он подумал, что ему осталось меньше двух часов, чтобы попытаться выкрутиться хоть как-то из этой ситуации, когда на его территории произошло самое серьезное преступление среди всех перечисленных в современном законодательстве.

Он поднял трубку одного из аппаратов:

– Руфь, – сказал он. – Мне нужно поговорить с Вандермиром Демпси. Пожалуйста, соедините меня лично с ним.

Она так и сделала. Уже через несколько секунд он услышал в трубке известный голос, медленный, бархатистый и льющийся из трубки расплавленным золотом:

– Привет, Хебстер! Вандермир Демпси у аппарата! – он остановился, как будто хотел снова набрать воздух в меха, затем продолжил звучно:

– «Человечество – пусть оно всегда будет впереди, всегда оставаясь при этом человечеством»! – Он хихикнул. – Наш новый лозунг. Мы это называем телефонным тостом. Нравится?

– Очень, – уважительно сказал Хебстер, вспоминая, что этот бывший ведущий телевикторины вскоре будет руководителем и церкви, и государства. – Хм... Мистер Демпси! Я заметил, что у вас вышла новая книга, и мне бы хотелось...

– Это которая? «Антрополитика»?

– Да, она. Отличное исследование. Есть много отличных цитат в главе «Человек – не больше и не меньше».

Раздался хриплый тяжелый смех.

– Молодой человек! В каждой главе любой моей книги можно найти сотни цитат на все времена! Здесь, у меня в штаб-квартире, работает целый конвейер писателей, которые способны вырабатывать до пятидесяти пяти лозунгов и эпиграмм на любую тему в течение десяти минут. Не говоря уж об их возможности работать с политическими метафорами и анекдотами на две фразы с очень занятым подтекстом! Но ты же мне звонишь не для того, чтобы обсудить литературные аспекты, как бы ни были хороши мои упражнения в формировании эмоций у народных масс. Зачем этот звонок, Хебстер? Давай начистоту.

– Да, – начал генеральный директор, слегка успокоенный цинизмом вождя высших и немного раздраженный его хамоватой прямолинейностью. – Я сегодня беседовал с вашим и нашим другом П. Браганзой.

– Я знаю.

– Неужели? Откуда?

Вандермир Демпси снова рассмеялся медленным, добродушным фырканием толстяка, сжимающего ручки кресла-качалки.

– Шпионы, Хебстер, шпионы. У меня они практически везде. Вся эта политика – не что иное, как двадцать процентов шпионажа, двадцать процентов организационных аспектов и шестьдесят – ожидания подходящего момента. Мои шпионы сообщают мне обо всем, чем ты занимаешься.

– Они случайно не рассказали вам, о чем мы говорили с Браганзой?

– Конечно рассказали, молодой человек, рассказали! – Демпси звонко и беззаботно рассмеялся. Хебстер вспомнил его фотографии: голова как огромный мягкий апельсин, в коже которого выдавлена великолепная улыбка. На голове совершенно не было волос – ни одного. Все они, вплоть до последней реснички, до последнего волоска, растущего из бородавки, были удалены электролизом. – В соответствии с донесениями моих агентов Браганза сделал ряд серьезных предложений от лица Специальной комиссии по расследованиям, которые ты совершенно справедливо отверг. Потом же (что вполне в его духе) он заявил, что, если впредь тебя

поймают за какими-либо мерзкими делишками, которые, как все знают, и сделали тебя самым богатым человеком на планете Земля, он использует тебя как приманку, на которую обрушится вся мощь нашего гнева. Должен признаться, мне чрезвычайно нравится вся эта хитроумная схема.

– И вы ведь не поведетесь на эту приманку, – предположил Хебстер.

Грета Сайденхайм вошла в офис и показала круговым движением на потолок. Он кивнул.

– Как раз наоборот, Хебстер, мы поведемся на эту приманку. Мы так поведемся, что все их самые дикие предположения покажутся ничем по сравнению с той неистовостью, что мы обрушим на тебя. Мы проглотим эту приманку, подготовленную для нас Спецкомиссией, а потом устроим благодаря ей мировую революцию. Все именно так и будет, мой мальчик.

Хебстер, волнуясь, вытер губы ладонью.

– Только через мой труп! – Он попытался захохотать, но получилось только прохрипеть. – Вы правы насчет нашей беседы с Браганзой и, возможно, правы, оценивая свои силы, когда дело дойдет до брусчатки и бейсбольных бит. Однако если ненароком желаете упростить текущее положение вещей, то я готов заключить с вами небольшую сделку...

– Извини, Хебстер, мой мальчик. Никаких сделок. Не по этому вопросу. Разве ты не видишь, что мы действительно не хотим ничего прощать? По той же самой причине мы ничего не платим нашим разведчикам, несмотря на все их риски и растущее благосостояние «Человечества превыше всего». Мы поняли, что разведчики, которые пришли к нам из-за своих убеждений, работают усерднее и готовы идти на многое по сравнению с теми, кто попадает к нам из-за своих финансовых проблем. Нет, нам жизненно необходимо дело Хебстера, чтобы поднять толпу. Во время этого дикого безумства мы войдем в кураж, и наши чувства передадутся полиции и солдатам, так что все консервативные граждане, которые обычно недоуменно качают головами и отводят глаза от наших шествий, перейдут все грани приличия и сами присоединятся к грабегам и насилию. Когда число этих граждан перевалит за критическую отметку, вся Земля станет «Человечеством превыше всего».

– Орел – выигрываю я, решка – вы.

Вновь разлилось расплавленное золото смеха Демпси.

– Я понимаю, что ты имеешь в виду, Хебстер. В любом случае при победе ООЧ или ЧПВ от тебя останется лишь мокрое место на сыплющемся песке времени. У тебя был шанс четыре года назад, когда мы призывали всех заботящихся о судьбе человечества бизнесменов поддерживать нас деньгами. Довольно многие из твоих конкурентов смогли увидеть взаимосвязь между экономикой и политикой. Вудран из инвестиционного фонда «Андервуд» стал сегодня членом первого ранга. Но никто из твоих руководителей высшего звена не может похвастаться значком бритвы. Но пусть так... Однако то, что случится с тобой, – это будет ничем по сравнению с судьбой первяков.

– Пришельцам может не понравиться избивание их слуг.

– Да нет никаких пришельцев! – ответил Демпси совершенно изменившимся голосом. Было похоже, что его губы застыли, и он попросту не мог ими двигать.

– Нет пришельцев? Это все, что вы хотите сказать? Серьезно же, вы не можете говорить это на полном серьезе!

– Есть только первяки – существа, которые сняли с себя ответственность, лежащую на всех людях, поэтому могут делать различные чудесные вещи, отвергаемые на самом деле человечеством, так как нет в них никакого достоинства для настоящего человека. Но пришельцев никаких нет. Пришельцы – это миф, созданный первяками.

Хебстер заворчал:

– Это идеальный способ противодействия неприятному вам факту. Смотреть сквозь него, ничего не замечая.

– Если ты настаиваешь на разговоре о таких призрачных вещах, как пришельцы, – вмешался скрежещущий злой голос. – Боюсь, что нам придется закончить. Очевидно, что ты на грани того, чтобы стать первяком, Хебстер.

На той стороне повесили трубку.

Бизнесмен поводит пальцем по ободу трубки.

– Он ведь беспрекословно верит в то, что говорит, – в ужасе произнес Хебстер. – Клянусь всем приходящим в упадок человечеством, он просто не может жить без той уверенности, которую пытается вселить во всех своих последователей... в том, что ужасных, превосходящих нас пришельцев просто не существует!

Грета Сайденхайм ждала у двери, держа в руках чемодан и верхнюю одежду для него и для себя. Выйдя из-за стола, он сказал:

– Я не буду просить вас остаться, Грета, однако...

– Прекрасно, – ответила она, следуя за ним. – Думаете, мы сможем долететь до... куда мы едем?

– Аризона. Самое первое и самое крупное поселение пришельцев. Место, откуда приехали наши друзья со смешными именами.

– Что вы можете сделать там, чего не сможете сделать здесь?

– Если честно, Грета, то я не знаю. Однако хорошо иногда просто спрятаться. С другой стороны, хочется внимательно осмотреть место-источник этой агонии; я – предприниматель, любящий спонтанность и экспромты; поэтому лучше всего размышлять и находить решения прямо на месте.

Однако у вертолета его уже поджидали с плохими новостями.

– Мистер Хебстер, – безучастно сказал пилот, пытаясь разжевать высохшую жвачку. – Стратосферный лайнер арестован Спецкомиссией. Мы все еще летим? На этой штуке мы будем лететь очень медленно и недалеко.

– Мы все равно едем, – сказал Хебстер после минутного сомнения.

Они сели внутрь. Двоих периодически чихающих друг на друга первяков разместили на полу у заднего ряда сидений. Уильямс вежливо помахал своему боссу.

– Кроткие, как агнцы, – сказал он. – Всего одного сделали. Пришлось выкинуть.

Большой, похожий на котелок вертолет поднялся в воздух, словно по канату, и полетел прочь от Хебстер-билдинг.

– Похоже, произошла утечка, – сердито прошептала Грета. – Они узнали о мертвом первяке. Кто-то в организации сливает информацию, но я не смогла узнать кто. Спецкомиссия узнала о мертвом первяке и устроила на нас настоящую охоту. Но мы сумели от них ускользнуть.

Хебстер уныло улыбнулся. Она очень эффективно работала. Так работал практически весь персонал двенадцати подразделений организации. Так работал и сам Хебстер. Но они все были квалифицированными и полезными сотрудниками для обычного бизнеса, работавшего в стабильные времена. Политические шпионы! Если у Демпси были шпионы и саботажники по всей компании «Хебстер Секьюритиз», то почему от него должен отставать Браганза? Они поймают его, как только он только предпримут попытку к бегству; арестуют его, прежде чем он сможет найти хоть малейшую лазейку.

Они притащат его на суд, который в назидание истории будет называться «Разбирательством дела кровавого Хебстера». Дело, которое начнет мировую революцию.

– Мистер Хебстер, они начинают волноваться, – позвал его Уильямс. – Мне их уговорить?..

Хебстер внезапно с надеждой выпрямился.

– Нет, – ответил он. – Оставьте их в покое!

Он начал пристально наблюдать за внезапно возбуждившимися первьяками. Именно за этим он и взял их с собой! Годы, проведенные в общении с первьяками, научили его многому. От них было гораздо больше пользы, чем простое изготовление всяческих безделушек.

В окне показались две точки. Через пару секунд они превратились в истребители с опознавательными знаками Спецкомиссии.

– Пилот! – скомандовал Хебстер, не отрывая взгляда от Ларри, который с силой рвал волосы своей бороды. – Уберите руки со штурвала! Быстро! Вы слышите меня? Это приказ! Уберите руки со штурвала!

Пилот с сомнением отодвинулся. И как нельзя вовремя. Приборная панель растворилась, превратившись в гроыхающие пурпурные осколки. Лепестки гирокомпаса обернулись саксофонами цвета индиго. В ушах начало звенеть от ультразвуковых частот, когда какая-то невообразимая сила подняла их над истребителями.

Через пять секунд они уже были в Аризоне.

Они вышли из своего теперь уже неузнаваемого летательного аппарата в пустыню, где росли только сухие колючки.

– Я даже не хочу знать, во что превратился мой вертолет, – заметил пилот, – и что несло его по воздуху. Одно непонятно: как первяк понял, что за нами гонятся копы?

– Думаю, что он ничего об этом не знал, – объяснил Хебстер. – Однако он был достаточно чувствителен, чтобы понять, что летит домой, а те истребители сделают все, чтобы ему помешать. Поэтому он сработал в своих интересах, поступая практически как человек. Он защитил себя!

– Идем домой, – сказал Ларри. Он очень внимательно слушал Хебстера, так что из правого уголка его рта непроизвольно стекала слюна. – Гемостат, гомогной, горб. Дом – там, где злость. Удар – там, где горб. Домой и дверь закрой.

Пароход «Лузитания» запрыгала на одной ноге, одаривая всех своей странной, плотоядной улыбкой.

– Гематома, – предложила она игриво, – это не что иное, как «ты, мы дома». *Кхм, пчхи?*

Ларри пошел за ней, держась примерно в трех футах над землей. Он медленно шел по воздуху, выказывая такую боль, словно дорога, по которой он двигался, была усеяна мелкой и острой галькой.

– До свидания, люди, – сказал Хебстер. – Я иду к волшебнику вместе со своими друзьями в засаленных грязных лохмотьях. Помните, что, когда Спецкомиссия догонит вашу необычайную посудину, держитесь к ней поближе. Кстати, имеет смысл сказать, что именно я принудил вас отправиться в эту поездку. Можете приплести, что я ушел в пустыню искать решение, думая, что если я стану первяком, то это будет для меня лучше, нежели чем стать грушей для битья, право собственности на которую будут горячо оспаривать друг у друга такие люди, как П. Браганза и Вандермир Демпси. Я вернусь в своем собственном уме или, как говорили спартанцы, на нем.

Он потрепал Грету по щеке и ловко зашагал по песку, догоняя Пароход «Лузитания» и Ларри. Один раз он посмотрел назад и улыбнулся, увидев, что оставшиеся покинуто смотрят ему вслед, хоть и с некоторым любопытством, особенно Уильямс, грузный молодой человек, который зарабатывал себе на жизнь, охраняя тела других людей.

Первяки шли по какому-то только им понятному маршруту, проложенному, видимо, человеком или существом, очарованным движением мехов аккордеона. Снова и снова невидимая тропа замыкалась кругами сама на себя, пересекалась перпендикулярно, возвращалась на сотни ярдов назад, и все начиналось снова.

Это была Аризона – земля первяков, где было основано первое и самое крупное поселение пришельцев. В этом уголке юго-запада осталось мало живых существ – только пришельцы и их помощники.

– Ларри, – позвал Хебстер, осознав вдруг одну неприятную мысль и очень ею обеспокоившись. – Ларри! Твои... твои хозяева знают, что я иду с вами?

Пропустив шаг и споткнувшись в размышлении над столь категоричной постановкой вопроса, первяк рухнул на землю. Он поднялся, скривил рожу, посмотрев на Хебстера, и покачал головой.

– Ты не предприниматель, – сказал он. – Здесь и тут нечего предпринимать. Здесь и тут может быть только веселое как-у-вас-говорится почитание. Движение к универсальному внутреннему миру – понимание полного и вечного, частного и исчезающего, что уже само по себе... Что уже само по себе... – Он сжал руки так, что пальцы впились в плоть, и попытался донести смысл сказанного, как будто выпуская его из сжатых ладоней. Он медленно водил головой из стороны в сторону.

Хебстер оторопел, увидев, что старик плачет. Вот еще один признак того, что стать первяком – значит, сойти с ума! Это давало человеку понимание чего-то совершенно недостижимого для обычных людей, позволяло подняться на какие-то вершины сознания, на которые он в силу своей природы никогда бы не смог подняться. Это позволяло взглянуть на некую психически обетованную землю, а затем просто погребало его, страстно стремящегося в это неведомое, под ношей собственной неполноценности. И оставляло его опустошенного, лишенного всякой гордости за все свои достижения, но с неким близоруким полузнанием о том, куда он хочет попасть, но не оставляя никаких шансов туда добраться.

– Когда я впервые пришел сюда, – сбивчиво говорил Ларри, искоса смотря Хебстеру в лицо, как будто понимая, о чем думает бизнесмен, – когда я попытался в первый раз понять... Все что я принес с собой, схемы и учебники, собранную статистику и построенные графики... Все оказалось ненужным. Все это, как я понял, было бесполезными игрушками, созданными лишь слабым подобием мысли. А затем, Хебстер, я увидел настоящую мысль, настоящую власть разума! Ты сам познаешь эту радость и будешь служить рядом с нами, конечно же, будешь! О! Этот незабываемый подъем...

Его речь сменилась несвязным поскуливанием, так как он с силой укусил свой кулак. К нему спустилась Пароход «Лузитания», все еще подпрыгивая на одной ноге.

– Ларри, – предложила она нежнейшим голосом, – *кхм, пчи* Хебстера отсюда?

Он удивленно посмотрел на нее, потом кивнул. Два первяка взяли за руки и с трудом вскарабкались обратно на невидимую тропу, с которой свалился Ларри. Некоторое время они стояли лицом к Хебстеру, словно странные, одетые в лохмотья, сюрреалистичные Труляля и Траляля.

Затем они исчезли, и тьма окутала Хебстера, как будто ее вдруг выпустили из бутылки. Он осторожно опустился и сел на песок, который все еще хранил в себе весь полуденный жар Аризоны.

Вот оно!

Предположим, появится пришелец. Предположим, пришелец открыто спросит, чего хочет Хебстер. Это будет плохой исход. Алджернон Хебстер, экстраординарный предприниматель (конечно, сейчас несколько пустившийся в бег), не знал, чего он хочет – во всяком случае, от пришельцев.

Он не хотел, чтобы они улетали, так как технологии первяков, которые он задействовал уже более чем в десяти различных сферах деятельности, были по существу людской интерпретацией и адаптацией технологий пришельцев. Он не хотел, чтобы они оставались, потому что весь мировой порядок растворялся кислотой их всепоглощающего превосходства.

Он также знал, что не хочет становиться первяком.

Тогда что осталось? Бизнес? Хорошо, тогда остается вопрос Браганзы. Что делать бизнесмену, когда спрос настолько хорошо контролируется, что практически сходит на нет?

Или что ему делать вот в таких обстоятельствах, когда спроса как будто и нет, так как нет ничего такого, что пришельцы хотели бы получить от хилого, ничего не знающего человечества?

– Он найдет что-нибудь, что им нужно, – сказал Хебстер вслух.

Как? Как? Ну, хорошо, индейцы ведь продавали свои расшитые одеяла бледнолицым, получали за это деньги, зарабатывали на жизнь. И он будет настаивать, чтобы ему платили наличными, а не огненной водой. Если бы только он мог организовать встречу с пришельцем, то довольно быстро смог бы понять, в чем тот нуждается, чего хочет всем своим внеземным существом.

А затем, когда вокруг него повсюду материализовались бутылки в виде реторт, пробирок и воронок, он все понял! Они настойчиво формировали в его сознании вопросы. И их не удовлетворяли ответы, которые он пытался найти. Однако им нравились ответы. Им очень и очень нравились ответы. Если он заинтересован, всегда есть способ...

Он ощутил, как большая бутылка с яркими точками будто погладила ему мозг, и закричал.

– Нет! Не хочу! – объяснил он в отчаянии.

Пиннь!.. – начали точки-в-бутылке, и Хебстер схватился за свое тело. То, что его плоть не исчезла, несколько воодушевило его. Он чувствовал себя той девчонкой из греческой мифологии, которая молила Зевса дать ей узреть его во всей мощи его божества. Через пару мгновений после этой мольбы от любопытной женщины не осталось ничего, кроме маленькой кучки пепла.

Бутылки вращались в головокружительном ритме, залетали друг в друга и снова разделялись в странном замысловатом танце, излучая эмоции, которые весьма отдаленно можно сравнить с любопытством и отчасти с восторженным весельем.

Почему именно восторг? Хебстер был уверен, что уловил отголосок именно этого чувства, понимая, что алгоритмы мышления совершенно не совпадают. Он покопался в своей памяти, нашел то, что ему показалось соответствующим ситуации, но потом отбросил в сторону после тщательного изучения. Что же он пытался вспомнить, что пытались подсказать его сверхэффективные инстинкты успешного бизнесмена?

Танец ускорился и усложнялся. Несколько бутылок проскользнуло под его ногами, и Хебстер видел, как они пульсировали и вращались в десяти футах под поверхностью земли, словно их присутствие сделало планету прозрачной и проницаемой. Совершенно не знакомый с тем, как обстоят дела у пришельцев, не зная и не переживая о том, танцуют ли они, совещаясь или совершая необходимый социальный ритуал, Хебстер все-таки почувствовал, что танец приближается к своей развязке. Между большими бутылками появились тонкие изогнутые зеленые молнии. Что-то взорвалось у его левого уха. Он в страхе потер лицо и отпрянул в сторону. Бутылки последовали за ним, не выпуская его за пределы сферы, которую они очертили вокруг него своими бешеными движениями.

Почему именно восторг? Там, в городе, пришельцы казались ужасно серьезными, когда практически без движения висели в воздухе, наблюдая за жизнью и делами человечества. Они были хладнокровными и аккуратными учеными, которые не демонстрировали ни малейшего намека на... на...

Значит, он что-то понял. Наконец-то он что-то понял. Но что делать с мыслью, если ее невозможно ни выразить, ни реализовать?

Пинньг!

Предыдущее предложение повторялось уже более настойчиво. *Пинньг! Пинньг! Пинньг!*

– Нет! – заорал он, попытался встать на ноги, и понял, что не может. – Я не хочу... Не хочу становиться первяком!

Раздался отстраненный, почти божественный хохот.

Он почувствовал, как что-то ужасное скребется в его мозгу, когда два или три пришельца залетели туда и начали вертеться. Со всей силы Хебстер зажмурил глаза и начал думать. Он был близок, очень близок... У него появилась мысль, но нужно было время, чтобы ее сформулировать. Немного времени, чтобы понять, что это за мысль и что же с ней делать.

Пинньг, пинньг, пинньг! Пинньг, пинньг, пинньг!

У него заболела голова, как будто из нее высасывали разум. Он пытался удержать его, как только мог. Но ничего не получалось.

Ну, хорошо. Он внезапно расслабился, бросив все попытки себя защитить. Но разум его кричал, и этот крик проник в глотку. Впервые в своей жизни, лишь частично понимая, кому он обращает свой отчаянный крик, Алджернон Хебстер просил о помощи.

– Я все сделаю! – попеременно кричал и думал он. – Экономить деньги, экономить время, экономить то, что вы только захотите сэкономить, кем бы вы ни были и кем бы себя ни называли... Я помогу вам экономить! Помогите мне, помогите мне! Мы все сделаем, но только быстрее. Вашу проблему можно решить – экономия. Сводный баланс ... помогите...

Слова и безумные мысли сменяли друг друга и исчезали обратно, как сжимающиеся кольца пришельцев вокруг него. Он все кричал, пытаясь сконцентрироваться на умственных образах, когда неуклонно где-то внутри него игривые и веселые силы загоняли в угол его здравый ум.

Внезапно он перестал ощущать что-либо. Внезапно он получил те знания, о которых никогда не мог и мечтать, и в тысячи раз больше забыл. Внезапно он понял, что каждым нервом своего тела можно управлять по мановению мысли. Внезапно он...

Пинньг, пинньг, пинньг! Пинньг! Пинньг! ПИННЬГ! ПИННЬГ! ПИННЬГ! ПИННЬГ!

– ... как-то так, – сказал кто-то.

– Что, например? – спросил кто-то еще.

– Ну, они даже лежать не могут нормально. А этот спит как человек. Они вращаются и стонут во сне, эти первяки, серьезно, как как закоренелые алкоголики... Раз уж мы заговорили о стонах – вот и наш герой.

Хебстер обнаружил себя на полевой армейской кровати. Голова просто раскалывалась. Страхи оставляли его, а если нет страхов, то значит и любой вред, любая боль была ему нипочем. Браганза с очень озабоченным и расстроенным видом стоял рядом с кроватью, разговаривая с другим человеком, который, по всей видимости, был доктором. Хебстер улыбнулся им обоим, подавив в себе искушение издать череду бессмысленных слогов.

– Привет, парни, – сказал он. – Вот и я. Крыша выправлена и надежно закреплена.

– Вы, что, хотите сказать, что вступили в контакт? – закричал Браганза. – Что общались с ними и не стали первяком?

Хебстер приподнялся на локте и увидел через открытый полог палатки Грету Сайденхайм, которая стояла по другую сторону от вооруженного охранника. Он помахал ей рукой, а она кивнула и широко улыбнулась в ответ.

– Нашли меня одиноко лежащего в пустыне, как бродягу, да?

– Нашли! – сплюнул Браганза. – Тебя, парень, притащили первяки. Впервые, понимаешь, это произошло впервые. Мы ждали, когда ты придешь в сознание с непоколебимой верой, что все с тобой будет нормально.

Президент корпорации потер лоб.

– Будет, Браганза, все обязательно будет. Только первяки, да? Им не помогали никакие пришельцы?

– Пришельцы? – Браганза сглотнул. – Что заставило тебя подумать... Что вообще дало тебе основание полагать, что... что пришельцы должны помочь первякам доставить тебя сюда?

– Хорошо, возможно, мне не следовало использовать слово «помощь». Но я думал, что в группе сопровождения моего бессознательного тела сюда было несколько пришельцев. Что-то вроде почетного караула, Браганза. Это было бы вежливо с их стороны, не думаете?

Агент Комиссии удивленно взглянул на доктора, который с интересом слушал их разговор.

– Можете выйти на минутку? – попросил Браганза.

Он проследовал за доктором и опустил полог палатки. Затем подошел к армейской кровати и начал нервно дергать себя за усы.

– Послушай, Хебстер, если ты и дальше будешь продолжать паясничать, я вспорю тебе живот, вытащу кишки и накормлю тебя ими! Что произошло?

– Что произошло? – Хебстер засмеялся и медленно, осторожно потянулся, как будто боялся сломать кости рук. – Не думаю, что смогу когда-либо полностью ответить на этот вопрос. И есть какая-то часть моего рассудка, которая очень рада, что не смогу. Вот, что я помню совершенно точно. Меня посетила мысль. Я донес ее до заинтересованной стороны. Мы с этой стороной заключили предварительное соглашение от лица представителей, точные условия этого соглашения будут определены нашим руководством, а окончательный итог будет зависеть от принятия изложенных условий. Более того, мы... Хорошо, Браганза, хорошо! Я расскажу все, как есть. Опустите свой складной стул. Следует учитывать, что я только что пережил довольно тяжелое потрясение.

– Ничуть не тяжелее чем то, что предстоит пережить нашему миру, – зарычал представитель власти. – Пока ты наслаждался своим трехдневным отпуском, Демпси устроил полноценную повсеместную революцию. Он очень аккуратно ограничил все парадами и устным фейерверком из своих лозунгов, чтобы мы не применили спецвойска для разгона, однако очевидно, что скоро они начнут демонстрировать мускулы. Возможно, все произойдет завтра; он пока настраивает телевещание на весь мир, и, по мнению наших лучших экспертов, его девиз, произнесенный в прямом эфире, и будет сигналом к действию. Знаешь, какой у него лозунг? Он связан с Верусом, которому предъявлено обвинение в убийстве; они заявляют, что он станет мучеником.

– И вас всех тоже застали врасплох. Сколько агентов Специальной комиссии оказались на самом деле высшистами?

Браганза кивнул.

– Не очень много, но больше, чем мы ожидали. Больше, чем мы можем себе позволить. И он все сделает. Демпси пойдет до конца, если только ты не нашел какого-то решения. Смотри, Хебстер, – в его тяжелом голосе появились нотки мольбы, – не играй со мной больше. Не обижайся на мои угрозы, в них нет никакой личной неприязни, просто ужасное беспокойство за мир, за всех людей, за правительство, которое я поклялся защищать. Если ты все еще злишься на меня, я, Браганза, отпущу тебя на все четыре стороны, как только мы расхлебаем эту кашу. Но сначала расскажи, что мы имеем. Много жизней, да что там – вся история человечества зависит от того, что ты делал в пустыне.

Хебстер все ему рассказал. Он начал с описания инопланетной вальпургиевой ночи.

– Наблюдая за тем, как пришельцы влетают друг в друга и вылетают обратно в каком-то странном ритме, я вдруг понял, насколько они отличаются от тех глубокомысленных точек-бутылках, которые висают над нашими оживленными городами, как сильно знакомое место влияет на поведение, и насколько трудно понять их по поведению в незнакомой компании. А потом я понял, что здесь не их дом.

– Это понятно. Ты узнал, из какой части галактики они сюда прилетели?

– Я вообще не об этом говорю. Только потому, что мы выделили это место (и многие другие места – в Гоби, Сахаре, Центральной Австралии) как резервацию для тех из нас, чей

рассудок повредился из-за четкой, осознанной и непреклонной уверенности в нашем несовершенстве, мы не можем предполагать, что пришельцы, обитающие вокруг этих поселений первяков, тоже организовали здесь свои поселения.

– Чего? – Браганза быстро замотал головой и заморгал глазами.

– То есть мы сделали такое предположение, исходя из очень очевидного превосходства пришельцев над нами. Но это предположение, а значит и само превосходство, существует только в нашем понимании того, что означает термин «превосходство», а что – термин «неполноценность», а для пришельцев эти понятия заключаются совершенно в другом. И понятия эти могут оказаться совсем неприменимыми к тем пришельцам, которые живут... в резервации.

Агент Спецкомиссии начал мерить палатку быстрыми шагами. Он колотил себя по открытой потной ладони огромным кулаком.

– Я начинаю понимать...

– Я тоже в ту минуту осознал, что начинаю что-то понимать. Предположения, которые не вписываются в алгоритмы мышления, поддерживаемые ими, уничтожили множество куда более талантливых бизнесменов, с которыми я не захотел бы оказаться даже за одним переговорным столом. Возьмем четырех брокеров, которые после краха рынка в тысяча двадцать девятом году...

– Хорошо, – быстро вмешался Браганза, ставя стул у кровати. – Что было дальше?

– Я все еще не был ни в чем уверен; в голове у меня пронеслись несколько случайных мыслей, вдохновленных выбросом инопланетного неосвязаемого адреналина, и, конечно, меня не покидало стойкое ощущение, что эти пришельцы не демонстрировали того пришельского поведения, к которому мы уже привыкли. Они напоминали мне что-то или кого-то. Я был точно уверен, что как только вспомню кого, то практически решу эту проблему. И я был прав.

– Как это ты был прав? Что ты там вспомнил?

– Можно сказать, что я пошел от обратного. Я вспомнил аналогию профессора Клаймбокера о бледнолицых, которые навязали огненную воду индейцам. Я всегда чувствовал, что в этой аналогии и кроется решение. И внезапно, вспоминая профессора Клаймбокера и наблюдая за этими могущественными созданиями, вертящимися друг вокруг друга, залетающими друг в друга и вылетающими обратно, я внезапно понял, что здесь не так. Не сама аналогия, а то, как мы ее воспринимаем. Мы взяли молоток за боек, а не за ручку. Бледнолицые дали огненную воду индейцам – все так, но и получил обратно не меньший подарок.

– Что же?

– Табак. Конечно, с табаком все в порядке, если им не злоупотреблять, однако, первые белые люди, которые начали курить табак, скорее всего, лишились чувства меры точно так же, как первые индейцы, попробовавшие алкоголь. У алкоголя и табака есть одно общее свойство – можно отравиться и заболеть, если принять в первый раз слишком много. Понимаешь, Браганза? Эти пришельцы в пустынной резервации больны. Они встретились с чем-то в нашей культуре, чего психологически не могут переварить, например... ну, я не знаю, что там такого выдающегося в нашем умственном пищевом, от чего могут образоваться язвы и гастрит. Их отправили в пустыню на карантин, пока проблема не будет решена.

– Что-то, что они не могут переварить психологически... Что это может быть, Хебстер?

Предприниматель раздраженно пожал плечами.

– Не знаю. И не хочу знать. Возможно, они просто не могут забыть о проблеме, пока ее не решат, однако они не могут решить вставших перед ними загадок о жизни человечества, так как человечество по своей сути очень разное. Не следует думать, что они понимают нас, только потому, что мы не можем понять их.

– Это ведь не все, Хебстер. Как говорят в телевизоре: мы это можем, но ведь они могут все гораздо лучше.

– Тогда почему они посылают этих первяков с просьбами дать им самые странные при-
способления и самые невообразимые безделушки?

– Они могут копировать все, что мы производим.

– Может, это оно и есть, – предположил Хебстер. – Они могут копировать, но могут ли проектировать и разрабатывать? Они демонстрируют все признаки того, что являются расой существ, которой никогда не приходилось что-то для себя создавать. Возможно, они довольно быстро эволюционировали в животных, имеющих власть над материей, поэтому им не приходилось проходить через различные стадии проектирования и создания различных вещей. Это, если говорить в наших терминах, огромное преимущество; но неминуемо влечет за собой ряд недостатков. Помимо всего прочего это означает сведенное к минимуму искусство в различных формах его проявления, отсутствие базовых инженерных знаний о самих вещах, не говоря уж о свойствах используемых и видоизменяемых материалов. Потом оказалось, что я полностью прав.

Музыка, например, не является производной теоретических гармоник или партитуры в голове дирижера или композитора. Все это уже более поздние стадии. Музыка, прежде и важнее всего, является производной физических свойств определенного инструмента: тростниковой дудки, обтянутого кожей барабана, глотки человека. Она производная от тех материальных предметов, с которыми раса, оперирующая только электронами, позитронами и мезоатомами никогда бы не столкнулась во время своих исследований и работы. Как только я это понял, я нашел еще одну ошибку в нашей аналогии – само предположение.

– Ты имеешь в виду предположение, что мы являемся неполноценными по сравнению с пришельцами?

– Да, Браганза. Они могут многое из того, что не можем мы, но можно сказать и обратное. Сколько у нас талантов, которыми не обладают они – тут можно строить только догадки, и мы будем пытаться это определить еще долгое время. Пусть теоретики переживают об этом через столетие, сейчас не об этом следует думать.

Браганза вертел пуговицу на своей зеленой жилетке и смотрел невидящими глазами поверх головы Хебстера.

– Больше не будем проводить с ними научных экспериментов, да?

– Что ж, пока мы этого не можем себе позволить, и нам следует принять эту слегка неприятную ситуацию. Пусть нас утешает то, что им придется делать то же самое. Разве это не понятно? Здесь нет никакой неадекватности. У нас недостаточно фактов, и мы не можем получить достаточную базу обычными исследовательскими способами, так как это таит в себе психологическую опасность для обеих рас. Наука, мой мыслями устремленный в будущее друг, – это целый комплекс переплетенных теорий, каждая из которых основана на наблюдениях.

Вспомним, что задолго до того, как появилась навигация, торговцы плавали вдоль морских берегов или по рекам и ничего не знали о различных течениях, воздействующих на их ветхие суденышки. Они узнали, что в некоторой степени зависят от луны и звезд, но не пытались связать все эти отрывочные знания в более масштабные теории. Когда же этих отрывочных знаний накопилось достаточно много и люди научились отделять свои предрассудки от фактических наблюдений, то получили науку – навигацию, и теперь уже могли проводить эксперименты, зная, что не утонут.

Торговец не заинтересован в теориях. Он заинтересован только в продаже того, что блесит, в обмен на то, что блесит еще больше. По ходу дела он безболезненно, сам того не осознавая, получает крупницы знаний, которые постепенно уменьшают границы неведомого. Наконец, однажды он получает достаточно знаний, чтобы сформировать предварительное понимание предмета, рабочей гипотезы. А затем, какой-нибудь Клаймбокер будущего, работающий с пришельцами, уже будет иметь иммунитет к внезапному и необъяснимому ментальному расстрой-

ству, сможет сформулировать емкие и точные закономерности, руководствуясь уже несколькими очевидно здравыми гипотезами.

– Я подозревал что-то подобное, раз ты вышел оттуда живым, Хебстер! Итак, их теоретики и наши теоретики должны отойти в сторону, а на их место заступить торговцы. Но как нам выйти на связь с их торговцами, и есть ли у них вообще такие зверушки?

Президент корпорации встал с кровати и начал одеваться.

– У них есть существа, способные на такое. Скорее, не совет директоров, а пришелец, ориентированный на деловые отношения. Как только я понял, что точки-в-бутылках ведут себя по сравнению с их уравновешенными научными коллегами так, как наши высокоинтеллектуальные первьяки, я понял, что мне нужна помощь. Мне нужен был кто-то, с кем я мог бы поделиться своими мыслями, кто-то на другой стороне, который так же, как и я, поставил все, чтобы найти рабочее и приемлемое решение. Где-то в их мире должен был быть пришелец, которого заботили отчеты о прибыли и убытках, который хотел, чтобы средства, вложенные во время, персонал, материалы и энергию, с лихвой бы окупались. Я понял, что с ним я могу говорить о делах. Простой подход: что у вас есть из того, что нужно нам, и какую минимальную часть из того, что есть у нас, вы готовы взять взамен. Без каких-либо попыток понять полностью несовместимые философии. Среди их экспедиции наверняка должно было быть такое существо. Поэтому я закрыл глаза и послал ему, я очень надеялся, что именно это и сделал, телепатический крик о помощи. И у меня все получилось.

Конечно, все могло кончиться полным провалом, если бы он сам не искал отчаянно именно такой крик. Он поспешил на помощь, как армейская кавалерия, обращая в бегство толпу полубезумных краснокожих. Он сгреб мой растекшийся разум и засунул его в глубины бессознательного, а затем поднял меня вверх в некий призрачный корабль. И вот я лежал три дня в межзвездной версии гроба Мухаммеда, подвешенного между небом и землей, и он договаривался со мной, иногда консультируясь со штаб-квартирой, сообщая о ходе наших переговоров.

Мы торговались по мелочам, точно так же, как я работаю с первьяками: сначала составили список того, что мы можем друг другу предложить, сравнили его со списком того, что мы хотим; каждый из нас хотел получить чуть больше, чем отдать, если, конечно, руководствоваться нашей терминологией. Покупка и продажа – это, по сути, простые процессы. Думаю, что наши торги мало чем отличались от торгов пары финикийских мореплавателей с раскрашенными в синие цвета жителями ранней Британии.

– А этот... бизнес... Пришелец ничего не говорил о возможности взять все, что им нужно...

– Силой? Нет, Браганза, он ни разу ничего об этом не упомянул. Может, они слишком цивилизованны для такого безобразия. Лично я считаю, что во многом это связано с тем, что они совершенно не представляют, чего от нас можно получить. Мы представляем для них фантастическую загадку – раса живых существ, который использует материю для видоизменения другой материи, для формирования объектов, которые, несмотря на то, что предназначены примерно для одних и тех же функций, неимоверно отличаются друг от друга. Можно сказать, что мы спрашиваем, «как», наблюдая за их деятельностью, а они, наблюдая за нашей, хотят знать, «зачем». Их исследователи испытывают к нам еще большее влечение, чем мы к ним. Насколько я понял, другие разумные существа, которые встречались им ранее, мало чем отличаются от них, так как эволюционировали примерно одинаково. Каждый раз, когда какой-нибудь из их исследователей приближался к ответу на вопрос, почему мы носим разные цветастые одежды, даже в тех климатических условиях, где эта одежда вовсе не нужна, он выходил за грань и падал в омут безрассудства.

И конечно именно этого боялся мой оппонент. Я не знаю его ранг, он может быть простым бухгалтером или коммерческим управляющим экспедиции, однако если экспедиция и дальше

будет убыточной, я думаю, что вина возляжет на него. И я понял, что его занятие не только не давало ему возможность участвовать в исследованиях, после которых его лишившиеся спокойствия товарищи должны были улетать в психиатрические лечебницы, организованные в наших пустынях. Однако и те, кто сумел сохранить рассудок, постоянно демонстрировали ему свое презрение. Понимаете, они чувствовали, что их задача и является основополагающей в этой экспедиции. А он просто представитель владельца судна. Думаете, их волнует, что ему нужно подготовить отчет, чтобы показать, насколько успешна экспедиция в плане показателей балансовой ведомости... – вздохнул Хебстер.

– Хорошо, у вас получилось сойтись хотя бы на этой почве, – улыбнулся Браганза. – Может, торговцы, которые используют такой простой, топорный подход и будут ответом. Вы, конечно же, дали нам столько информации, сколько мы не смогли получить за годы хорошо финансируемых исследований. Хебстер, я хочу, чтобы вы вышли в эфир с этой только что рассказанной мне историей и показали пару инопланетных первяков нашим телезрителям.

– Угу. Лучше вы расскажете. Вы еще сохранили престиж и уважение. А я отправлю сообщение моему приятелю-пришельцу по частному каналу, который он открыл для меня, и он пришлет пару точек-в-бутылках, до безумия любящих людей, чтобы те приняли участие в телепередаче. Мне нужно вернуться в Нью-Йорк и дать задание всем заняться по-настоящему энциклопедической работой.

– Энциклопедической?

Руководитель предприятия затянул ремень и поправил галстук.

– Ну, а как еще можно назвать первый выпуск «Межзвездного каталога Хебстера» по всей деятельности и доступным творениям человечества? (Цены предоставляются по запросу, могут меняться без предварительного уведомления).

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я писал эту повесть в течение пяти или шести лет и закончил только в 1951 году. Сначала главным действующим лицом был Браганза, его отношение к жизни и взгляды и стали основной причиной того, почему я вообще решил писать на эту тему. Хебстер, с которым я полностью не согласен и которого терпеть не могу, был второстепенным, комичным, назойливым персонажем, которого я ввел в сюжет для придания сатирического оттенка.

Однако сюжет не складывался. Я писал и переписывал его, а он рассыпался в прах. Наконец, я решил, что есть в этой истории что-то, во что я совершенно не верю, поэтому отложил всю затею в долгий ящик, надеясь, что мой разум так или иначе все домыслит.

Затем в 1951 году я нашел рукопись, перечитал ее и начал думать, а как все будет выглядеть с точки зрения человека, который раздражает меня, которого я просто ненавижу – Алджернона Хебстера, лицемерного бизнесмена.

И все, как я понял, сработало на славу. Получалось, я мог думать, чувствовать и обосновывать суждения по-хебстеровски. Он был неотъемлемой частью меня. Я закончил все за два дня и две ночи, почти не сомкнув глаз.

Мой тогдашний агент сказал, что ему не понравилось ничего из написанного. Он заявил, что это дешевое чтиво, которое приемлемо только для самого низового рынка за полцента или четверть цента за слово. Я не согласился и своевольно отправил рукопись Джону В. Кэмпбеллу-младшему в журнал «Поразительные истории научной фантастики» (*Astounding Science Fiction*).

Джону повесть понравилась, и он сказал мне, что заплатит по повышенной ставке. Он только попросил внести некоторые незначительные поправки, и это была первая просьба такого рода. Его просьба казалась обоснованной, и я согласился.

Когда он получил готовую рукопись, то все равно остался несколько неудовлетворенным. Он попросил изменить в ней еще кое-что, и я согласился. Затем он пожелал новых правок, которые, как мне показалось, совершенно не помогали сюжету. Я написал ему гневную записку, на которую он ответил одним из своих коронных писем – на семи страницах с одинарным интервалом между строками, где выражал сомнение в моей способности понимать базовые принципы философии жизни, искусства и политики. Я попросил его прислать повесть обратно, а он позвонил мне и сказал, что она нравится ему настолько, что он не может ее так просто отдать и вообще собирается использовать как главную публикацию номера (на моем счету еще не было главных публикаций в «Историях»). Все, что ему было нужно, это еще одна маленькая правка, против которой, он не сомневался, я совершенно не буду возражать.

Я понял, что очень даже возражаю против такой правки, однако мне очень хотелось, чтобы моя повесть стала главной публикацией, а я получил оплату по повышенной ставке. И я еще не дошел до той точки, когда мог без зазрения совести спорить с Джоном Кэмпбеллом, которого считал своим интеллектуальным наставником. Я обратился за помощью к Теду Старджону, который когда-то был моим агентом и которого я до сих пор считаю своим наставником в научной фантастике.

Тед прочитал «Огненную воду», и она ему безумно понравилась. Затем он отправился на длительный и многословный обед с Кэмпбеллом. Когда он вернулся, то пригласил меня на ранний торжественный ужин.

Проблема, как он сказал, заключалась вовсе не в тех переделках, которые требовал Джон. Все дело было в том, что мои пришельцы интеллектуально превосходили человечество во всем, а Джон Кэмпбелл просто не мог с этим согласиться.

Он напомнил мне о том, что случилось, когда я играл в шахматы с Кэмпбеллом. Я легко выиграл у него, потому что он играл лишь изредка, а я, с другой стороны, был завсегдатаем Сквейр-парка в Вашингтоне и шахматного клуба Маршалла. Однажды я даже выиграл у чемпиона по шахматам штата Нью-Йорк (пусть мы и играли в кегли).

Кэмпбелл был очень расстроен моей победой.

– Я просто не могу поверить, что ты настолько лучше меня, – все время повторял он.

Я предпринял попытку утешить его, рассказывая, сколько людей в парке, дворников, таксистов, даже бомжей, играющих на деньги (четвертаки и полтинники), которые мало что смыслили в шахматах, но могли обыграть меня просто потому, что лучше знали о различных шахматных уловках. Он вышел из комнаты, качая головой и страдальчески вздыхая.

– Его вера в собственную интеллектуальную мощь и интеллектуальную мощь человечества является наиважнейшим фактором, – объяснил мне Тед, – тебе нужно найти способ сказать, что пришельцы в «Огненной воде» не настолько чертовски хороши. Они лучше в том, в этом, но не во всем. Они просто-напросто другие.

Я плакал, стонал, рвал на себе волосы.

– Я потерял главного героя этого сюжета, – сказал я, – когда понял, что во мне больше Хебстера, чем Браганзы. Затем я понял, что в действительности хотел написать о том, что произойдет с нашим всеобщим самолюбием, если мы встретим пришельцев, имеющих не столько технологическое, сколько биологическое и психологическое превосходство перед нами, которые намеревались бы просто наблюдать за нами и забавляться этим зрелищем. Теперь ты говоришь мне, что это нужно полностью убрать. Зачем тогда писать? Зачем вообще тогда что-то писать?

Тед развел руками.

– Ну смотри, я конечно же могу продать эту работу на рынке более дешевого чтива, где половина читателей будет возмущаться, что здесь мало динамики и стрельбы. Или же ты можешь дать Джону то, чего он хочет, чтобы он укрепил веру в себя и человечество, а ты полу-

чишь действительно стоящую повесть и главную публикацию в, без сомнения, самом лучшем журнале научной фантастики на сегодняшний день.

– А еще я буду знать, что написал что-то нечестное, что вырвал лейтмотив из своего сюжета.

– Ничего ты не вырвал, просто сделал все чуть менее явным. И смотри, Фил, ты внесешь эти правки только в первую версию, в первую публикацию. Когда будут издавать антологию твоих работ, а это рано или поздно произойдет, когда ты будешь издавать ее в собственном собрании сочинений, а это тоже, без всякого сомнения, случится, ты сможешь опубликовать столь любимый тобой оригинал. И сказать читателю все, что ты думаешь по этому поводу.

Да, трудно не признать, что я быстро поддался такому убеждению. Последний аргумент Теда произвел на меня огромное впечатление. Поэтому я дал Джону Кэмпбеллу тот минимум, который смог бы его удовлетворить, и он опубликовал повесть с иллюстрацией на обложке, которая мне показалась просто восхитительной. Читатели признали «Огненную воду» лучшим произведением года. А что же я? А я больше никогда не читал журнал Джона.

Я положил оригинальную рукопись (еще без каких-либо правок) в желтый конверт, дополнив ее всей перепиской. А потом убрал подальше – на будущее. И в один из моих многих переездов (разве не Бен Франклин говорил, что три переезда равны одному пожару?) я потерял этот конверт вместе с оригиналом и перепиской.

И что же мы имеем на сегодняшний день? Парадоксально, но мне теперь нравится эта повесть именно в таком виде, как она опубликована здесь, как она была опубликована в журнале Джона Кэмпбелла *Astounding* в феврале 1952 года.

Написано в 1951 году, опубликовано в 1952-м

Лиссабон в кубе

Зазвонил телефон. Альфред Смит, который вытаскивал одежду из чемодана и складывал в типичный гостиничный комод, изумленно поднял глаза.

– Кого там... – Он покачал головой.

Должно быть, ошиблись номером. Никто не знал, что он в Нью-Йорке, и уж точно никто не знал, что он заселился в этот отель. Хотя, если подумать, кое-кто знал.

Дежурный за стойкой, где он только что зарегистрировался.

Очевидно, какое-то гостиничное дело. Например, не пользуйтесь лампой на прикроватном столике – может случиться короткое замыкание.

Телефон зазвонил снова. Альфред бросил чемодан, обошел кровать и снял трубку.

– Да?

– Мистер Смит? – произнес сиплый голос.

– Слушаю.

– Это мистер Джонс. Я в фойе с мистером Коэном и мистером Келли. И с Джейн Доу⁵. Нам подняться или дожидаться вас?

– Прошу прощения?

– В таком случае, мы поднимемся. Пять ноль четыре, верно?

– Да, но погодите минутку. Повторите, *кто* вы такой? – Однако трубку уже повесили.

Альфред Смит тоже положил трубку и запустил пальцы в коротко стриженные волосы. Он был среднего роста и телосложения, умеренно привлекательный молодой человек с едва намечившимся вторым подбородком и животом, которые выдавали недавний карьерный успех.

– Мистер *Джонс*? *Коэн*? *Келли*? И, я вас умоляю, *Джейн Доу*?

Должно быть, это шутка. Каждый Смит привык к насмешкам над своей фамилией. Как там тебя, до Смита? Альфред Смит? А что случилось со старым добрым Джонни?

Тут он вспомнил, что собеседник спросил мистера Смита. Смит – распространенная фамилия, нравится вам это или нет.

Он снова снял трубку и сказал оператору:

– Стойка регистратора.

– Портье слушает, – произнес ровный голос некоторое время спустя.

– Это мистер Смит из номера пятьсот четыре. Здесь до меня проживал другой Смит?

Долгая пауза.

– У вас какие-то проблемы, сэр?

Альфред Смит поморщился.

– Мой вопрос не об этом. Проживал или нет?

– Сэр, если вы сообщите, что именно причиняет вам неудобства...

Он вышел из себя.

– Я задал простой вопрос. Проживал ли до меня в этом номере другой Смит? В чем дело? Он что, покончил с собой?

– У нас нет оснований полагать, что он совершил самоубийство, сэр! – с чувством ответил клерк. – Существует *множество* причин, по которым постоялец может исчезнуть после того, как снимет номер!

В дверь властно постучали.

– Ладно, – проворчал Альфред Смит, – это все, что я хотел узнать. – И повесил трубку.

⁵ Условное имя, которое используют в юридических документах для обозначения неопознанной особы женского пола, а также особы, чья личность не подлежит разглашению.

Он открыл дверь, но не успел ничего сказать: в комнату вошли четыре человека. Трое мужчин и умеренно привлекательная женщина.

– Послушайте... – начал он.

– Здравствуй, Гар-Пита, – произнес один из мужчин. – Я Джонс. Это Коэн, это Келли. И, разумеется, Джейн Доу.

– Произошла ошибка, – сообщил ему Альфред.

– И еще какая! – откликнулся Коэн, тщательно запирая дверь. – Джонс, ты назвал Смита настоящим именем! При открытой двери! Это непростительная глупость.

Джейн Доу кивнула.

– Открыта дверь или закрыта, мы должны помнить, что находимся на Земле. И пользоваться только земными именами. Нормативные акты с четырнадцатого по двадцать второй.

Альфред долго, пристально смотрел на нее.

– На Земле?

Она смущенно улыбнулась.

– Ну вот, сама попалась. Сделала почти то же самое. Ты прав. В *Америке*. Или, если выражаться более точно и менее подозрительно, в городе Нью-Йорке.

Мистер Келли ходил вокруг Альфреда, внимательно разглядывая его. Наконец сказал:

– Ты само совершенство. Лучше любого из нас. Такая маскировка требует напряженной, кропотливой работы. Не говори, сам знаю. Ты великолепен, Смит. Великолепен.

Да кто они такие, лихорадочно размышлял Альфред. Психи? Нет, *шпионы*! Следует ли ему что-то сказать, раскрыть ошибку – или заорать во все горло, зовя на помощь? А может, они не шпионы – может, они детективы, которые отслеживают шпионов. В конце концов, он в Нью-Йорке. А Нью-Йорк – это вам не Овощебаза, штат Иллинойс.

Что навело его на новую мысль. Нью-Йорк – гнездо мошенников и зазнаек. Быть может, городские жулики решили разыграть деревенщину.

Если это так...

Гости расселись. Мистер Келли открыл свой портфель и порылся в нем. Комнату заполнил низкий гул.

– Не хватает мощности, – извинился мистер Келли. – Ведь это мелкое солнце. Но дайте ему несколько минут, он разогреется.

Мистер Джонс подался вперед.

– Слушайте, ребята, не возражаете, если я сниму маскировку? Жарко.

– Не следует этого делать, – напомнила ему Джейн Доу. – При исполнении мы всегда должны быть в униформе.

– Знаю, знаю, но Стен-Дурок – *унс*, Коэн – запер дверь. Через окна никто сюда не войдет, и не нужно беспокоиться насчет материализации. Можно мне расслабиться на пару секунд?

Устроившийся на краю комода Альфред с изумлением оглядел мистера Джонса. Это был толстенький коротышка в дешевом вискозном костюме. Лысый, ни бороды, ни очков. Даже усов нет.

Маскировка, значит.

– А я не возражаю, – с предвкушением усмехнулся Альфред. – Мы здесь одни, пусть расслабится. Давай, Джонс, *разоблачайся*.

– Спасибо, – прочувственно ответил Джонс. – В этом наряде я задыхаюсь.

Альфред снова усмехнулся. Он покажет этим ньюйоркцам.

– Снимай. Располагайся. Чувствуй себя как дома.

Джонс кивнул и расстегнул лоснящийся серый пиджак. Затем – белую рубашку под ним. Потом глубоко просунул два указательных пальца в грудную клетку и потянул. Образовалась большая темная дыра шириной дюймов десять.

Из дыры выбрался черный паук – круглое тельце размером с человеческий кулак, ноги длиной и толщиной напоминают трубочные черенки. Паук устроился на груди Джонса, а тело, из которого он выбрался, словно окоченело, по-прежнему разводя руками грудную клетку, удобно упираясь спиной и ногами в стул.

– Вот так-то! – воскликнул паук. – Намного лучше.

Альфред осознал, что хмыкает и не может остановиться. Наконец собрался и заставил рот прекратить издавать этот звук, но звук продолжился в голове. Альфред таращился на паука, на окоченевшее тело, из которого тот вылез. Потом безумным взглядом обвел остальных собравшихся в комнате – Коэна, Келли, Джейн Доу.

Те сохраняли полное равнодушие.

Гул, доносившийся из портфеля на коленях Келли, внезапно сложился в слова.

Гости Альфреда утратили скучающее выражение и сосредоточенно подались вперед.

– Приветствую особых послов, – произнес голос. – Говорит командный центр. На связи Робинсон. Появилась ли значимая информация?

– У меня – ничего, – ответила Джейн Доу.

– И у меня, – сказал Келли.

– Ничего нового, – согласился Коэн.

Паук с наслаждением потянулся.

– Присоединяюсь. Не о чем докладывать.

– Джонс! – рявкнул голос из портфеля. – Надень униформу!

– Тут *жарко*, шеф. И мы здесь одни, сидим за тем, что местные называют запертой дверью. Помните, у них на Земле есть суеверие насчет запертых дверей? Нам не о чем тревожиться.

– Я покажу вам, о чем тревожиться. Немедленно надень форму, Джонс! Или, может, тебе надоело быть особым послом? Может, хочешь вернуться к статусу обычного посла?

Паук вытянул ноги и будто пожал плечами. Потом осторожно вполз задом в дыру на груди, и она сомкнулась за ним. Тело Джонса ожило, застегнуло рубашку и пиджак.

– Так-то лучше, – произнес голос из портфеля на колене Келли. – Больше никогда так не делай при исполнении.

– Ладно, шеф, ладно. Но нельзя ли охладить эту планету? Знаете, вызвать зиму, новый ледниковый период? Так было бы намного легче работать.

– И намного легче попасться, идиот. Вы занимайтесь серьезными делами, вроде конвенгов и конкурсов красоты. А мы, в командном центре, займемся мелочами вроде своевольного изменения климата и новых ледниковых периодов. Ладно. Смит, как насчет тебя? Докладывай.

Альфред Смит вытряс из мыслей спутанную густую шерсть, сполз с комода и встал на ноги. Огляделся безумными глазами.

– *До-докладывать?* – Вдох. – Э-э, не о чем докладывать.

– Что-то ты долго собирался с мыслями. Ты ведь ничего не скрываешь? Помни, оценивать информацию – наше дело, а не ваше.

Альфред облизнул губы.

– Н-нет. Я ничего не скрываю.

– Хорошо, если так. Забудешь доложить хотя бы об одном конкурсе красоты – и тебе конец, Смит. Мы еще не забыли, как ты сел в лужу в Загребе.

– Но шеф, – вмешалась Джейн Доу, – это была всего лишь местная шутка, они искали самого высокого партийного коммуниста в Хорватии. Вы же не можете винить Смита в том, что он пропустил *это*?

– Мы определенно можем винить Смита. Это был конкурс красоты, подпадающий под определение, которое вам дали. Если бы Коэн не наткнулся на упоминание о нем в киевской

«Правде», могло случиться непоправимое. Помни об этом, Смит. И прекратите называть меня *шефом*, вы все. Меня зовут Робинсон. Запомните.

Все кивнули, в том числе Альфред. Он со смущением и благодарностью покосился на Джейн Доу.

– Ну ладно, – продолжил голос, немного смягчившись. – И чтобы показать, что я могу работать не только с кнутом, но и с пряником, хочу похвалить Смита за его маскировку. Немного необычно, но выглядит реально – и это самое главное. Если бы все остальные уделяли столько времени и внимания своей униформе, мы бы очень скоро вышли на финишную прямую. – Голос помолчал, затем добавил со странной, вкрадчивой интонацией: – Прежде чем вы успели бы сказать «Джек Робинсон».

Все послушно рассмеялись, даже Альфред.

– Вы считаете, Смит хорошо поработал над маскировкой, да, шеф, то есть мистер Робинсон? – пылко спросила Джейн Доу, словно хотела подчеркнуть этот факт для всех присутствующих.

– Определенно. Взгляните на его костюм – это не просто старый костюм, а твидовый пиджак с фланелевыми брюками. Вот это я называю воображением. Его подбородок – не просто подбородок, а *раздвоенный* подбородок. Очень хорошо. Цвет волос – высший класс. Единственное, что меня смущает, это галстук-бабочка. Я бы сказал, что обычный строгий репсовый галстук стандартной длины выглядел бы не столь рискованно, не столь кричаще. Однако он кажется уместным, и это главное. Главное – *впечатление* от маскировки. В этом деле у тебя либо есть дар сливаться с населением планеты, либо нет. Думаю, у Смита он есть. Хорошая работа, Смит.

– Спасибо, – пробормотал Альфред.

– Ладно, э-э, Робинсон, – нетерпеливо сказал мистер Джонс. – Это отличная маскировочная униформа. Однако есть вещи и поважнее. Наша работа важнее того, как мы выглядим.

– Ваша работа – *то*, как вы выглядите. Если выглядите хорошо – значит, и работаете хорошо. Взгляни на себя, Джонс. Более неинтересного, небрежно сделанного человеческого существа я еще не встречал. Кого ты изображаешь? Мистера среднестатистического американца?

Мистер Джонс явно оскорбился

– Я изображаю бруклинского аптекаря. И уж поверьте, моя униформа весьма хороша. Видели бы вы некоторых из этих аптекарей.

– Некоторых, Джонс, но не всех. Вот что я имею в виду.

Мистер Коэн прокашлялся.

– Не хотелось бы прерывать вас, Робинсон, но наш визит к Смигу должен быть кратким. Мы просто забежали, так сказать, на минутку.

– Верно, Коэн, в самую точку. Ладно, все готовы к инструкциям?

– Готовы, – ответили они. Альфред хрипло присоединился к общему хору на последнем слоге.

– Тогда поехали. Коэн, возвращайся к прежнему заданию, тщательно отслеживай новые конкурсы красоты, запланированные по всей стране. Само собой, особое внимание уделяй Нью-Йорку. Келли – то же самое по части конвенгов. Джейн Доу и Джон Смит продолжают прорабатывать все возможные закамouflированные попытки.

– Имеете в виду что-то конкретное? – спросила Джейн Доу.

– Не в твоём случае. Продолжай посещать салоны красоты, может, на что-то наткнешься. Смит, тебе мы хотим поручить особое дело. Намечается бал-маскарад водопроводчиков города Нью-Йорка. Забеги туда и понаблюдай. И сообщи, если найдешь. Быстро.

С нарочитой небрежностью Альфред осведомился:

– Что мне искать?

– А ты до сих пор не догадался? – раздраженно осведомился голос. – Лотерейные выигрыши, награду за лучший костюм, да хоть звание Мисс Газовый ключ – тысяча девятьсот двадцать один, или какой там сейчас на Земле год. Хотя последнее маловероятно. Это было бы слишком очевидно, а мы до сих пор не сталкивались ни с чем очевидным.

– Как насчет меня? – поинтересовался Джонс.

– Ты скоро получишь особые указания. Возможен новый ракурс.

Все явно заинтересовались, однако голос из портфеля не собирался вдаваться в подробности.

– На этом все, – безапелляционно сообщил он. – Можете начинать расходиться.

Мистер Келли застегнул портфель, кивнул всем и ушел.

Несколько секунд спустя за ним последовал Коэн. Потом Джонс зевнул и сказал:

– Ну, пока. – И закрыл за собой дверь.

Джейн Доу поднялась, но направилась не к двери, а туда, где стоял ошеломленный Альфред Смит.

– Итак, Джон? – мягко произнесла она.

Альфред Смит не придумал ничего лучше, чем ответить:

– Итак, Джейн?

– Мы снова вместе. Вместе на одном задании. Разве это не чудесно?

Он медленно, осторожно кивнул.

– Да. Чудесно.

– И если в этот раз мы выполним его, покончим с мерзким делом раз и навсегда, то вернемся вместе.

– А потом?

Ее глаза заблестели.

– Сам знаешь, дорогой. Тихая, уютная паутина, только для двоих. Ты и я, наедине. И груды яиц.

Альфред сглотнул и невольно отвернулся.

– О, дорогой, прости, – воскликнула она, беря его за руку. – Я тебя огорчила. Я вышла из униформы. Давай так: маленький домик у водопада. И младенец для полного комплекта. Мы с тобой, вместе встречаем золотую старость. Когда твои волосы поседеют. Ну вот! Так лучше?

– Намного, – выдавил он из себя, уставившись на нее безумными глазами. – Намного лучше.

Она обхватила его руками. Он понял, что нужно отреагировать, и стиснул ее в ответ.

– О, мне плевать, – шепнула она ему в ухо. – Плевать на дисциплину, плевать на все, когда я рядом с тобой. Я готова повторить это, даже если командный центр слушает. Дорогой, знаешь, чего бы мне хотелось прямо сейчас?

Альфред вздохнул. Он боялся услышать ответ.

– Нет, чего же? Чего бы тебе хотелось прямо сейчас?

– Хотелось бы, чтобы мы скинули униформу и бегали друг по другу в каком-нибудь влажном, темном месте. Я бы хотела ощущать на себе твои коготки, хотела бы, чтобы твои антенны ласкали меня – *меня*, а не этот неуклюжий, бездушный маскировочный костюм.

Он подумал.

– Все... все будет. Потерпи, дорогая.

Она деловито выпрямилась.

– Да, и сейчас мне лучше уйти. Вот наши телефонные номера на случай, если захочешь связаться с кем-то из нас. Помни, эту операцию надо проводить в строгом соответствии с нормативными актами. И это означает никакого *фмнффинга*, вообще никакого, за исключением чрезвычайных ситуаций. Для всего прочего мы используем телефоны.

– Телефоны? – переспросил он.

– Да. – Она показала на черный аппарат у кровати. – Эти штуки.

– Ах, эти штуки, – повторил он, борясь с желанием резко тряхнуть головой, чтобы прочистить мысли. – Точно. Эти штуки. Но никакого... э-э, как ты сказала?

– Никакого *флпффинга*.

– Вообще никакого? – Если он продолжит задавать вопросы, что-нибудь да прояснится. И образумится!

Джейн Доу сильно встревожилась.

– Конечно, нет! Это операция высшего уровня.

– Да, точно, – согласился он. – Операция высшего уровня. Я об этом забыл.

– Так не забывай, – настоятельно попросила она. – Не забывай. Иначе снова впутаешься в неприятности. Еще одна лужа вроде той, в которую ты сел в Загребе, и тебе конец, милый. Тебя вышвырнут со службы. И что тогда будет с нашими совместными планами?

– С нами будет покончено. – Альфред внимательно изучил ее. Напомнил себе, что под женской плотью скрывается большой черный паук, который дергает за рычаги, словно крановщик.

– Именно. Я никогда не выйду замуж за гражданского. С нами будет покончено. Так что следи за собой, милый, и вложи в это всю душу. Держи равновесие. Не сбивайся с курса. Иди в ногу с модой. Проснись и пой. Будь проще. Лови мяч. Не умывай руки. Трудись в поте лица. Рано в кровать – рано вставать. Не ограничивайся полумерами.

– Я постараюсь, – пообещал он дрожащим голосом.

– Мой ползунчик, – жарко прошептала она и поцеловала его в ухо.

Потом закрыла за собой дверь.

Альфред ощупью добрался до кровати. Через некоторое время понял, что ему неудобно. Он сидел на чемодане. Альфред машинально столкнул его на пол.

Во что он впутался? Или, точнее, что его впутало?

Шпионы. Определенно шпионы. Но *какие*?..

Шпионы с другой планеты. За чем они шпионили? За конкурсами красоты, конвентами, балами-маскарадами водопроводчиков? Чего они искали? Какого *черта* им могло понадобиться?

Одно было очевидно: они задумали нечто скверное. С каким презрением они упоминали Землю и все, что к ней относилось.

Первая волна захватчиков? Разведчики, готовящие путь основным силам? Может быть. Но почему конкурсы красоты, почему балы-маскарады?

Чего ценного они могли узнать на таких мероприятиях?

Шпионам скорее место в ядерных исследовательских лабораториях, на ракетных испытательных полигонах, в Пентагоне в Вашингтоне.

Альфред решил, что нет смысла пытаться понять их логику. Они были пришельцами – кто знает, какая информация могла показаться им ценной, что могло представлять для них интерес?

Но они определенно были шпионами, которые оценивали Землю перед грядущим вторжением.

– Мерзкие паучишки, – прорычал он в приступе праведной ксенофобии.

И один из них влюблен в него. Собирается выйти за него замуж. Как она выразилась? Груды яиц? Прелестная мысль! Альфред содрогнулся всем телом.

Но они считают его другим Смитом, Джоном Смитом. У Земли оставался шанс. По счастливой случайности она получила контрразведчика. Альфреда Смита.

Он был напуган, но немного гордился. *Контрразведчик*.

Первым делом следовало разобраться с этим Джоном Смитом.

Альфред Смит потянулся к телефону.

– Стойку регистратора!

Клерк почти ничего не мог добавить к тому, что сказал прежде. Джон Смит снял номер две недели назад. Однажды днем вышел – и не вернулся. По истечении обычного периода времени администрация пришла к выводу, что он сбежал, потому что задолжал за несколько дней. Его вещи лежали в гостиничной камере хранения.

– Нет, сэр, мне жаль, сэр, но правила отеля не позволяют разрешить вам осмотреть его вещи. Если только вы не хотите заявить о родстве.

– А если захочу? – жадно спросил Альфред. – Если захочу заявить о родстве?

– Тогда вам придется представить доказательства, сэр.

– Ясно. Что ж, большое вам спасибо. – И он повесил трубку.

Куда он подевался? Этот Джон Смит снял номер, очевидно, по договоренности, чтобы использовать его для встреч группы. Потом однажды вышел на улицу – и не вернулся.

Маскировка часто менялась, и потому, когда другой Смит снял тот же самый номер, шпионы приняли его за своего. Возможно, они даже не могли отличить одного Смита от другого.

Что же случилось с Джоном Смитом? Он переметнулся на сторону правительства США? В ООН? Вряд ли. Тогда друзей Джона Смита поджидало бы ФБР, если не целый взвод солдат.

Нет, он просто исчез. Но погиб ли он, пал ли жертвой глупого несчастного случая на каком-нибудь мосту – это объяснило бы, почему его тело не нашли, – или только на время отлучился, прорабатывая некий новый ракурс для своей инопланетной организации?

А что будет с Альфредом, когда он вернется? Молодой человек на постели поежился. Насколько он помнил по романам, шпионы были скоры на расправу. Очевидно, они не оставят в живых землянина, которому известно про их существование и операцию.

Значит, ему нужна помощь.

Но чья? Полиции? ФБР? Он снова поежился, представив, как, смущенно заикаясь и путая детали, рассказывает свою историю суровому дежурному полицейскому.

Инопланетное вторжение, мистер Смит? С Марса? Ах, не с Марса – а откуда? Ах, вы не знаете, мистер Смит? Знаете только, что это инопланетное вторжение? Понимаю. И как вам удалось узнать об этом в первый день в Нью-Йорке? Ах, четыре человека пришли к вам в гостиничный номер и рассказали? Очень интересно. Очень, *очень* интересно. А звали их мистер Коэн, мистер Келли, мистер Джонс и Джейн Доу? А *вас* зовут Смит, верно? И чтобы подтвердить вашу историю, нам нужно всего-навсего проверить адрес по одному из этих телефонов, вскрыть человека, на которого он зарегистрирован, и обнаружить внутри большого черного паука...

– Нет! – простонал Альфред. – Так ничего не выйдет!

Ему требовалось доказательство – вещественное доказательство. И факты. В первую очередь – факты. Кто эти пауки, с какой они планеты, когда планируют вторгнуться, каким оружием обладают – и тому подобное. А также вся доступная информация об их организации здесь, на Земле, особенно в Америке.

Как ее заполучить? Спросить нельзя – это верный способ выдать себя как настоящего человека, у которого внутри нет ничего интересного, кроме кишок и ребер.

Но они дали ему задание. Что-то насчет бала-маскарада водопроводчиков. Очевидно, это задание имело отношение к их планам, к их организации. Ну конечно.

Он схватил телефонную трубку.

– Портье? Это мистер Смит из пятисот четвертого. Да, *снова* мистер Смит. Послушайте, как мне найти в Нью-Йорке водопроводчиков?

– Если трубы в вашем номере вышли из строя, сэр, отель пришлет... – начал объяснять спокойный, ровный голос.

– Нет, нет, нет! Мне не нужен водопроводчик, мне нужны *водопроводчики*, все разом! Нью-йоркские водопроводчики, как их найти?

Он отчетливо услышал, как на другом конце облизнули губы, обдумывая вопрос, потом – тихий комментарий в сторону:

– Да, это снова пятьсот четвертый. Редкий красавчик. Не завидую сегодняшнему ночному портье, скажу я тебе! – Громко и четко, пусть и чуть менее ровно, голос продолжил: – Алфавитный телефонный справочник лежит на вашем прикроватном столике, сэр. Вы можете найти водопроводчиков под буквой «В». Там есть большинство манхэттенских водопроводчиков. Если вам нужны водопроводчики в Бруклине, Бронксе, Куинсе или на Стейтен-айленде, я бы посоветовал...

– Мне не нужны водопроводчики в Бруклине или Бронксе! Мне вообще не нужны водопроводчики в... – Альфред Смит сделал глубокий вдох. Он должен взять себя в руки! Судьба всей планеты, всего человечества зависит от его выдержки. Он заставил разум попятиться, дюйм за дюймом, и покинуть плато истерии. Заставил голос звучать спокойно.

– Проблема вот в чем, – начал он, медленно и осторожно. – В Нью-Йорке проходит бал-маскарад водопроводчиков. Где-то в городе сегодня вечером, и мне полагается там присутствовать. К сожалению, я потерял приглашение с адресом. Как вы думаете, каким образом я мог бы узнать, где будет бал? – Он похвалил себя за остроту ума. Вот что такое настоящий контрразведчик!

Пауза.

– Я могу навести справки по обычным каналам, сэр, и перезвонить вам. – В сторону: – Теперь он утверждает, будто *он сам* – водопроводчик и хочет пойти на бал-маскарад. Представляешь? Говорю тебе, в этом деле... – Альфреду: – Вас это устроит, сэр?

– Да, – с энтузиазмом согласился Альфред. – Это будет *замечательно*.

Он положил трубку. Похоже, он начал вживаться в роль шпиона. Работа в продажах учит быстро соображать и говорить.

Ему следовало явиться в офис только завтра. А значит, у него оставались сегодняшний день и вечер, чтобы спасти человечество.

Кто бы мог подумать, когда ему предложили место в Нью-Йорке, в чулочной компании «Блэксим» (««Блэксим» – и все мужчины у ваших чулок!»), в какие рискованные игры он будет играть уже в день своего прибытия? Конечно, в «Блэксим» понимали, что он за человек, знали о его исполнительских талантах, иначе не увели бы Альфреда у «Пазлнит», своего главного конкурента. На Иллинойских просторах он создал себе репутацию, скромно признавал Альфред Смит. Лучший рост продаж на протяжении трех лет, больше всего повторных заказов – на протяжении пяти. Но для «Пазлнит найлонс» (««Пазлнит» – привлекай и завораживай») он бы всего лишь лучшим продавцом; и только в ориентированной на Мэдисон-авеню «Блэксим» в нем разглядели потенциального районного менеджера по сбыту.

Только в «Блэксим» поняли, что он создан для высшей лиги. Но даже там не догадывались, на какой высоте ему суждено сыграть.

Перезвонил портье.

– Я узнал, что бал-маскарад лучших водопроводчиков и слесарей города Нью-Йорка начнется в Меньшевик-холле на Десятой авеню сегодня в восемь вечера, сэр. Тема бала – дореволюционный режим во Франции, и на мероприятие допускаются только гости в костюмах дореволюционной эпохи. Вам посоветовать ближайшее к отелю заведение, где можно взять напрокат соответствующий костюм?

– Да, – пролепетал Альфред Смит, – да, да, да!

Картинка начинала складываться! Он напал на след инопланетной организации!

Он тут же отправился по указанному адресу и поспешно выбрал костюм герцога де Ришелье. Поскольку платье требовалось подогнать, у Альфреда было время пообедать, прежде чем костюм доставят в гостиницу. Он плотно поел – вечер обещал быть насыщенным. За едой он читал буклет, который прихватил в примерочной: в нем давались описания и история всех

доступных костюмов этого периода – Франции XVI–XVIII века. Любая деталь могла оказаться решающей...

Вернувшись в номер, Альфред скинул одежду и натянул взятый напрокат костюм. Результат его немного разочаровал. Он нисколько не походил на серого кардинала – скорее на юного протестанта в кардинальском платье. Потом он обнаружил в коробке от костюма седую бородку и примерил. Совсем другое дело.

Маскировка! Само его тело должно было послужить маскировкой – маскировкой, являвшейся униформой для Подразделения особых инопланетных агентов, членов земной шпионской сети. А он замаскировал этот маскировочный костюм подлинным человеческим телом – выдав себя за шпиона, расставил ловушку настоящим секретным оперативникам.

Альфред Смит – одиночка против пришельцев!

– Чтобы на Земле сохранилась людская власть, власть людей для людей, – благоговейно прошептал он.

Зазвонил телефон. Это был Джонс.

– Смит, со мной только что связался Робинсон. Насчет моего особого задания. Похоже, сегодня – тот самый вечер.

– Сегодня, значит? – Альфред Смит почувствовал, как кружева стягивают горло.

– Да, они попробуют осуществить контакт сегодня вечером. Мы по-прежнему не знаем, где именно – где-то в городе Нью-Йорке. Я буду в запасе – кинусь на подмогу к тому, кто найдет контакт. Ну, знаешь, приведу подкрепление, протяну руку помощи, буду верным союзником, окажу поддержку, помогу в нужде, встану спиной к спине, буду другом до скончания времен. Ты ведь пойдешь на бал водопроводчиков? Где он состоится?

Альфред резко потрянул головой, чтобы развеять облако клише, обрушенных на него Джонсом.

– Меншевик-холл. Десятая авеню. Что мне делать, если я обнаружу контакт?

– *Фмпффингуй*, парень, *фмпффингуй* что есть силы. И я примчусь. Если найдешь контакт, забудь про телефоны. Также забудь про заказную почту, голубей, экспресс-всадников на пони, радиотелеграфию и курьеров Его величества. Обнаружение контакта подпадает под определение «чрезвычайной ситуации», согласно Нормативным актам с тридцать третьего по сорок девятый включительно. Так что *фмпффингуй* сломя голову.

– Точно! Только, Джонс... – На том конце раздался щелчок – Джонс повесил трубку.

Сегодня, мрачно подумал Альфред Смит, уставившись в зеркало. Сегодня – тот самый вечер!

Какой вечер?

Меншевик-холл представлял собой серое двухэтажное здание в продуваемой всеми ветрами части Десятой авеню. На нижнем этаже располагался салун, неоновая вывеска за грязными окнами сообщала:

ФЕРВАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ –
ЕДИНСТВЕННАЯ НАСТОЯЩАЯ РЕВОЛЮЦИЯ! БАР & ГРИЛЬ
ПИВО – ВИНА – КРЕПКИЕ НАПИТКИ
Алексей Иванович Анфинов, собст.

Второй этаж был ярко освещен, из окон струилась музыка. На двери сбоку от бара висела нацарапанная карандашом табличка:

ЕЖЕПОЛУГОДНЫЙ БАЛ-МАСКАРАД
ЛУЧШИХ ВОДОПРОВОДЧИКОВ И СЛЕСАРЕЙ
ГОРОДА НЬЮ-ЙОРКА

Вход только в костюмах

(Если вы не оплатили членский взнос за этот квартал, обратитесь к Бушке Горовицу в баре, прежде чем подниматься наверх; Бушке одет в костюм Человека в железной маске и пьет ром с «Севен-ап».)

Альфред Смит нерешительно поднялся по скрипучей деревянной лестнице, не отрывая глаз от дородного генерала Монкальма, охранявшего дверь наверх. К счастью, ни приглашения, ни билета не потребовалось: хватило костюма. Краснолицый генерал едва взглянул на Альфреда из-под роскошной треуголки и махнул ему рукой, чтобы проходил.

Внутри было людно. Десятки Людовиков XIII, XIV, XV и XVI степенно танцевали с Аннами Австрийскими и Мариями-Антуанеттами под румбу и ча-ча-ча. Под потолком медленно вращались две цветные люстры, рассыпая радуги по сверкающему вошеному полу.

С чего начать? Альфред посмотрел на платформу, где сидели музыканты, единственные люди без костюмов. Надпись на большом барабане извещала, что музыку обеспечивают «Оле Олсен и его латинская пятерка», но это вряд ли было зацепкой. Никто из присутствующих не походил на инопланетного шпиона.

С другой стороны, Джонс, Козн, Келли и Джейн Доу тоже не походили на шпионов. Они выглядели почти нарочито обычными. Вот оно: этих типов следует искать в самых неожиданных, самых прозаичных местах.

Довольный своей догадкой, он направился в мужской туалет.

Поначалу он решил, что попал куда следует. В туалете было полно народу. Шестнадцать мушкетеров окружили раковину, жуя гигантские сигары и тихо переговариваясь.

Альфред просочился в их ряды и прислушался. Разговор был многогранным, темы варьировали от оптовых цен на унитазы пастельных тонов до проблемы проведения труб в новой застройке на Лонг-Айленде, со всех сторон окруженной неканализованными улицами.

– Я заявил подрядчику прямо в лицо, – сказал желтоватый, щуплый мушкетер, постукивая сигарой об эфес шпаги, чтобы стряхнуть пепел. – Джо, сказал я ему, как ты можешь ждать, что я проложу трубы, если сам не знаешь даже *емкости*, не говоря уже о типе – тип мы не будем даже *обсуждать* – канализационной системы, которую здесь собираются провести? Джо, сказал я ему, ты умный парень. Так ответь мне, Джо, справедливо ли это, есть ли в этом смысл? Может, ты хочешь, чтобы я установил трубы, которые окажутся намного слабее, чем уличная канализация, и стоит новым жильцам спустить воду, как все выплеснется обратно на пол ванной? Ты этого хочешь, Джо? Нет, говорит он, я этого не хочу. Ладно, говорю я, значит, ты хочешь, чтобы я установил трубы намного лучше того, что потребуется канализационной системе, и это добавит ненужную наценку к стоимости домов. Ты этого хочешь, Джо? Нет, говорит он, я этого не хочу. В таком случае, Джо, говорю я, ты признаешь, что это совершенно идиотское предложение? Представь, Джо, что кто-то просит тебя построить дом, но не может сказать, будет ли он стоять на фундаменте из бетона, или из стали, или песка, или шлакобетонных блоков. Именно это ты и просишь меня сделать, Джо, именно это.

Последовало одобрительное ворчание. Высокий, тощий, угрюмый мушкетер прочистил нос и аккуратно убрал носовой платок в дублет, после чего заметил:

– С ними всегда так. Думают, что водопроводчик – волшебник. Придется усвоить, что водопроводчики – простые смертные.

– Не согласен, – возразил только что подошедший гугенот. – Лично я *считаю* водопроводчиков волшебниками. К нашим услугам – наше американское воображение, наши навыки, наше американское умение зреть в корень. Покажите мне канализацию в новом районе, несуществующую канализацию неизвестной емкости, и я придумаю водопроводную сеть, которая подойдет по всем параметрам. И сокращу издержки.

– Каким образом? – пожелал знать желтоватый, щуплый мушкетер. – Расскажи мне.

– Я расскажу тебе, каким образом, – парировал гугенот. – При помощи моего американского воображения, американских навыков, американского умения зреть в корень. Вот *каким* образом.

– Прошу прощения, – торопливо вмешался Альфред Смит, увидев, как желтоватый, щуплый мушкетер набрал в легкие воздуха для язвительного ответа. – Не слышал ли кто-то из вас, джентльмены, о призах, которые будут давать за лучший костюм, или о лотерейных билетах, которые раздавали бы при входе? О чем-то подобном?

Повисло молчание: водопроводчики разглядывали Альфреда, жуя свои сигары. Потом гугенот (Колины? Конде? де Роган?) наклонился и постучал его по груди.

– Когда хочешь задать вопрос, сынок, сперва найди правильного человека, которому его задать. Это решит полдела. И кого следует спросить про лотерейные билеты при входе? Правильно, привратника. Отправляйся к привратнику – он в костюме генерала Монкальма – и скажи, что тебя послал Ларри. Скажи, что Ларри велел рассказать тебе все про лотерейные билеты, – и, сынок, он расскажет все, что ты хочешь узнать. – Гугенот повернулся к своему рассерженному собеседнику. – Можешь не трудиться, я и так знаю, что ты собираешься сказать. И сейчас объясню, почему ты не прав.

Альфред выбрался из толпы, обстановка в которой накалялась. Только что подошедший с краю гвардеец кардинала мрачно сказал палачу в черном капюшоне:

– Этот Ларри. Зазнайка. Все бы отдал, чтобы посмотреть, как он опростоволосится.

Палач кивнул и задумчиво переложил топор с одного плеча на другое.

– Однажды в санитарное управление поступит анонимный звонок насчет Ларри, они пришлют инспектора, который не берет взятку, и этим все кончится. Любой человек, который покупает трубы на помойке, а затем хромирует их и продает товарищам как новые... – Резиновое лезвие топора за плечом палача затрепыхалось, словно флаг.

– Не знаю ни про какие лотереи, – заявил привратник, раскачиваясь на складном стуле перед входом в балльный зал. – Ни о чем важном мне не говорят. – Он надвинул треуголку на глаза и уныло уставился в пустоту, будто размышляя о том, что, если бы Париж расщедрился на упреждающую информацию, исход битвы при Квебеке мог быть совсем иным. – Поспрашивай в баре. Там засели все большие шишки.

Очевидно, больших шишек собралось немало, подумал Альфред, с извинениями пробираясь по переполненному залу на первом этаже. Кринолины и панье, экстравагантные прически, обтянутые чулками шишковатые колени, покачивающиеся шпаги и напудренные парики загромодили «Февральскую революцию – единственную настоящую революцию! Бар & гриль», и несколько завсегдатаев в потрепанных костюмах и потертых ветровках казались переодетыми для маскарада гостями – обнищавшими, обиженными анахронизмами из будущего, которые чудом попали в имперский Версаль или чванливый, интриганский Тюильри.

В баре Бушке Горовиц, сняв, несмотря на строжайший запрет короля и кардинала, железную маску, принимал членские взносы, делился с облаченной в тяжелую парчу и переливчатый шелк толпой своим мнением о будущем водозаборных колонн и душевых кабин и время от времени, повелевая «повторить», подкидывал вознаграждение бармену, злобному на вид бородатому мужчине в белом фартуке.

Альфред понял, что к нему не пробиться. Он несколько раз спросил насчет «лотереи», не получил ответа и сдался. Требовалось найти шишку помельче.

Кто-то дернул его за рукав церковного облачения. Он опустил глаза и увидел весьма тощую мадам Дюбарри, сидевшую в пустой кабинке. Мадам Дюбарри улыбнулась из-под черной маски.

– Тяпнем? – предложила она. И, увидев его непонимающий взгляд, объяснила: – Ты, да я, да мы с тобой.

Альфред покачал головой.

– Нет, и нет, и... То есть нет, спасибо. У меня, э-э, важное дело. Может, позже.

Он шагнул прочь и обнаружил, что его рукав не сдвинулся с места. Мадам Дюбарри по-прежнему удерживала ткань двумя пальцами – женственно, деликатно, изящно, но твердо.

– Фу, – надулась она. – Вы только поглядите на этого дельца. Нет времени тяпнуть, нет времени на меня, все дела, дела, дела, день напролет.

Несмотря на раздражение, Альфред пожал плечами. Дела его шли не очень. Он вернулся и сел напротив мадам Дюбарри. Лишь тогда тонкие пальчики отпустили его рукав.

У кабинки возник сердитый бородатый мужчина в белом фартуке.

– *Ну?* – рявкнул он, подразумевая: «Что будете пить?»

– Мне виски со льдом, – сказала дама Альфреду. – Виски со льдом – напиток моей жизни.

– Два виски со льдом, – сообщил Альфред бармену, который ответил: – *Ну!* – имея в виду: «Вы заказываете – я приношу. Это ваши похороны».

– Я слышала, ты интересуешься конкурсами. Однажды я выиграла в конкурсе. Теперь я тебе больше нравлюсь?

– В каком конкурсе? – рассеянно поинтересовался Альфред, разглядывая ее. Под маской скрывалось вроде бы миловидное, хоть и костлявое, совершенно обычное лицо. Тупик.

– Меня выбрали Девушкой, С Которой Младшие Кливлендские Водопроводчики Хотели Бы Спать Стык. Предполагалось, что это будет Девушка, Чей Стык Младшие Водопроводчики Хотели Бы Спать, но какие-то придурки расшумелись, и судьям пришлось поменять титул. Это было три года назад, но я сохранила диплом. От этого совсем *никакого* проку?

– Боюсь, что нет. Но все равно, примите мои поздравления. Не каждый может таким, э-э, похвастаться.

Сердитый бородатый мужчина вернулся, шлепнул на стол подставки и водрузил стаканы.

– *Ну!* – провозгласил он, имея в виду: «Теперь платите. Так мы ведем бизнес». Он взял деньги, хмуро изучил и протопал к осажденной посетителями стойке.

– А *какие* конкурсы тебя интересуют? Скажи, вдруг я смогу помочь. Я знаю всякие разности про всякие разности.

– Ну, конкурсы, лотереи, ничего конкретного. – Альфред посмотрел на заднюю стену кабинки. Там висела рамка с фотографией, на которой Плеханов пожимал руку Керенскому. Чуть более молодая версия сердитого коренастого бородатого мужчины вытянулась на цыпочках позади Плеханова, чтобы попасть в кадр. Альфред понял, что теряет время, и бесцеремонно опорожнил свой стакан. – Мне пора.

– Так быстро? – расстроено заворковала она. – Ведь мы только познакомились. И ты мне так понравился.

– Что ты имеешь в виду – понравился? – раздраженно спросил Альфред. – Ведь, по твоим словам, мы только познакомились?

– Но ты мне *действительно* нравишься. Ты сливки в моем кофе. Ты лучший. У меня от тебя мурашки по коже. Ты вращаешь этот мир. Я без ума от тебя. Ты меня заводишь, большой мальчик. Я просто теряю голову. Я поднимаюсь на самую высокую гору, переплыву самую глубокую реку. Телом и душой. Розы красны, фиалки сини. Выпей меня глазами. О, Джонни, о-о-о! Ты в моем сердце, а сердце – в моем рукаве.

Она умолкла, чтобы перевести дух.

– *Тьфу!* – сказал Альфред, чьи глаза едва не вылезли из орбит. Он начал вставать. – Спасибо на добром слове, леди, но...

Тут он снова сел, и его глаза снова полезли на лоб. Как она выражалась, когда хотела, чтобы ее поняли! Как Джейн Доу, как Джонс...

Он установил контакт!

– Значит, вот как я тебе нравлюсь? – спросил он, стремясь выиграть время, чтобы продумать следующий шаг.

– О да! – заверила она. – Я по тебе сохну. Ты мой кумир. Я тебя обожаю. Я молюсь на тебя. Ты мне дорог, близок, симпатичен, приятен...

– Хорошо! – почти крикнул он в отчаянной попытке прервать язык любви. – Хорошо, хорошо, хорошо! А теперь я хотел бы отправиться куда-нибудь, где мы сможем обсудить твои чувства ко мне в более интимной обстановке. – Альфред старательно растянул рот в плотоядной ухмылке. – Скажем, ко мне в номер или к тебе в квартиру?

Мадам Дюбарри с энтузиазмом кивнула.

– Ко мне в квартиру. Это ближе всего.

Когда они вместе покидали бар, Альфреду приходилось все время напоминать себе, что это не человеческая женщина, несмотря на чувственный трепет руки, обхватившей его руку, и прикосновения извивающегося бедра. Это разумный паук, управляющий механизмом, не более и не менее. Но это также был первый ключ к разгадке того, что понадобилось пришельцам на Земле, доступ в крупную шпионскую сеть – и, если он сохранит хладнокровие и ему хоть чуточку улыбнется удача, способ спасти человечество.

Подъехало такси. Они сели в него, она назвала водителю адрес, затем повернулась к Альфреду.

– Теперь давай страстно поцелуемся, – сказала она.

Они страстно поцеловались.

– Теперь давай поприжимаемся.

Они поприжимались.

– Теперь поприжимаемся сильнее.

Они поприжимались сильнее.

– Достаточно, – сказала она. – Пока.

Такси остановилось перед старым многоквартирным домом, который дремал над улицей, над выводком полуразвалившихся особняков, и видел сны о прошлом.

Альфред расплатился с водителем и проводил спутницу к входу. Придержал перед ней дверь лифта, а мадам Дюбарри возбужденно захлопала ресницами и страстно задышала ему в ухо.

В лифте она нажала кнопку с буквой «П».

– Почему подвал? – спросил он. – Твоя квартира в подвале?

В ответ она нацелила ему в живот крошечный красный цилиндрок. Сверху на цилиндре была малюсенькая кнопочка. Мадам Дюбарри держала на ней большой палец.

– Что находится в подвале – не твое дело, мерзкий ваклиттианский шпион. Не двигайся и делай то, что я скажу. К твоему сведению, я знаю, где ты и где твой пульт управления, так что не надейся отделаться испорченной униформой.

Альфред посмотрел, куда она прицелилась, и сглотнул. Конечно, насчет пульта управления она ошибалась, но все равно без живота он вряд ли выживет.

– Не волнуйся, – пролепетал он, – я не сделаю никаких глупостей.

– Очень на это рассчитываю. И не вздумай *фмфффинговать*, если не хочешь неприятностей. Один-единственный *фмффф* – и я тебя продырявлю. Превращу тебя в решето, мистер, проткну на месте. Пропущу через тебя дневной свет, размажу тебя...

– Я понял, – перебил Альфред. – Никакого *фмфффинга*. Разумеется. Слово чести.

– *Твое* слово чести! – фыркнула мадам Дюбарри.

Лифт остановился, и она попятилась, жестом велев Альфреду следовать за ней. Он смотрел на ее скрытое маской лицо и великолепный костюм и вспоминал, что когда в 1793 году Дюбарри везли на гильотину, она крикнула окружившей телегу толпе: «Милосердия! Милосердия за раскаяние!» Он был рад, что ни толпа, ни Революционный трибунал не поддались.

Альфред не слишком удивился при виде мужчины, который поджидал их в промозглом беленом подвале. Гугенот. С его американским умением зреть в корень.

– Какие-то проблемы?

– Нет, все прошло гладко, – ответила мадам Дюбарри. – Я завлекла его стандартным кливлендским конкурсом трехлетней давности. Должна признать, он держался неплохо – делал вид, что ему не интересно, – но приманку заглотил. Это выяснилось через несколько секунд, когда я сказала, что люблю его, а он сразу предложил поехать к нему. – Она усмехнулась. – Жалкий дилетант. Как будто нормальный американский мужчина отреагировал бы подобным образом – не упомянув, какие у меня красивые глаза, и какая я милая, и как отличаюсь от всех прочих, и как насчет еще по одной, детка.

Гугенот с сомнением дернул себя за губу.

– И все-таки у него отличная маскировка, – заметил он. – Что свидетельствует о высокой компетенции.

– И что? – Женщина пожала плечами. – Можно сделать хорошую униформу, можно придумать великолепную маскировку, но что толку, если не умеешь играть? Этот почти ничего не смыслит в человеческих манерах и подходах. Даже не знай я о нем заранее, все равно догадалась бы по его любовной возне в такси.

– Плохо?

– *Плохо!* – Она закатила глаза. – Братец, мне жаль его, если он хоть раз попробовал применить эту неуклюжую фальшивку к настоящей человеческой женщине. Плохо – не то слово. Дешевка. Второсортная импровизация, вранье. Ни убеждения, ни чувства реальности – ничего!

Альфред сердито уставился на нее сквозь зияющие раны в своем эго. В *ее* игре тоже были пробелы, из-за которых спектакль сняли бы со сцены в день премьеры, разъяренно подумал он. Но решил не высказывать свое критическое мнение вслух. В конце концов, у нее было оружие – и он понятия не имел, каких бед может натворить маленький красный цилиндрик.

– Ну ладно, – сказал гугенот, – давай посадим его к первому.

Красный цилиндрик уткнулся Альфреду в позвоночник. Альфред прошел по главному подвальному коридору, по команде свернул направо, затем еще раз направо – и остановился у глухой стены. Гугенот встал рядом и несколько раз потер стену рукой. Часть стены откинулась, словно на петлях, и они шагнули в проем.

Еще и тайные панели, мрачно думал Альфред. Тайные панели, женщина-сирена, злой гений гугенот – все атрибуты. Не хватало только обоснования этого чертового дела. Тюремщики Альфреда явно не поняли, что он – человек-контрразведчик, иначе разобрались бы с ним на месте. Они решили, что он... кто? Ваклиттианец? Ваклиттианский шпион? Значит, существовало две шпионских сети – гугенот сказал что-то насчет того, чтобы посадить его к первому. Но за чем охотились эти сети? Соперничали за установление контроля над Землей перед вторжением? Это сильно усложняло миссию Альфреда. Не говоря уже о попытке сообщить в полицию – если ему удастся добраться до полиции – о *двух* инопланетных вторжениях!

И ведь *он* считал себя контрразведчиком...

Большое помещение без окон было практически пустым. В одном углу стоял прозрачный куб с гранью около восьми футов. В кубе сидел мужчина средних лет в деловом костюме с однобортным пиджаком и смотрел на них, с любопытством и некоторой безнадежностью.

Подойдя к кубу, гугенот помедлил.

– Ты ведь его обыскала?

Мадам Дюбарри всполошилась.

– Ну... нет, не совсем. Я *собиралась* – но ты встречал нас у лифта, а я, знаешь ли, не ожидала тебя увидеть, а потом мы разговорились, и я просто...

Ее начальник сердито покачал головой.

– И ты еще рассуждаешь о компетенции! Что ж, раз уж мне приходится все делать самому, значит, буду все делать сам.

Он ощупал Альфреда. Обнаружил авторучку и зажигалку, внимательно изучил. Потом с озадаченным видом вернул на место.

– При нем нет оружия. Этому есть какое-то объяснение?

– Думаю, да. Он недостаточно опытен, чтобы доверять ему опасные предметы.

Гугенот поразмыслил.

– Нет. В таком случае ему бы не позволили разгуливать в одиночку. Он был бы под наблюдением.

– Может, так и есть. Может, в этом причина. И тогда...

– И тогда за вами обоими проследили. Да, это возможно. Что ж, мы их одурачим. С контактом или без, мы закончим операцию сегодня. Не выходи на улицу – через час мы покинем планету и заберем арестантов в штаб-квартиру.

Гугенот потер руками куб, как раньше – стену. В прозрачном материале появилось быстро растущее отверстие. Альфреда ткнули цилиндром в спину и заставили войти.

– Дай ему маленький заряд, – услышал он шепот гугенота. – Не слишком сильный – я не хочу, чтобы он умер до допроса. Просто оглуши его, чтобы он не мог общаться с другим.

Раздался тихий щелчок. Розовое сияние озарило куб и подвальную комнату. Альфред почувствовал, как пузырек газа возник в животе и медленно поплыл вверх. Через некоторое время Альфред рыгнул.

Когда он обернулся, отверстие в прозрачной стенке уже закрылось, а гугенот раздраженно выговаривал мадам Дюбарри. Та с изумлением разглядывала свое оружие.

– Я велел оглушить его, а не пощекотать! Ты хоть что-нибудь можешь сделать правильно?

– Я пыталась быть осторожной – не хотела убить его, как ты и сказал! Нацелилась прямо на пульт управления и использовала умеренно низкий ваклиттианский индекс. Не понимаю, как он... как он...

Гугенот с отвращением взмахнул обеими руками.

– Ладно, пошли собирать вещи. Когда вернемся, попрошу штаб назначить мне новую помощницу для следующей земной операции. Может, она не будет экспертом по человеческому сексуальному поведению, зато сумеет разоружить пленника и отличит ваклиттианский индекс от дыры в цилиндре!

Повесив голову, мадам Дюбарри поплелась следом. Дверь-стена закрылась за ними.

Альфред осторожно потрогал бесцветную стену куба. На ней не осталось ни следа отверстия, через которое его втолкнули внутрь. Материал был прозрачным, как стекло, но упругим и немного липким, словно только что отлитая пластмасса. Невероятно крепкая пластмасса. Он также испускал беловатое свечение, благодаря которому Альфред мог смутно различить пустые стены тайной подвальной комнаты. Он повернулся и оглядел своего сокамерника, который сидел в нескольких футах, на другой стороне куба.

Тот в ответ поглядел на Альфреда с подозрением и неуверенностью, будто не знал, что и думать. Его черты казались странно безликими, неинтересными и обыденными – и в то же время удивительно знакомыми.

Ну конечно! Он выглядел таким же обычным, как Джонс, Коэн, Келли и – в своем шпионском женском обличье – Джейн Доу. Альфред понял, кто этот человек.

– Джон Смит? – нерешительно спросил он. Потом, вспомнив одно из первых замечаний Джонса, добавил: – То есть Гар-Пита?

Мужчина средних лет поднялся на ноги и облегченно улыбнулся.

– Я не мог понять, кто вы такой. Либо один из нас, либо подсадная утка, которую поместили сюда, чтобы я заговорил. Но раз вы знаете мое настоящее имя... Кстати, а ваше?

Альфред с напускной скромностью покачал головой.

– Командный центр – то есть Робинсон – поручил мне особое задание. Я не должен раскрывать свое имя.

Джон Смит серьезно кивнул.

– Значит, не раскрывайте – и забудем об этом. Робинсон знает, что делает. Вы не ошибетесь, если будете буквально следовать его приказам. Особое задание, говорите? Что ж, теперь вам его не выполнить. Она точно так же меня поймала. Мы с вами попали, как кур в ошип.

– В ошип?

– Конечно. Грязные лидсгаллианцы – вы их слушали? Они улетают сегодня и забирают нас с собой. Притащат нас на свою родную планету – и обработают в свое удовольствие. От меня они ничего не добьются – и, ради чести Академии, надеюсь, от вас тоже, *что* бы они с нами ни делали. Вот только к концу от нас мало что останется. Эти лидсгаллианцы знают толк в пытках, да, сэр!

– Пытках? – Альфреду стало дурно, он чувствовал, что побледнел.

Пожилый мужчина стиснул его плечо и произнес:

– Мужайся, сынок. Не показывай местным белый флаг. Держи нос по ветру. Закуси пулю. Сражайся за старый Нотр-Дам. Борись до конца. Тебе нечего терять, кроме твоих цепей. Поборемся за Старый Свет.

Альфред не ответил. Джон Смит принял его молчание за согласие с этими высокоморальными принципами и продолжил:

– Тебе не выбраться из этой клетки – она сплетена из чистого *чрока*, ее почти ничем не порвешь. Но самое худшее – это ее изоляционные качества: через *чрок* нельзя *фмпффинговать*, хоть на голову встань. Я пытался *фмпффинговать* на помощь, чуть антенну не сломал, но не получилось даже шепота. Вот почему им не пришлось разделять силы, чтобы нас охранять. И вот почему я не потрудился снять униформу для разговора с тобой: раз мы не можем *фмпффинговать*, челюстные придатки нашей формы позволят нам лучше понять друг друга.

Спасибо за маленькие радости. Альфред принялся разглядывать сомкнувшиеся вокруг стены из *чрока*.

– Может, используем эти... эти челюстные придатки, чтобы позвать на помощь? – предложил он. – Судя по всему, звук проходит. Можем крикнуть вместе.

– И кто нас услышит? Люди. Что *они* сделают?

Альфред развел руками.

– Ну, не знаю. Иногда даже люди могут...

– Нет, забудь. Ситуация скверная, но не настолько. Кроме того, эти стены особенно толстые, и в них нет щелей. Если бы лидсгаллианцы не спускались сюда несколько раз в день, чтобы сменить воздух, я бы задохнулся. И все равно мне пару раз стало плохо, и я был вынужден прибегнуть к резервному запасу воздуха в грудной клетке – знаешь, в отделении прямо над пультом управления? Но скажу тебе вот что: если мне удастся вернуться на Ваклитт целиком, а не по частям, я обязательно поговорю с командным центром насчет одного усовершенствования нашей униформы. Я подумал о нем, когда смотрел, как они тебя обыскивают. Уберите резервный воздух, скажу я Робинсону – хоть один из особых послов хоть раз тонул или попадал в зону боевых действий с ядовитым газом? – и найдите агенту способ взять с собой оружие, настоящее, доброе оружие для коготков. Хотя, если вдуматься, чтобы стрелять, понадобится нечто вроде орудийной башни, которая будет выезжать из человеческой плоти, а когда лидсгаллианцы прознают об этом...

Он продолжал болтать. Ему явно не хватало компании, понял Альфред. И эту разговорчивость можно использовать. Пусть через пару часов они оба окажутся в лидсгаллианской камере пыток где-то в галактике, но имелся крошечный шанс, что этого не произойдет. А кроме того, факты всегда пригодятся; ему будет проще справиться с грядущими событиями, если он будет обладать связной информацией и основывать на ней свои планы. Сейчас самое время выяснить, кто представляет большую угрозу Земле – ваклиттианцы или лидсгаллианцы, – и кто скорее примет дружбу напуганного, опасавшегося пыток человека.

Вот только вопросы нужно задавать с осторожностью. И нужно быть готовым быстро прикрыть ошибки.

– Как вы думаете, почему лидсгаллианцы так нас ненавидят? – небрежно спросил он. – То есть мне известны стандартные ответы, но я хотел бы услышать *ваши* мнение. Ваши взгляды кажутся очень свежими.

Джон Смит довольно хмыкнул, на мгновение задумался, потом пожал плечами.

– В данном случае других ответов нет. Это война. Как же иначе?

– Просто война? И все?

– *Просто* война? Что ты имеешь в виду – *просто* война? Как можно назвать межзвездную войну, охватившую две трети галактики и длящуюся почти три столетия, *просто* войной? Триллионы погибших, десятки плодородных планет развеяны космической пылью – и ты называешь это *просто* войной? Вы, молодежь, растете страшными циниками!

– Я... я имел в виду совсем не это, – быстро, примирительно сказал Альфред. – Конечно, война – это ужасно и все такое. Отвратительно. Просто кошмарно. Мерзко. И наши враги, коварные лидсгаллианцы...

Джон Смит выглядел так, словно его огрели тяжелым мешком по голове.

– *Что?* Лидсгаллианцы – не наши враги, они наши *союзники*!

Теперь мешком получил Альфред.

– Наши *союзники*? – прошептал он, гадая, как выпутаться. Попробовал сделать ударение на другое слово в надежде отыскать смысл: – *Наши* союзники?

– Не знаю, что творится в Академии, – пробормотал себе под нос Джон Смит. – В мое время там давали хорошее генеральское образование и в придачу необходимый минимум лабораторного шпионажа, чтобы получить назначение, если ты подходил по всем прочим параметрам. Академия выпускала бдительных, культурных межзвездных граждан, хорошо знавших основы истории, экономики, искусства, науки и общих террористических приемов ведения войны. Кроме того, при желании ты всегда мог заняться честным, благородным делом – шпионажем. Разумеется, если ты хотел специализации, можно было после выпуска взять интенсивный курс элементарного и продвинутого шифрования, искусства креативной маскировки, простой и замысловатой лжи, физической и душевной пытки и прочих узких направлений. Но это было исключительно для аспирантов. А *теперь* – теперь все занимаются специализацией. Выпускают зеленых юнцов, которые могут расколоть любой космический код, но не способны солгать, чтобы спасти свою шкуру. Детей, которые создают шедевры маскировки, но не в состоянии отличить лидсгаллианца от фарседдики! Помяни мое слово, это сверхспециализация погубит Академию!

– Совершенно с вами согласен, – прочувствованно откликнулся Альфред. Подумал и решил подчеркнуть свою искренность. – Всяк сверчок знай свой носок! Всеу свое место и все на месте. Пожалей ремень – испортишь ребенка. Взгляни на муравья, ленивец! – Он почувствовал, что сбился, и умолк. – Но, понимаете, сегодня в Академии считают, что ее выпускники пойдут на боевую службу и встретят более опытных старших товарищей вроде вас, а те введут их в политический курс дела прямо на месте. Само собой, по сути, я с самого начала знал, что наш настоящий враг, в глубинном, так сказать, смысле этого слова, – фарседдики, но...

– Фарседдики? Наш враг? Но фарседдики соблюдают нейтралитет – единственные из всех! Слушай внимательно, юнец, и выруби себе на носу. Ты не сможешь заниматься первоклассным шпионажем на Земле, если не будешь знать общих принципов и основополагающих данных, на которых они построены. Начнем. На лидсгаллианцев напали гарунцы, так?

Альфред утвердительно кивнул головой.

– Так! Это знает каждый школьник!

– Верно. Нам пришлось вступить в войну с гарунцами, не потому, что нам не нравятся они или нравятся лидсгаллианцы, а потому, что, если бы гарунцы победили, они бы получили

возможность завоевать майрунианцев – наших единственных потенциальных союзников против растущей мощи ишполианцев.

– Естественно, – пробормотал Альфред. – В сложившихся обстоятельствах у нас не было выбора.

– Это заставило гарунцев объединиться с оссфолианцами. Оссфолианцы задействовали пакт о взаимопомощи с кензиашцами из зоны Ригеля, и, опасаясь кензиашцев, ишполианцы объединились с нами и отбросили майрунианцев к лагерю гарунцев. Затем была битва в Девятом секторе, в которой оссфолианцы четыре раза сменили стороны, что привлекло к сражению меньшемианцев, казкафианцев, доксадов и даже кензиашцев из зоны Прочиона и Канопуса. После чего, само собой, война сильно осложнилась.

Альфред облизнул губы.

– Само собой. Осложнилась. – Дабы сохранить рассудок, он решил приблизить беседу к настоящему месту и времени. – А тем временем здесь, на Земле, находятся шпионы... шпионы... прошу прощения, но сколько, по вашему мнению, военных разведок работает на Земле? Обычно, я имею в виду.

– Все! Все до единой! Включая фарседдигов, которые обязаны быть в курсе событий, чтобы сохранять нейтралитет. Земля, как, я надеюсь, ты помнишь из курса элементарной секретности, который читают на первом году обучения, расположена идеально – вне обычных зон боевых действий, но в зоне легкого доступа почти всех воюющих сторон. Это единственное место, где можно передавать информацию через фронты и заключать сделки. Вот почему о ней так пекутся. В конце концов, именно на Земле мы сдали доксадов, именно здесь была достигнута договоренность об уничтожении меньшемианцев их союзниками, майрунианцами и казкафианцами. А сейчас мы точно так же должны опасаться наших старейших союзников лидсгаллианцев, которые пытались вступить в контакт с гарунцами с целью заключить сепаратный мир. У меня есть доказательства, я даже узнал точное место и время контакта и суть соглашения, но затем попался на удочку этой девицы с ее болтовней о кливлендском конкурсе, который она выиграла три года назад. И меня взяли.

– Контакт предстояло осуществить посредством некоего конкурса красоты, верно?

– Разумеется, конкурса красоты, – нетерпеливо ответил пожилой мужчина. – Само собой, конкурса красоты. Как еще связаться с типами вроде гарунцев?

– Представить не могу, – слабо усмехнулся Альфред. – *Гаруницы*, ну надо же!

Он замолчал, не в состоянии уложить в голове картину, которую нарисовал Джон Смит. Больше всего это напоминало Лиссабон во время Второй мировой войны, о котором он когда-то читал. Но это был Лиссабон в квадрате, Лиссабон в кубе, Лиссабон в немыслимой геометрической прогрессии. Вся Земля представляла собой огромный лабиринт, наводненный шпионами Лиссабон. Разведчики, контрразведчики, *контр*контрразведчики...

Внезапно он подумал: каково истинное человеческое население Земли? Превышает ли его доля в общем населении долю замаскированных межзвездных агентов – и если да, то насколько? А может, не превышает?

Жизнь в «Пазлнит нейлонс» была намного проще – вот единственный вывод, к которому пришел Альфред.

Джон Смит подтолкнул его

– Они идут. Отправляемся на Лидсгалл.

Стена подвала раскрылась, и пленники поднялись на ноги. Вошли двое мужчин и женщина в уличной одежде. Каждый нес в одной руке небольшой, тяжелый на вид чемоданчик, а в другой – маленькое красное цилиндрическое оружие.

Альфред посмотрел на цилиндры, и ему в голову закралась опасная мысль. Оружие не причинило ему особого вреда, хотя должно было оглушить. Может, женщина ошиблась в установках – а может, метаболизмы ваклиттианца и человека настолько различались, что разряд,

способный вырубить одного, вызывал лишь слабое несварение у другого. Опять-таки, если, по словам Джона Смита, землян столь тщательно держали в неведении, на оружии не должно быть установок для коренных жителей: плетя свои интриги друг с другом и друг против друга, пришельцы могли подчиняться собственным законам и взаимным соглашениям не использовать оружие, опасное для людей.

Но если он ошибся? Все равно им потребуется время, чтобы осознать, что ваклиттианские частоты не оказывают на него особого воздействия, и за это время он может многое успеть. В любом случае, альтернативой было через несколько минут покинуть Землю и в ближайшем будущем оказаться в инопланетной камере пыток. Даже если ему удастся доказать свою принадлежность к людям, лидсгаллианцам все равно придется от него избавиться – для чего вполне подойдут различные пыточные приспособления...

Без сомнений, владельцы камер пыток не бывают добрыми хозяевами.

Один из мужчин проделал что-то со своим чемоданчиком, и прозрачный куб вокруг Альфреда и Джона Смита растворился. Взмах оружием – и они осторожно пересекли комнату. Следующий взмах велел им пройти в открытую стену.

Альфред с трудом узнал мадам Дюбарри и гугенота без масок и костюмов.

Оба казались ему незнакомцами, не плохими и не хорошими, просто лицами в толпе. Чего, собственно, они и добивались.

Когда все пятеро одновременно начали выходить из комнаты, Альфред принял решение. На секунду они оказались очень близко друг к другу, даже соприкоснулись.

Он схватил женщину за руку и с силой толкнул в гугенота, который в замешательстве споткнулся. Потом, зная, что Джон Смит стоит между ним и еще одним мужчиной сзади, Альфред подобрал сутану и кинулся бежать. Свернул налево, затем еще раз налево – и оказался в главном подвальном коридоре. Впереди, в дальнем конце, были каменные ступени, которые вели на улицу.

Позади донесся шум борьбы, потом звук бегущих ног. Альфред услышал далекий крик Джона Смита:

– Давай, парень, давай! Готовь лыжи летом! Беги, кролик, беги! Держись, ковбой! Делай ноги! Пошевеливайся! Катись отсюда!

Хлопок – и голос ваклиттианца оборвался придушенным хрипом.

Розоватое сияние пронеслось мимо, вернулось и озарило живот Альфреда. Он рыгнул. Сияние стало светло-красным, алым, зловещим темно-красным. Он зарыгал чаще. Добрался до лестницы и побежал вверх, а сияние запульсировало ночным пурпуром.

Десять минут спустя он был на Шестой авеню, забираясь в такси. Неприятная боль в животе быстро прошла.

Подъезжая к своему отелю, Альфред оглянулся. Его не преследовали. Хорошо. Лидсгаллианцы понятия не имели, где он живет.

Альфред задумался, похожи ли они на ваклиттианцев? Пауки? Вряд ли. Все эти многочисленные видовые названия и необъятная межзвездная вражда подразумевали множество различных форм. Которые достаточно малы, чтобы вписаться в человеческое тело. Возможно, улиткообразные и червеобразные существа, крабовидные и кальмаровидные. Может даже, крысовидные?

Отвратительная мысль. Ему требовалось хорошенько выспаться: завтра его первый день в «Блэксим». А потом, не сразу, когда у него будет время подумать, он решит, что делать. Обратится в полицию, ФБР или еще куда-нибудь. Возможно, отправит историю в одну из нью-йоркских газет – или какой-то известный телекомментатор прислушается к нему и соберет более широкую аудиторию. Но рассказ должен быть связным и убедительным. У него мало доказательств. Лидсгаллианцы наверняка уже летят к своей родной планете. Однако есть еще

его собственная шайка – ваклиттианцы. Коэн, и Келли, и Джонс. И Джейн Доу. Он поводит их за нос пару дней, а потом использует в качестве улики. Пора Земле узнать, что происходит.

Его собственная шайка поджидала Альфреда в гостиничном номере. Коэн, и Келли, и Джонс. И Джейн Доу. Судя по всему, ждать им пришлось долго. Кажется, Джейн Доу плакала. Мистер Келли сидел на кровати и держал на коленях раскрытый портфель.

– Вот ты где, – произнес голос Робинсона из портфеля. – Надеюсь, у тебя найдется объяснение, Смит. Очень на это надеюсь.

– Для чего? – огрызнулся Альфред. Он мечтал скинуть костюм, принять горячий душ и забраться в постель. Ночная игра в шпионов вызвала у него раздражение. И скуку.

– Для чего? – взревел Робинсон. – Для чего? Келли, скажи ему, для чего!

– Послушай, Смит, – начал Келли. – Ты обращался к портье с просьбой разузнать про бал-маскарад водопроводчиков?

– Обращался. Конечно, обращался. Он снабдил меня необходимой информацией.

Из портфеля донесся вой.

– *Он снабдил меня необходимой информацией!* Шесть лет изучения шпионажа в Академии, год аспирантуры в усиленной секретности, полгода в Специальной военной школе анализа данных и отслеживания местоположений – и тебе хватает наглости стоять передо мной с панцирем в клешнях и заявлять, будто единственным способом обнаружить этот бал-маскарад было попросить портье – обычного, среднестатистического человеческого портье – навести справки?!

Альфред заметил, что лица собравшихся были очень серьезными. Несмотря на усталость и безразличие, он попробовал оправдаться.

– Ну, раз уж это был обычный, среднестатистический человек, не вижу никакого вреда в том, чтобы...

– Да это мог быть сам гарунский военный министр! – рывкнул портфель. – Что не имело бы никакого значения. К тому времени как он опросил свои источники и упомянул дело в разговоре со своими друзьями, знакомыми и коллегами, все шпионские сети в галактике уже были начеку! Знали, что нас интересует, что мы ищем – и где и когда планируем найти. Ты провернул одну из самых блестящих операций в истории межзвездной коммуникации. Шестьдесят пять лет тщательного разведывательного планирования – коту под хвост. И *что* ты теперь скажешь?

Альфред вытянулся в струнку и мужественно распрямил плечи.

– Только это. Я сожалею. – Подумал и добавил: – Искренне сожалею.

В портфеле словно разразилась гроза. Он едва не свалился с колен Келли.

– Я больше не вынесу, – внезапно произнесла Джейн Доу. – Я подожду снаружи. – По пути к двери она миновала Альфреда, в ее глазах сквозил укор. – Милый, милый, *как* ты мог? – горько шепнула она.

Портфель затрещал тише и вернул себе подобие контроля.

– Дам тебе последний шанс, Смит. Не думаю, что ты сможешь оправдаться, но мне претит разжаловать и навеки изгонять из армии особого посла, не предоставив ему всех возможностей высказаться. Итак. Желает ли ты что-либо сказать в свое оправдание, прежде чем тебя разжалуют?

Альфред задумался. Очевидно, для них это было серьезное дело, но ему происходящее начинало казаться бессмысленным. Слишком много всего, слишком запутано. Он устал. И он был Альфредом Смитом, а не Джоном Смитом.

Он мог рассказать им о событиях этого вечера, о лидсгаллианцах и информации, которую получил от пленного Смита. Она может оказаться полезной и склонить чашу весов в его пользу. Проблема заключалась в том, что это вызовет весьма щекотливый вопрос об истинной личности Джона Смита.

Кроме того, он перестал бояться этих созданий; они могли разве что всадить ему дозу бикарбоната натрия. Их сверхоружие не имело силы, по крайней мере, на Земле. И если на то пошло, он совсем не был уверен, что хочет снабжать их полезной информацией. Кто знает, как это отразится на интересах Земли?

Альфред покачал головой, чувствуя усталость в мускулах шеи.

– Никаких оправданий. Я сказал, что сожалею.

Робинсон в портфеле вздохнул.

– Смит, мне больнее, чем тебе. Понимаешь, это основа всех вещей. Наказание должно соответствовать преступлению. Со скорбью, но не со злобой. Не разбив яиц, яичницу не приговоришь. Ладно, Келли. Приговор.

Келли положил портфель на кровать и поднялся. Коэн и Джонс вытянулись по стойке «смирно». Очевидно, предстояла церемония.

– Властью, данной мне как исполняющему обязанности командира этой полевой группы, – начал Келли, – и в соответствии с Нормативными актами девяносто семь, девяносто восемь и девяносто девять я лишаю тебя звания, Гар-Пита с Ваклитта, и разжалую из ранга особого посла второго класса в ранг обычного посла или другой низший ранг, который командный центр сочтет уместным и наиболее соответствующим интересам армии. Кроме того, я приказываю объявить о твоём позоре в каждом подразделении и эшелоне. Твое имя будет вычеркнуто из списка выпускников Академии, которую ты посрамил. И, наконец, от имени этой полевой группы и каждого ее члена я отрекаюсь от тебя навсегда как от коллеги, ровни и друга.

Альфред счел церемонию весьма суровой. Должно быть, она сильно действовала на тех, кого касалась.

Потом Коэн и Джонс быстро приблизились к нему с двух сторон, чтобы разыграть последний драматический акт.

Они держались официально, но очень строго.

Они вырвали из его униформы пульт управления.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вот как я написал этот рассказ.

В 1956 году я расстался с женщиной, за которой ухаживал почти год. Но я знал, что она вернется (она всегда возвращалась) и мы все начнем сначала, как уже столько раз начинали. Поэтому я обзвонил всех своих друзей и попросил организовать мне семь последовательных свиданий на следующей неделе. Я хотел каждый день видеть новую женщину – в надежде, что мне понравится хотя бы одна из них.

Фрума, как она до сих пор любит мне напоминать, была средой. Кэтрин Маклин и парень, с которым она тогда жила, Дейв Мейсон, сказали, что знают ту, которая мне действительно понравится. И пригласили Фруму.

После первого свидания с ней вечером в среду я сказал Бобу Шекли – он недавно развелся и в то время был моим лучшим другом, – что, кажется, нашел женщину женщин, на которой мне следует жениться. Боб спросил, когда я собираюсь снова с ней увидеться.

«Вечером в субботу», – ответил я.

«Узнай, есть ли у нее подруга», – попросил он.

Подруга у Фрумы была, ее звали Зива, и Боб с Зивой поженились через месяц после нас с Фрумой. Мы все жили в Гринвич-виллидж, не слишком долго, но преимущественно счастливо, в двух-трех кварталах друг от друга.

Потом на нас с Бобом обрушился творческий ступор. Не слишком долгий, но весьма неприятный. Для Боба он стал большей неожиданностью, чем для меня, потому что я всегда

писал нерегулярно, когда появлялась хорошая идея, в то время как Боб был весьма продуктивен.

Мы с Бобом активно и встревоженно обсудили, как нам избавиться от ступора. Среди придуманных нами средств было снять на двоих меблированную комнату в качестве кабинета и добавить в нее два предмета обстановки – стол для печатной машинки и тяжелый деревянный стул с намертво закрепленными кандалами. Каждое утро мы оба будем приходить в кабинет в девять утра, и один будет приковывать другого к стулу. И не отпускать, как бы он ни умолял и какие бы отговорки ни выдумывал, пока не стукнет час дня или пока он не напечатает четыре страницы хорошего, пригодного к публикации текста. Затем кандалы будут сняты, и второй займет место первого на тех же условиях – до пяти вечера или четырех страниц хорошего текста. Конечно, если четыре страницы появятся быстро, а писатель будет еще бодр, он может писать дальше, пока не придет время освобождения.

Мы считали этот план замечательным и рвались испытать его. К сожалению, и Фрума, и Зива заявили, что он ужасен, и просили нас этого не делать. Мы с Бобом обменялись комментариями насчет несчастливой женской слабости и попробовали придумать что-нибудь другое.

В итоге мы договорили о следующем: встречаться по утрам пять раз в неделю в ближайшей кафешке и приносить по четыре страницы нового текста. Кто опоздает на встречу или не принесет требуемых четырех страниц – платит пять долларов в фонд, которым заведуют наши жены. Всякий раз, когда в фонде будет накапливаться достаточная сумма, мы будем тратить ее на театральные билеты для нас четвертых.

И это сработало, действительно сработало, по крайней мере, на время. Я раскошеливался чаще Боба, потому что родился на месяц позже положенного и так и не наверстал упущенное: я постоянно опаздываю. Однако мы оба снова писали и продавали написанное – ради чего все и задумывалось.

Однажды утром я не мог придумать хорошую историю. В отчаянии накалал четыре страницы какой-то белиберды и поспешил на встречу с Бобом. Он тоже принес свои четыре страницы, и они выглядели очень хорошо и профессионально. А также немного знакомо.

Ну конечно! – догадался я. Это были четыре страницы из одного из его первых опубликованных рассказов, который мне очень понравился, и я его запомнил. Я обвинил Боба в мошенничестве. Он раскололся и выложил пять долларов. В праведном гневе я вернулся со своими четырьмя страницами домой.

Я положил перед собой эти четыре страницы – тысячу слов чисто повествовательной болтовни – и задумался, нельзя ли что-нибудь из этого извлечь. Как выяснилось, можно: получился «Лиссабон в кубе». (Если хотите знать, на что похож оригинал, отсчитайте тысячу слов от начала рассказа.)

Я назвал рассказ «Лиссабон в четвертой степени» и отправил в «Гэлекси» (*Galaxy*) Хораса Голда. Не найдя, к чему придраться – хотя он очень пытался, – Голд заменил мое название своим. Я сохранил его для этого сборника – покойный Хорас заслуживает небольшого памятника в прозе.

Если спросите Боба Шекли, он будет клясться, что все было наоборот – сжульничать пытался я. Не слушайте его.

А вот почему я написал этот рассказ.

Я уже сам не знаю, зачем пишу научную фантастику, разве что мне за нее платят – и, черт побери, благодаря ей у меня сложилась репутация. Но пятьдесят лет назад я думал, что на мне лежат некие обязательства, и по крайней мере одно из них я ощущаю до сих пор.

Это мой долг – действительно долг, с учетом того, что я за человек, что знаю и во что верю – подготовить собратьев-людей к тому, с чем они столкнутся вскоре, самое позднее, через одно-два поколения. Что бы я ни писал – сатиру, трагедии или обычные драмы, – я должен

подготовить человека к тревожному открытию: он и его вид перестанут быть единственным ребенком природы.

Вселенная очень велика, и мы не только перемещаемся по ней физически, но и посылаем сигналы во всех направлениях, которые можем придумать. Мы *думаем* – а значит, мы *существуем*. И рано или поздно неожиданно увидим – или услышим кого-то. Обнаружим, что у нас есть крайне умные родичи.

В первую очередь я молюсь о том, чтобы мы не оказались мышами, которые потревожат кошек. Во вторую – о том, чтобы они не слишком опередили нас в технологическом смысле. Я не хочу, чтобы генеральный секретарь ООН сыграл роль Монтесумы для какого-нибудь галактического Кортеса. А еще я молюсь о том, чтобы мы сумели сосуществовать с разумными существами, которые появились в ходе совершенно иной эволюции, чтобы мы смогли пользоваться и наслаждаться совершенно различными технологиями, произведениями искусства, философскими и религиозными воззрениями. Чтобы мы оценили тот факт, что есть множество форм разума – и его высшие формы неизменно сталкиваются с тем, что, как и мы, называют трагедией жизни.

Вот почему я пишу космические комедии.

Написано в 1956 году, опубликовано в 1958-м

Критерий от балды

Помните афоризм про старую английскую правовую систему? «Пусть рухнут небеса, но правосудие должно свершиться»? Так вот, *свершилось* ли оно в этом случае?

Дано три личности. Разумный примат с Сола III – в техническом смысле, человек. Столь же разумное ракообразное с Проциона VII – иными словами, эрудированный лобстероморф. И компьютер модели «Малколм Мовис омикрон бета», достаточно разумный, чтобы проложить маршрут из одной звездной системы в другую, а также состязаться с большинством биологических умов во всевозможных играх, от бриджа до шахмат и двойного зоньяка.

Теперь добавим кораблекрушение. Ветхое, дырявое каскаское грузовое судно разваливается в дальнем космосе. Разваливается в прямом смысле. Половина двигательного отсека уничтожена взрывом, корпус течет и начинает разрушаться, все, кому удалось выжить и добраться до спасательных шлюпок, бегут с корабля.

В одной такой шлюпке находятся человек Хуан Кидд и лобстероморф Туэзузим. И, разумеется, компьютер «Малколм Мовис», непременный пилот, навигатор и мастер на все руки.

Кидд и Туэзузим знали друг друга больше двух лет. Компьютерные программисты примерно одного уровня, они познакомились на службе и были уволены в одно время. После чего решили сэкономить, отправившись на потрепанном каскаском грузовом судне в сектор N-42B5, где, по слухам, было много работы.

Когда разразилась катастрофа, Кидд и Туэзузим сидели в столовой, увлеченные нелегкой партией в двойной зоньяк. Они помогли друг другу добраться до спасательной шлюпки. Активировали компьютерного пилота и запустили режим дальней связи, чтобы найти помощь. Компьютер сообщил, что спасение возможно не раньше чем через двадцать дней, а скорее – через тридцать.

Какие-то проблемы? В шлюпке есть воздух, топливо, вода в избытке. Но пища...

Помните, это было каскаское грузовое судно. А каскасцы, само собой, – кремниевая форма жизни. Для пассажиров каскасцы загрузили камбуз органической пищей на основе углерода. Но даже не вспомнили про спасательные шлюпки. И теперь два не-каскасца застряли на такой шлюпке на три или четыре недели, и из еды у них имелся лишь песок да гравий.

А также они сами – к такому выводу потерпевшие пришли сразу и одновременно.

Люди на своей родной планете полагают изысканными деликатесами более мелких и менее разумных ракообразных вроде лобстеров и лангустов. А на Проционе VII, как выразился Туэзузим, «особым проявлением гостеприимства считается подать на стол маленького сочного примата под названием пятнистый моррор».

Иными словами, каждый из этих программистов мог съесть другого. И выжить. На спасательной шлюпке имелись кухня и холодильник. Аккуратно разделенного на порции стандартного компьютерного программиста должно было хватить до спасения.

Но кто кого съест? И как это решить?

Дракой? Едва ли. Двух высокоинтеллектуальных существ нельзя было назвать лучшими в физическом смысле представителями своих видов.

Кидд был сутулым, страдал сильной близорукостью и легкой анемией. Туэзузим был мелковат и плохо слышал, а одна клешня у него была покалечена. Ее вывихнули при рождении, и она сформировалась неправильно. С учетом этих болячек оба программиста всю жизнь избегали спортивных состязаний, особенно агрессивного характера.

Однако понимание того, что больше никакой еды нет, вызвало у обоих путешественников сильный голод. Разве сравнится почти-дружба с ужасной перспективой голодной смерти?

Для протокола: это лобстероморф Туэзузим предложил испытание игрой, в которой компьютер выступит в качестве судьи, а также палача для проигравшего. Опять-таки исключительно для протокола: это человек Хуан Кидд предложил выбрать логической игрой, которая решит исход дела, балду.

Оба любили балду и играли в нее всякий раз, когда не могли сыграть в свою любимую игру – то есть когда у них не было костей для зоньяка. Спеша покинуть судно, они бросили сетку и кости в столовой. И теперь игра в слова казалась единственным вариантом, не считая подкидывания монетки, что оба – будучи программистами-геймерами – отвергли как слишком незамысловатую глупость. Само собой, оставалось испытание физической схваткой, однако ни один не находил этот способ привлекательным.

Раз уж компьютеру предстояло сыграть роль судьи и разрешающего диспуты словаря, а также палача, почему не сделать его участником и не сыграть втроем? Это внесет в игру фактор непредсказуемости, подобно перетасовке карт. Разумеется, компьютер не мог проиграть – программисты договорились не обращать внимания на буквы «балды», которые он заработает.

Они условились о простых правилах: лимит времени на каждую букву – десять минут; слова из трех букв не считаются; имена собственные, как обычно, под запретом; каждый следующий раунд идет в сторону, противоположную предыдущему. Таким образом оба игрока получают равные возможности предъявить претензию, и ни один не будет постоянно отставать от другого.

Кроме того, спорные моменты следовало решать посредством промежуточного игрока – компьютера, который не участвовал в состязании.

Отправив последний сигнал бедствия, они занялись программированием компьютера для игры (и мгновенной казни проигравшего). Изучая колоссальные программные ресурсы компьютера, они к своей радости обнаружили среди резидентных словарей свои любимые первое и второе издания Уэбстера. Программисты выбрали эти древние базы данных в качестве высших судей.

На подготовку приведения приговора в исполнение ушло чуть больше времени. В конце концов они остановились на чем-то вроде двух электрических стульев, управляемых компьютером. Для умерщвления договорились использовать установленный на спасательной шлюпке двигатель Хамеца. Каждый игрок будет пристегнут к креслу, и компьютер будет удерживать его до конца игры. В решающий момент, когда один из соперников заработает вторую букву «а» в «балде», его мозг будет поджарен, а победитель будет отпущен на свободу.

– Обо всем позаботились? – спросил Туэзузим, когда приготовления подошли к концу. – Честное состязание?

– Да, обо всем, – ответил Кидд. – Все честно. Начинаем.

Они отправились по своим местам: Кидд – в кресло, Туэзузим – на традиционную для лобстероморфов изогнутую койку. Компьютер активировал электронные оковы. Соперники посмотрели друг на друга и тихо попрощались.

Последующая информация получена от компьютера. «Малколм Мовис омикрон бета» штатно оснащен весьма замысловатой этической программой «Аль-триукс 4.0». Она записывала ход событий для предполагаемого судебного расследования.

Лобстероморф первым заработал «б». Он предъявил претензию к Хуану Кидду, который добавил «ц» к «в-и-л-ь». Получились «вилыцы», старинное название вилки. В ответ на отчаянные протесты Туэзузима насчет архаичности «вилыцов» «Малколм Мовис» сообщил, что не было предварительного соглашения исключить архаизмы.

Несколько минут спустя Кидд тоже попался. Возгордившись после первой победы, он принял участие в составлении слова «эндометрий» (слизистая оболочка матки млекопитающих) и добавил «м» к «эндо». Этот раунд закончился бы проигрышем компьютера, и никто не

получил бы штрафных букв, однако Кидда такая ситуация устраивала. К сожалению, он забыл про слово «эндометриоз». Туэзузим добавил «и», компьютер вставил «о», и Кидду ничего не оставалось, кроме как завершить «эндометриоз».

Так они и шли, ноздря в ноздю, или, точнее, ноздря в антенну. Туэзузим вырвался на время вперед и, казалось, вот-вот победит: Кидд заработал «б-а-л-д», после чего попал в опасное положение с сомнительным словом.

– *Дирижаблoид*? – воскликнул Туэзузим. – Ты его выдумал. Нет такого слова. Ты просто пытаешься не остаться с «ь» из «дирижабля».

– Такое слово есть, – настаивал Кидд, обильно потев. – «Подобный или напоминающий дирижабль, в форме дирижабля». Его можно использовать – и, вероятно, используют в каких-нибудь технических описаниях.

– Но не во втором Уэбстере, вот в чем суть. Компьютер, оно есть в твоём словаре?

– Как таковое нет, – ответил «Малколм Мовис». – Однако слово «дирижабль» происходит от латинского *dirigere*, «направлять». Оно означает «управляемый», то есть управляемый воздушный шар. Суффикс «oид» может быть добавлен ко многим словам классического происхождения. Возьмем, например, сфероид, коллоид, астероид...

– Ты сам подумай об этих примерах! – отчаянно спорил Туэзузим. – Во всех трех греческий суффикс «oид» добавлен к словам греческого происхождения, не латинского. *Aster* – по-гречески «звезда», поэтому «астероид» означает «подобный звезде или в форме звезды». А «коллоид» происходит от греческого *kolla* – «клей». Ты хочешь сказать, что словари уровня первого и второго Уэбстера смешивают греческий с латинским?

Напряженно слушавшему Кидду показалось, будто компьютер «Малколм Мовис» сдержал улыбку, прежде чем продолжить.

– По существу, именно это и происходит в одном из приведенных случаев. Согласно второму изданию Уэбстера, слово «сфероид» имеет и греческие, и латинские корни. В словаре приведена следующая этимология: греческое *sphairoeides* (*sphaira*, «сфера», плюс *eidos*, «форма»), с одной стороны, и латинское *sphaeroides*, «шарообразный» или «сферический», с другой. Два разных слова, оба классического происхождения. Соответственно, «дирижаблoид» засчитывается как допустимое слово.

– Я возражаю против такого судейства! – Туэзузим разъяренно взмахнул клешней. – Данные использованы необъективно. Я начинаю подозревать компьютер в прочеловеческой, антилобстероморфной предвзятости.

Снова едва уловимый намек на электромеханическую улыбку.

– И вновь замечание по существу, – мягко ответил компьютер. – Команду разработчиков «Малколма Мовиса» возглавлял доктор Ходгодья Ходгодья, известный электронщик-лобстероморф. Таким образом, прочеловеческая, антилобстероморфная предвзятость представляется крайне маловероятной. Слово «дирижаблoид» засчитано; протест рассмотрен и отклонен. Следующий раунд начинает Хуан Кидд.

Поскольку теперь оба соперника заработали «б-а-л-д», следующий раунд почти наверняка должен был стать решающим – и последним. Близилась развязка.

Кидд и Туэзузим вновь переглянулись. Через несколько минут один из них умрет. Потом Кидд отвел глаза и начал раунд с буквы, которая всегда была для него самой удачливой в балде с тремя участниками. Буквы «С».

Компьютер добавил «и», а Туэзузим, немного поспешно, – «г». Он хотел составить слово «сигил», чтобы закончить на «Малколме Мовисе». После ничьей он, Туэзузим, начнет следующий раунд.

Однако Кидда на этот раз не интересовала ничья. Он добавил к «с-и-г» «а», а когда компьютер добавил «р», стало очевидно, что получающаяся «сигара» закончится на Туэзузуме.

Лобстероморф отчаянно думал. Наконец, с печальным писком из глубин головогруди, добавил «и».

Кидд добавил «л», компьютер – еще одну «л». И вновь пришла очередь Туэзузима.

Он дождался, пока истекут его десять минут, затем добавил букву. Но это была не «а».

Это была «о».

Хуан Кидд уставился на него.

– *Сигарилло?* – с изумлением спросил он, начиная понимать, что затеял лобстероморф. – Протестую.

Туэзузим вновь выдержал паузу. Потом, медленно ткнув покалеченной левой клешней в лицо Хуана Кидда, произнес.

– Это «сигариллоид».

– Нет такого слова! Что, черт побери, оно означает?

– Что означает? «Подобный или напоминающий сигариллу, в форме сигариллы». Его можно использовать – и, вероятно, используют в каких-нибудь технических описаниях.

– Судья! – возопил Кидд. – Давайте разберемся. В вашем словаре есть «сигариллоид»?

– Есть оно в словаре или нет, его нужно засчитать, – возразил Туэзузим. – Если существует «дирижаблоид», значит, может существовать и «сигариллоид». Если «сигариллоид» существует, значит, протест Кидда отклоняется. Если же его не существует, значит, нет и «дирижаблоида», то есть Кидд проиграл в прошлом раунде и теперь получает «а». В любом случае он проиграл.

Пришла очередь «Малколма Мовиса» задуматься. Он размышлял целых пять минут. Как он позже показал в суде, в этом не было необходимости – решение было принято за микросекунды.

– Но, – заметил он в своих показаниях, – здесь был затронут интересный принцип, который требовал этого ненужного времени. Говорят, правосудие не просто должно свершиться – должно *казаться*, что оно свершилось. В данном случае лишь длительное, тщательное обдумывание могло создать впечатление свершения правосудия.

Пять минут – и «Малколм Мовис» наконец вынес свой вердикт.

– Слова «дирижаблоид» и «сигариллоид» неравнозначны. «Дирижабль» происходит из так называемых классических языков, а следовательно, к нему может быть добавлен суффикс «оид». Однако «сигарилла» происходит от испанского слова «сигара», а оно, в свою очередь, от майяского *sik'ar*, дымный, или *sic*, табак. Таким образом, в данном случае нельзя использовать суффикс «оид» – романский испанский и классический греческий языки нельзя смешивать.

«Малколм Мовис» выждал три или четыре музыкальных такта. Хуан Кидд и Туэзузим уставились на него, человек – безмолвно шевеля губами, ракообразное – вибрируя антеннами в яростном несогласии.

– Туэзузим получает «а», последнюю букву балды, – провозгласил компьютер. – Он проиграл.

– Я протестую! – взвизгнул Туэзузим. – Предвзятость! Предвзятость! Раз нет «сигариллоида», то нет и «дирижа...»

– Протест отклонен. – И разряд двигателя Хамеца пронзил лобстероморфа. – Кушать подано, мистер Кидд, – галантно произнес компьютер.

Расследование проходило на Карписе VIII в секторе N-42B5 и длилось недолго. Были изучены резервные записи «Малколма Мовиса»; у Хуана Кидда только спросили, хочет ли он что-то добавить (он не захотел).

Однако решение суда удивило почти всех, особенно Кидда. Его задержали для судебного разбирательства. По обвинению в чем? В каннибализме при отягчающих обстоятельствах в дальнем космосе.

Само собой, наше нынешнее определение межвидового каннибализма возникло на основе этого дела:

Акт каннибализма нельзя ограничивать поеданием представителей лишь собственного вида. Согласно современным реалиям эпохи активных путешествий в дальнем космосе, каннибализмом можно считать любое происшествие, когда одно разумное существо убивает и поедает другое разумное существо. Разумности всегда было исключительно трудно дать точное определение, однако здесь и далее мы будем подразумевать под ней способность понять земную игру «балда» и сыграть в нее. Разумность нельзя ограничивать только этой способностью, однако если индивидуум любого биологического строения обладает ею, убийство, поедание и усвоение данного индивидуума следует считать актом каннибализма и наказывать в соответствии с законодательством, действующим в данном месте в данное время.

Галактика против Кидда, Карпис VIII, C17603

Карпис VIII был довольно грубой пограничной планетой, свободной зоной, где к самым тяжким преступлениям относились весьма толерантно. В итоге Хуан Кидд отделался умеренным штрафом, который смог оплатить, проработав два месяца компьютерным программистом на новом месте.

«Малколму Мовису» повезло намного меньше.

Во-первых, его задержали как основного исполнителя преступления, а прежде – соучастника. Его сочли несущим ответственность разумным индивидуумом, поскольку он, вне всяких сомнений, продемонстрировал способность понимать земную игру «балда» и играть в нее. Протест компьютера, что он не обладает биологическим строением (а следовательно, не может вовлекаться в судебные разбирательства по отношению к живым существам) был отклонен на том основании, что кремниевые каскассианцы, построившие корабль и спасательную шлюпку, теперь тоже подпадают под определение каннибализма. Суд счел, что раз основанный на кремнии разум можно считать биологическим, значит, то же верно и для кремниевой электроники.

Более того – и, возможно, это было самое тяжкое обвинение, – компьютер уличили во лжи в критической ситуации – или, по крайней мере, в утаивании информации путем сокрытия части истины. Когда Туэзузим обвинил его в антилобстероморфной предвзятости, компьютер указал на тот факт, что «Малколм Мовис омикрон бета» был разработан лобстероморфом, а следовательно, антилобстероморфная предвзятость представлялась крайне маловероятной. Однако правда заключалась в том, что разработчик, доктор Ходгодья, жил в добровольной изоляции, поскольку ненавидел весь свой вид, причем выразил эту ненависть в многочисленных сатирических эссе и одной длинной эпической поэме. Иными словами, антилобстероморфная предвзятость была заложена в компьютер, и он об этом знал.

На это компьютер возразил, что он, в конце концов, – всего лишь компьютер, а следовательно, должен отвечать на вопросы по возможности прямо и просто. Сформулировать и задать правильный вопрос – задача спрашивающего.

– Не в этом случае, – ответил суд. – «Малколм Мовис омикрон бета» выступал не в роли простой машины, отвечающей на вопросы, а в роли судьи и арбитра. В его обязанности входили абсолютная честность и предоставление полной информации. Таким образом, нужно было открыто рассмотреть и признать возможность антилобстероморфной предвзятости.

«Малколм Мовис» не сдался.

– Но Кидд и Туэзузим были высококлассными программистами. Неужели нельзя было принять как данность, что они уже владеют значительным объемом информации по истории

разработки столь популярного компьютера? При общении с такими эрудированными индивидуумами нет нужды расставлять все точки над *i* и перечеркивать все *t*.

– Программисты! – ответил суд. – Что они знают о капризном железе?

В итоге компьютер признали виновным в соучастии в каннибализме и наложили штраф. Хотя штраф этот был намного меньше полученного Хуаном Киддом, «Малколм Мовис», в отличие от Кидда, не имел финансовых ресурсов и доступа к ним.

Что привело к щекотливой ситуации. На свободной планете вроде Карписа VIII судьи могли смотреть сквозь пальцы на убийц и даже каннибалов. Но не на отъявленных неплательщиков. Суд постановил, что раз компьютер не может оплатить штраф, наказания ему все равно не избежать. «Правосудие должно свершиться!»

Суд приказал навечно подсоединить «Малколма Мовиса омикрон бета» к кассовому аппарату в местном супермаркете. Компьютер подал прошение, чтобы его незамедлительно разобрали, а части раскидали по окрестностям. Пршение было отклонено.

Итак.

Вам решать. Свершилось ли правосудие?

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Главный сюжетный трюк в этом рассказе – словообразование, которое персонажи применяют к «дирижаблю» и «сигарилле», а также его результат. В основе лежат реальные раунды балды, в которых Дэн Киз и мой брат Морт использовали эти словоформы друг против друга.⁶ Не буду уточнять, кто какую составил.

Однако выкристаллизовала рассказ попытка дать определение «человечности». Если вы, подобно мне, верите, что мы вскоре (через десять лет? пятьдесят? сто пятьдесят?) встретимся с инопланетными разумными формами жизни и будем вынуждены учиться сосуществовать с ними на различных моральных уровнях (считать ли их эквивалентами собак, кошек и шимпанзе, или муравьев и пчел, или американских индейцев XVI века – или они будут считать таковыми нас?), значит, должны задумываться о необходимых разграничениях, которые нам придется провести во многих сферах.

Поэтому я написал рассказ, а мой агент, Вирджиния Кидд, отправила его в «Плейбой». Элис К. Тернер, тамошний редактор, сказала, что рассказ ей очень нравится и она готова заплатить за него кучу денег, вот только (то же самое сказал предыдущий редактор журнала насчет моего предыдущего рассказа) не мог бы я его немного сократить? Скажем, на четверть?

– На четверть? – переспросил я. – На целую чертову *четверть*? Невозможно! – И, брызжа слюной, перечитал рассказ.

Смея ради я попробовал выполнить ее просьбу. И, к моей досаде, оказалось, что это не только возможно, но и весьма легко. Хуже того, окончательный вариант получился намного более сфокусированным.

Увы. Подобные происшествия побуждают писателя к скромности – однако так дальше продолжаться не может.

Написано в 1994 году, опубликовано в 1994-м

⁶ В оригинале использованы слова *dirigible* (дирижабль) и *limousine* (лимузин). – Прим. пер.

Плоскоглазый монстр

Первые несколько секунд Клайд Мэншип, доцент кафедры сравнительного литературоведения в Университете Келли, героически пытался убедить себя в том, что это всего лишь плохой сон. Он закрыл глаза и менторским тоном, сохраняя легкую высокомерную улыбку на лице, произнес короткий монолог о том, что такие ужасные вещи попросту не могут произойти в реальной жизни. Нет. Это не может быть не чем иным, кроме как сном.

Он уже почти убедил себя, но тут не выдержал и чихнул. Чих был таким громким и влажным, что его уже невозможно было проигнорировать. Во сне так не чихают, да и вряд ли чихают вообще. Тогда он сдался. Ему просто придется открыть глаза и осмотреться еще раз. При этой мысли его шею свело судорогой.

Казалось, совсем недавно он заснул, когда вычитывал статью, написанную им для научного журнала. Заснул на кровати в квартире, предоставленной ему в Каллахан-холле – «милом и недорогом жилом доме для одиноких преподавателей, изъявивших желание проживать на территории Университета». Он проснулся от того, что ощутил легкое неприятное покалывание, охватившее все тело. Казалось, что его взяли за руки и за ноги, растянули в бесконечности, а затем ослабили как гитарную струну. Затем внезапно он был поднят с кровати и вынесен в окно словно легкое колечко дыма. Он направился напрямик в усеянное звездами ночное небо, постепенно растворяясь, пока окончательно не потерял сознание.

И затем очутился на этой огромной плоской поверхности стола под многоярусным потолком, чувствуя влажный воздух в легких, – воздух, которым практически невозможно было дышать. С потолка свисало великое множество экзотических предметов, в которых, без всякого сомнения, угадывалось электронное оборудование. Такого рода оборудование, о котором ребята на физическом факультете могли только мечтать, даже если бы дотация, полученная недавно от правительства на исследования в области военного применения радиации, была бы в миллионы раз больше и если бы профессор Боулз, руководитель лаборатории, настоял бы на том, что каждое устройство должно полностью отличаться от любых, созданных к тому времени аналогов.

Оборудование над ним трещало, булькало и сипело, мерцало, мигало и сверкало. Затем все прекратилось, как будто кто-то, удовлетворенный результатом, выключил рубильник.

Поэтому Клайд Мэншип заставил себя подняться и сесть, чтобы увидеть, кто же это мог быть.

И увидел...

Увидел даже не столько *кто*, сколько *нечто*. И это *нечто* ему совсем не понравилось.

Фактически ни одно из этих *нечто*, замеченных им при беглом осмотре помещения, не казалось хоть сколько-нибудь симпатичным и дружелюбным. Поэтому он быстро закрыл глаза и попытался понять, как его ученый разум может помочь ему выпутаться из сложившейся ситуации.

Однако он чувствовал настоятельную необходимость взглянуть на все это еще разок. Возможно, сейчас все не будет таким ужасным. «Самый темный час, – попытался он убедить себя этой громогласной банальностью, – всегда наступает перед рассветом. – А затем понял, что волей-неволей добавляет. – За исключением солнечных затмений».

Тем не менее, проморгавшись, он снова открыл глаза, как ребенок нехотя открывает рот, чтобы принять вторую ложку касторки.

Да, они были точно такими же, какими он их и запомнил. Довольно-таки жуткие.

Стол не имел какой-либо определенной формы, а по его периметру на расстоянии пары дюймов друг от друга находились толстые, круглые выступы. Опираясь на эти выступы, примерно в шести футах справа от него, болтались двое существ, выглядевших как черные кожа-

ные чемоданы. Однако вместо ручек или ремней они изобиловали множеством черных щупалец, десятки и десятки щупалец, каждое второе или третье из которых заканчивалось влажным бирюзовым глазом, который защищали пара столь объемных ресниц, что не увидишь даже в рекламе лучшей туши для глаз.

По центру каждого чемодана, словно бы в целях придания дополнительного декоративного эффекта, размещалось целое скопление других синих как небо глаз, но уже без ресниц. Эти глаза состояли из множества мелких, сверкающих фасеток, похожих на драгоценные камни. На странном теле не было никаких признаков ушей, носа или рта, однако в изобилии виднелась слизь, плотная сероватая слизь, сочившаяся из черных тел и равномерно капавшая на пол.

Слева, примерно в пятнадцати футах от него, там, где от стола отходил длинный «мысок», виднелось еще одно из этих существ. Оно держало «в руках» пульсирующий сфероид, на поверхности которого периодически появлялись яркие пятна света.

Насколько Мэншип мог определить, все видимые глаза этих троих тварей пристально следили за ним. Он вздрогнул и инстинктивно попытался вжать голову в плечи.

– Хорошо, профессор, – внезапно сказал кто-то. – Что вы можете сказать по этому поводу?

– Я бы сказал, что это самое худшее пробуждение в моей жизни, – с чувством выпалил Мэншип. Он готов был распространяться на эту тему, и описать все в самых красочных деталях, но его остановили две вещи.

Первая – он не понял, кто именно задал вопрос. Он не увидел в этом огромном, донельзя влажном помещении рядом с тремя снабженными щупальцами чемоданами никаких людей, да и вообще живых существ.

И второе, что его остановило, это ответ на вопрос, который был дан кем-то еще, не дослушавшим слова Мэншипа и совершенно их проигнорировавшим.

– Вполне очевидно, – сказал этот кто-то, – что эксперимент закончился весьма удачно. Он обосновал наши расходы и долгие годы тяжелых исследований. Сами убедитесь, Советник Гломг, что односторонняя телепортация – свершившийся факт.

Мэншип определил, что голоса раздавались справа от него. Более широкий из двух чемоданов, по всей видимости «профессор», которому был адресован вопрос, говорил с более узким чемоданом, медленными плавными движениями переводившим свои стебельковые глаза с Мэншипа на собеседника. Но откуда, черт возьми, доносились эти голоса? Откуда-то из их тел? Но ведь не было же никаких признаков речевого аппарата!

«И **ВООБЩЕ**, – внезапно взвизгнул воспаленный разум Мэншипа, – **ПОЧЕМУ ОНИ ГОВОРЯТ ПО-АНГЛИЙСКИ?**

– Я это вижу, – признал Советник Гломг с той прямолинейной честностью, которая только и могла быть свойственна чемодану. – Это действительно свершившийся факт, профессор Лирлд. Но *что именно* это нам дает?

Лирлд приподнял тридцать или сорок щупалец таким образом, что Мэншип заворуженно признал в этом жесте театральное и нетерпеливое пожатие плечами:

– Телепортация живого организма с астрономической единицы 649-301-3 без помощи передающего устройства на планете-источнике.

Советник повернул свои глаза обратно к Мэншипу:

– Вы называете это «живым организмом»? – с сомнением спросил он.

– Ну что вы, Советник, – запротестовал профессор Лирлд. – Давайте обойдемся без этих флефноморфизмов. Существо очевидно обладает сознанием, очевидно подвижно, и после ряда опытов...

– Хорошо. Оно живое. С этим я соглашусь. Но *сознание*? Похоже, что оно вообще не *пмбффирует*, где я стою. И эти ужасные одинокие глаза! Их всего два, и они *такие плоские*! Эта абсолютно сухая кожа без каких-либо признаков слизи. Я признаю, что...

– Вы тоже, знаете ли, вовсе не образец небесной красоты, – Мэншип был до глубины души уязвлен, поэтому не сдержался.

– Я склоняюсь к флефноморфизму при оценке инопланетных форм жизни, – продолжил собеседник, как будто Мэншип ничего не говорил. – Я – флефноб и горжусь этим. В конце концов, профессор Лирлд, я видел самых невозможных существ с ближайших планет, которых привозили сюда мой сын и другие исследователи. Так вот, самые странные из них и даже самые что ни на есть примитивные могли *пмбфф*! Но вот это же *ничтожество*! В нем нет ни малейшего, едва уловимого намека на *апмб*! Это жуткое существо из потустороннего мира, вот что это такое!

– Во все нет, – попытался успокоить его Лирлд. – Это всего лишь научная аномалия. Возможно, в отдаленных уголках галактики, где часто встречаются животные вроде этого, сложились такие условия обитания, где *пмбффирование* не является необходимостью. Тщательное изучение данной особи позволит нам довольно быстро все прояснить. Тем временем, мы доказали, что жизнь существует в других районах нашей галактики, а не только в ее центре со множеством солнц. А когда придет время, и мы начнем проводить исследовательские полеты в те районы, бесстрашные искатели приключений вроде вашего сына отправятся туда, обладая всеми необходимыми знаниями. Они будут понимать, что их ждет.

– Послушайте! – воскликнул Мэншип в отчаянии. – Вы вообще слышите меня или нет?

– Можете здесь все обесточить, Шрин, – сказал профессор Лирлд. – Нужно экономить энергию. Думаю, что мы получили от этого существа все, что нужно. Если подобные ему еще будут материализовываться, то придут сюда с остаточным лучом.

Флефноб слева от Мэншипа начал быстро вращать странный сфероид, который держал в щупальцах. Низкое наполнявшее здание гудение, которое Мэншип не замечал раньше, полностью прекратилось. Шрин внимательно смотрел на пятна света, видневшиеся на его инструменте, и Мэншип внезапно понял, что это показания приборов. Да, именно так – показания приборов.

Хорошо, как я это понял? – спросил он сам себя.

Все очевидно: если они не слышали его, как бы громко он ни кричал, если не демонстрировали никаких признаков понимания того, что он вообще кричит, и если они занимались таким совершенно невообразимым делом, как разговор на его родном языке, значит, они были телепатами. К тому же не имевшими ничего, что напоминало бы уши или рот.

Он внимательно слушал, как Шрин задает вопросы своему руководителю. Похоже было, что он слышит ушами слова, английские слова, которые произносились четким, звучным голосом. Однако было и одно существенное отличие. Отсутствовало некое качество, то самое, что отличает вкус свежего фрукта от искусственного заменителя вкуса. А за словами Шрина слышалось низкое бормотание других слов, неупорядоченных фрагментов предложений, которые иногда становились достаточно слышимыми, чтобы понять то, что опускалось из основной «беседы». Мэншипа озарило: именно так он узнал, что меняющиеся пятна света на поверхности сфероида были показаниями приборов.

Было также очевидно, что, когда они упоминали то, чему в человеческом языке не находилось эквивалента, его сознание автоматически заменяло это понятие ничего не значащими слогами.

Ну, хоть с этим разобрались. Его вытащил из теплой кровати в Каллахан-холле телепатический чемодан, называвшийся чем-то вроде Лирлда и имевший огромное количество глаз и щупалец. Его, одетого в цвета зеленого яблока пижаму, засосало на какую-то планету в неизвестной человечеству системе, расположенной в центре галактики.

Он очутился в мире телепатов, которые не слышали его, но разговоры которых он мог без всякого труда подслушивать, так как его мозг, по всей видимости, был достаточно чувствительной антенной. Они запланировали проведение «тщательного изучения», чему он совершенно не был рад. Более того, очевидно, что они воспринимали его как некое чудовищное лабораторное животное. Наконец, он казался им малозначимым, преимущественно потому что совершенно не владел *пмбффикацией*.

В целом, как решил про себя Клайд Мэншип, пришло время заявить о себе. Надо дать им знать, что он никакая не низшая форма жизни, но один из самых крутых парней в этой галактике. Что он тоже принадлежит к клубу избранных, кто обладает волей и разумом, и что его предки во многих поколениях славились высоким коэффициентом интеллекта как по отцовской, так и по материнской линии.

Но как это сделать?

Смутные воспоминания приключенческих историй, прочитанных в детстве, наводнили его ум. Исследователи высаживаются на странный остров. Аборигены, вооруженные всяческими там копьями, дубинами и булыжниками, выбегают им навстречу из джунглей. Их гортанные крики являются несомненной прелюдией к предстоящей мясорубке. Исследователи, отирая пот со лба и совершенно не понимая язык этих островитян, должны действовать быстро и решительно. Естественно, они переходят... они переходят на универсальный язык жестов. Ну конечно же, универсальный язык жестов!

Все еще сидевший Клайд Мэншип поднял обе руки над головой.

– *Я друг*, – провозгласил он. – Я прийти с миром.

Он не ожидал, что завяжется диалог, но ему казалось, что произнесение этих слов поможет ему психологически, а значит придаст большую искренность его жесту.

– ... И можете также отключить записывающий аппарат, – говорил профессор Лирлд своему ассистенту. – Позже будем записывать все в память двойной фиксации.

Шрин снова покрутил свой сфероид.

– Следует ли отрегулировать влажность, сэр? Сухая кожа существа, похоже, является аргументом в пользу более засушливого климата.

– Вовсе нет. Я практически убежден, что это одна из тех примитивных форм жизни, что способна выживать в различных средах. Образец, похоже, прекрасно себя чувствует в таких условиях. Еще раз повторюсь, Шрин, мы можем быть вполне удовлетворены тем, как идет этот эксперимент.

– Я друг, – воскликнул Мэншип, поднимая и опуская руки. – Я разумное существо! И иметь коэффициент интеллекта 140 по шкале Векслера-Белльвью⁷.

– *Вы* можете быть удовлетворены, – сказал Гломг, когда Лирлд легко оттолкнулся от стола и поплыл в воздухе, как огромный одуванчик, к связкам оборудования под потолком. – А я вот – нет. Мне совершенно не нравится эта затея.

– Я друг и разумное суще... – снова начал Мэншип и снова чихнул. – Что за чертовщина с этой влажностью, – угрюмо пробурчал он.

– Что *это* было? – требовательно спросил Гломг.

– Ничего особенного, Советник, – успокоил его Шрин. – Существо уже так делало. Очевидно, это низшая форма биологической реакции, возникающей лишь периодически, возможно, примитивная форма впитывания *глрк*. Однако даже при наличии очень богатого воображения невозможно представить себе, что это является хоть какими-то зачатками коммуникативных функций.

– Я не думал ни о каких коммуникативных функциях, – раздраженно заметил Гломг. – Я полагал, что это может предвещать дальнейшие агрессивные действия.

⁷ Векслер и Белльвью – американские психологи, разработавшие тест интеллекта и соответствующую шкалу.

Профессор соскользнул обратно к столу, таща за собой моток люминесцентных проводов.

– Вряд ли. Чем такое существо может выражать и проявлять свою агрессивность? Думаю, что вы слишком рано пасуете перед неведомым, Советник Гломг.

Мэншип сложил руки на груди и погрузился в беспомощное молчание. Очевидно, что, кроме телепатического способа, его совершенно невозможно было понять. Но как начать передавать свои мысли телепатически, если ты никогда прежде этого не делал? Что для этого использовать?

Если бы его докторская диссертация касалась какой-нибудь биологической или физиологической темы, подумал он с сожалением, а не *Использование второго аориста в первых трех книгах «Илиады»*. Ну да ладно. Он был далеко от дома. Так что попытка не пытка.

Он закрыл глаза, предварительно убедившись, что профессор Лирлд не намеревался приближаться к нему с очередным устройством, наморщил лоб и наклонился вперед, пытаясь сконцентрироваться.

Проверка, – подумал он со всей возможной тщательностью. – *Тест, тест. Один, два, три, четыре – тест, тест. Вы слышите меня?*

– Мне просто это не нравится, – снова заявил Гломг. – Мне вовсе не нравится то, чем мы здесь занимаемся. Называйте это предчувствием, называйте это чем угодно, но я думаю, что мы пытаемся идти наперекор вечности, а этого делать не следует.

Проверка, – мысленно вопил Мэншип. – *У Мэри был барашек. Тест, тест. Я инопланетное существо, и я пытаюсь вступить с вами в контакт. Пожалуйста, ответьте.*

– Советник, – раздраженно возразил Лирлд, – давайте не будем об этом. Это научный эксперимент.

– С этим я не спорю. Но считаю, что есть тайны в этом мире, которые не дано знать флефнобам. Такие ужасные монстры, вроде этого, без слизи на коже, всего лишь с двумя глазами да к тому же плоскими, не способные или не желающие *пмбфф*, с практически отсутствующими щупальцами... Таких существ не следует беспокоить, пусть живут на своих отвратительных планетах. Есть предел любым научным занятиям, мой образованный друг, во всяком случае должен быть. Нельзя постичь непостижимое.

Вы слышите меня? – умолял Мэншип. – *Инопланетное существо Шрину, Лирлду и Гломгу: это попытка телепатической связи. Кто-нибудь, пожалуйста, ответьте. Кто-нибудь!*

Он подумал немного, а потом добавил:

– *Прием. Конец связи.*

– Я не признаю подобных ограничений, Советник. Мое любопытство столь же необъятно, как наша вселенная.

– Вполне вероятно, – зловеще ответил Гломг, – но есть вещи в *Тиз* и *Тетзбахе*, профессор Лирлд, которые и не снились вам в вашей философии.

– Моя философия, – начал было Лирлд, а потом прервался, чтобы объявить: – Прибыл ваш сын. Почему бы вам не спросить его? Не имея результатов с полдесятка научных исследований, которые такие сановники, как вы, периодически пытаются запретить, он не смог бы проявить весь свой героизм межпланетного исследователя.

Сдавшийся на волю рока, но все еще любопытствующий Мэншип открыл глаза, чтобы взглянуть на очень узкий черный чемодан, окруженный целым ворохом напоминавших спagetти щупалец, который взобрался на стол.

– Что это *такое?* – спросил новоприбывший, выгибая копну своих презрительных глаз на стебельках над головой Мэншипа. – Он выглядит как *аюрд* с плохим *гипплстатиком*.

Он немного подумал, и добавил:

– Быстро прогрессирующим *гипплстатиком*.

– Это существо с астрономической единицы 649-301-3, которое я только что успешно телепортировал на нашу планету, – с гордостью сказал Лирлд. – Обратите внимание, Рабд, без какого-либо передатчика на том конце! Признаюсь, не понимаю, почему это сработало в этот раз, хотя раньше никогда не действовало. Видимо, это повод для дальнейших исследований. Однако же прекрасный образец, Рабд. И, насколько мы можем оценить, в идеальном состоянии. Можете пока его убрать, Шрин.

– Нет, Шрин, не надо этого делать... – Мэншип только начал возражать, когда огромный прямоугольник какого-то гибкого материала упал с потолка и полностью накрыл его. Через мгновение столешница, на которой он сидел, опустилась, а материал был пропущен под ним, собран и закреплен кем-то снизу. Затем, прежде чем он смог взмахнуть рукой, столешница внезапно взмыла вверх, что не только причинило ему боль, но и дезориентировало в пространстве.

Ситуация дошла до того, что его упаковали как подарок ко дню рождения. Время шло, а положение становилось все хуже и хуже, решил он. Что ж, хоть на некоторое время они оставят его в покое. И, похоже, они не намеревались уложить его на лабораторную полку за пыльные склянки с заспиртованными зародышами флефнобов.

Тот факт, что скорее всего он стал первым человеком в истории, установившим контакт с внеземной цивилизацией, не воспринимался как повод для гордости.

С самого начала, как он вспомнил, контакт получился довольно жалким, контакт того типа, когда странно раскрашенный мотылек контактирует с сачком коллекционера, – а вовсе не знаменательная встреча гордых представителей двух разных цивилизаций.

Вторая, и более важная проблема, выкрадывание человека через всю галактику могло привести в восторг астронома, социолога и даже физика, но не доцента сравнительного литературоведения.

Конечно, за всю свою жизнь он много раз предавался самым фантастическим грезам. Однако они были связаны, преимущественно, с присутствием, к примеру, на премьере *Макбета*, где покрытый испариной Шекспир требует от Бербедажа⁸ не кричать, когда произносит: «Завтра, завтра, завтра» в последнем акте. «Дик, ради всего святого, твоя жена только что умерла, ты сейчас потеряешь королевство, лишишься жизни, не голоси как Мег в «Русалке», чтобы принесли еще эля. *Философски*, Дик, именно так нужно это произносить: медленно, печально и философски. И немного озадаченно».

Или он представлял себя одним из слушателей VIII века до нашей эры, перед которым стоял слепой поэт и произносил: «Гнев, богиня, воспой...»

Или желал быть постояльцем в Ясной Поляне, когда Толстой вошел в дом из цветущего сада, с блуждающим взором и тихо сказал: «Только что придумал потрясающий рассказ про вторжение Наполеона в Россию. И подумай только какое название! *Война и мир*. Ничего пафосного, ничего сложного. Просто *Война и мир*. Они все там в обморок упадут в Петербурге, вот увидишь. Конечно, это всего лишь маленький рассказик, но я, наверное, добавлю еще пару событий, чтобы хоть как-то расширить повествование».

Но путешествовать в своей пижаме на Луну или другие планеты Солнечной системы, или – в самый центр галактики? Нет уж, увольте, это точно не было блюдом меню, от одного названия которого у Клайда Мэншипа могли бы потечь слюнки. В этом отношении он не хотел взбираться выше, предположим, высокого балкона Виктора Гюго в Сен-Жермен-де-Пре или островов Греции, где пламенная Сафо любила и, если ее иногда осеняла крылами муза, то пела.

Профессор Боулз, с другой стороны, или другие фанатики с физического факультета, никогда не расстающиеся с логарифмическими линейками, вот те бы отдали все, чтобы ока-

⁸ Английский актер эпохи Возрождения, друг и соратник Шекспира.

заться на его месте! Стать объектом фактического эксперимента, уходящего за все грани воображаемого, за грани любых теорий, принятых на планете Земля, увидеть технологии, гораздо более продвинутые по сравнению с земными... Эти фанатики с радостью бы согласились на это безобразие даже в обмен на вивисекцию, которая, как угрюмо предполагал Мэншип, и завершит это празднество. И не только согласились бы, но и почли за честь отдать свою жизнь за науку. Физический факультет...

Мэншип внезапно вспомнил донельзя странную башню, сплошь утыканную серыми антеннами-диполями, которую физический факультет водрузил на близлежащем поле. Он наблюдал из своего окна в Каллахан-холле, как эта конструкция не по дням, а по часам растет – странное освоение денег, выделенных правительством на исследования в области радиации.

Только вчера вечером, когда конструкция сравнялась по высоте с его окном, он понял, что она выглядит, скорее, как средневековая осадная машина для разрушения стен вокруг городов, нежели чем как современное устройство связи.

Но теперь, когда Лирлд рассказал, что односторонняя телепортация никогда раньше не работала, Мэншип начал догадываться, что эта недостроенная башня, тыкавшая в окно его спальни своими неровными электронными надстройками, была частично виновна в том ночном кошмаре, который он сейчас переживал.

Послужила ли эта башня необходимым дополнительным звеном связи с машиной Лирлда, неким эфирным соединением или заземляющим проводом, или чем-то там еще? Если бы только он немного знал физику! Восемь лет высшего образования оказались недостаточными, чтобы сказать что-то определенное в этих обстоятельствах.

Он стиснул зубы до того, что прикусил язык, поэтому пришлось прекратить умственные процессы, пока боль не прошла, а по щекам не потекли слезы.

Что с того, что он был уверен в том, что башня сыграла важную, пусть и пассивную роль в его перемещении сквозь межзвездное пространство? Что с того, что у него были бы знания о мегавольтах и ампер-часах и много о чем еще, если эти знания никак не могли бы помочь ему в этой совершенно невозможной ситуации?

Нет, он все так же оставался бы безобразным, плоскоглазым, лишенным интеллекта монстром, выбранным случайным образом из самого отдаленного уголка галактики, окруженный существами, для которых его подробные знания различных литературных шедевров астрономической единицы 649-301-3 показались бы (будь они чудесным образом переведены) не чем иным, как шизофреничным салатом из слов.

В своем отчаянии он безнадежно щипнул материал, в который был упакован. На кончиках пальца остались два крошечных фрагмента.

Света было недостаточно, чтобы осмотреть их, но тактильные ощущения не оставляли повода для сомнений. Бумага. Его завернули в огромный кусок материала, очень похожего на бумагу.

Это логично, подумал он, действительно логично в этих странных обстоятельствах. Так как отростки флефнобов, которых он видел, состояли исключительно из тонких щупалец, на концах которых были или глаза, или треугольные окончания, и так как им требовались выступы на лабораторном столе, чтобы закрепляться за них, клетка из бумаги с их точки зрения была вполне пригодной преградой к бегству. Их щупальцам просто не за что было зацепиться, а мускульной силы было, очевидно, недостаточно, чтобы разорвать тонкие листы.

Но именно это он и сделает! Мэншип не считал себя силачом, но думал, что в экстренном случае сможет вырваться из бумажного пакета. Это была успокаивающая мысль, но в тот момент ничуть не более полезная, чем крупица ценного знания о башне, торчавшей рядом с его квартирой.

Если бы можно было хоть как-то донести эту информацию до Лирлда и его группы. Может, тогда они поймут, что текущая версия *лишенного разума ужаса из гиперпространства*,

которой придерживались флефнобы, имеет ряд подкупающих интеллектуальных качеств, и, возможно, они смогли бы придумать способ отправить его обратно домой. Если бы, конечно, захотели.

Вот только он не мог передать им эту информацию. Все, что ему оставалось, по какой-то непонятной причине, особенно удивительной из-за противоположных эволюционных путей развития людей и флефнобов, – это получать информацию. Поэтому бывший доцент Клайд Мэншип тяжело вздохнул, еще больше ссутулил плечи и флегматично подготовился к приему сигналов.

Между делом он аккуратно и любовно расправил на себе пижаму, – не потому что был латентным портным, восторгавшимся текстурой ткани, – а из-за агонизирующей ностальгии. Он вдруг понял, что эта недорогая зеленая одежда донельзя стандартной выкройки – единственная вещь, напоминавшая о его мире. Это был единственный так называемый сувенир, оставшийся от цивилизации, породившей Тамерлана и *терцину*⁹. Вот именно эта пижама, кроме его брэнного тела, – единственная связь с Землей.

– Меня заботит лишь одно, – комментировал сын Гломга, исследователь, и так как его голос звучал громко, было понятно, что бумажный барьер ничуть не влияет на возможность Мэншипа слушать. – Я могу привести сюда этих инопланетных монстров или оставить их в покое в их собственном мире. Если все сводится именно к этому, то, конечно, я предпочту оставить их в покое. Я просто хочу сказать, что не боюсь бросить вызов вечности, в отличие от моего папы, а с другой стороны, я не могу поверить в то, что ваши исследования, профессор Лирлд, приведут к открытию чего-либо по-настоящему важного.

Он помолчал, затем продолжил:

– Надеюсь, что не затронул ваши чувства, сэр, но я действительно так считаю. Я – практичный флефноб, и верю в практичные вещи.

– Как вы можете говорить, что мы не в состоянии открыть ничего важного? – несмотря на извинение Рабда ментальный «голос» профессора, каким его слышал мозг Мэншипа, дрожал от негодования. – Ведь самая грандиозная задача, стоящая перед флефнобской наукой, – это полеты к отдаленным частям галактики, где расстояние между звездами просто громадны по сравнению с относительно плотным расположением звезд в галактическом центре.

Мы можем путешествовать между пятьюдесятью четырьмя планетами нашей системы и недавно добились того, что смогли посетить соседние солнца, но даже полеты в отдаленную часть галактики, населенные подобными образцами, остаются на сегодняшний день лишь мечтами, какими еще два века назад были полеты за пределы атмосферы.

– Верно! – резко прервал его Рабд. – А почему? Потому что у нас нет кораблей, способных на такие перелеты? Это не для вашей *срепетной выпухали*, профессор! Потому что с момента разработки привода *Бульвонна* любой корабль флота флефнобов, любое коммерческое судно вплоть до моего трехтурбинного прогулочного катера, способно долететь до таких отдаленных мест, как астрономическая единица 649-301-3, к примеру, и вернуться обратно, даже не разогревая двигателей. Но мы этого не делаем – и по вполне разумной причине.

Клайд Мэншип слушал или принимал сигналы настолько усердно, что два полушария его мозга, казалось, с силой терлись друг о друга. Он был очень заинтересован в астрономической единице 649-301-3 и во всем, что могло без особого труда или пусть даже с каким бы то ни было трудом долететь до этой единицы, годился и метод транспортировки, далеко превосходящий все земные стандарты.

– А причина, конечно же, довольно практична, – продолжил молодой исследователь. – Умственное истощение. Старое доброе умственное истощение. За двести лет решения любых проблем, связанных с путешествиями в открытом космосе, мы даже не *пмбффили* каким-либо

⁹ Стихотворная форма, в которой написана «Божественная комедия» Данте.

образом *эту* проблему. Все, что нам нужно сделать, это отлететь ничтожные двадцать световых лет от поверхности родной планеты, и тут же наступает ментальное истощение. Самые разумные члены команды начинают вести себя как умственно отсталые дети, и, если не повернуть обратно, они лишаются рассудка, их ментальное истощение поделит такого флэфноба на ноль.

«Все понятно, – восхищенно подумал Мэншип. – Проще простого! Телепатическая раса типа этих флэфнобов... Ну конечно же! Привыкшие с самого рождения постоянно находиться в ментальной ауре своего вида, полностью зависеть от телепатии в общении, так как никогда не было необходимости вырабатывать какой-либо другой метод... Какими одинокими, какими бесконечно одинокими в этом космосе чувствовали они себя, когда их корабли достигали той точки, откуда уже невозможно было поддерживать связь с родным миром!»

А их образование... Мэншип мог только гадать, какой системы образования придерживались существа, столь сильно отличавшиеся от его вида, но, без сомнения, это должен быть высокоуровневый и непрерывный умственный осмос, взаимный умственный осмос. Однако все работало: их система образования, скорее всего, делала ставку на участие индивида в группе. Когда чувство вовлеченности критически истощалось из-за стоящего на его пути барьера или огромного межзвездного расстояния, психологическое разложение флэфноба становилось неминуемым.

Но все это было неважно. Существовали межзвездные корабли! Существовали транспортные средства, которые могли доставить Клайда Мэншипа обратно на Землю, обратно в Университет Келли, к той работе, которую он желал закончить, чтобы, наконец, стать профессором сравнительного литературоведения: *Сравнение стиля и содержания в пятнадцати типичных корпоративных отчетах для миноритарных акционеров в период с 1919 по 1931 гг.*

Впервые внутри него пробудилась надежда. Но мгновение спустя она валялась на спине и массировала подвернутое колено. Предположим, говорил его внутренний голос, предположим исключительно ради дискуссии, что он сможет каким-либо образом выбраться из этого места, что, судя по всему, является маловероятным, а потом найти те космические корабли, о которых упоминал Рабд... Возможно ли, кроме как в диком и воспаленном воображении, представить себе, что он, Клайд Мэншип, у которого все валилось из рук, механические навыки которого заставили бы усмехаться неандертальца и хихикать питекантропа, возможно ли было поверить, сардонически завершал его внутренний голос, что Клайд Мэншип сможет управлять различными устройствами в инопланетном космическом корабле и всякими-разными приспособлениями, которые столь необычные существа как флэфнобы, по всей видимости, установили в свои суда?

Клайд Мэншип угрюмо признал, что вся эта затея казалась практически неосуществимой. Но он потребовал от своего внутреннего голоса убраться ко всем чертям.

Это все знал Рабд. *Рабд* мог доставить его обратно на Землю, если бы, во-первых, Рабд нашел это предприятие выгодным и во-вторых, Рабд смог бы с ним общаться. Ну ладно, что интересует Рабда больше всего? Вполне вероятно, что степень его невосприимчивости к умственному истощению довольно высока.

– Если вы дадите ответ на этот вопрос, профессор, – убеждал ученого Рабд. – Я буду так радоваться, что выгрузу весь свой *глрк*. Именно поэтому мы столько лет торчим здесь, в центре галактики. Это *практическая* проблема. Но когда вы перетаскиваете эту Крм'ом забытую бесформенную протоплазму из ее норы, расположенной за полвселенной отсюда, и спрашиваете меня, что я о ней думаю, то могу лишь сказать, что ваши занятия полностью осушают меня. Для меня в этом эксперименте нет ничего практичного.

Мэншип почувствовал ментальные колебания, свидетельствовавшие о том, что отец Рабда кивает головой:

– Вынужден согласиться с тобой, сын мой. Непрактично и опасно. И думаю, что смогу убедить остальных членов совета взглянуть на все моими глазами. Слишком много уже потрачено на этот проект.

Резонанс их мыслей несколько стих, и Мэншип решил, что они покидают лабораторию.

Он слышал, как Лирлд в отчаянии повторял: «Но... но...» Затем в некотором отдалении Советник Гломг, по всей видимости, отпустил ученого и спросил своего сына:

– А где же маленькая Тект? Я думал, что она будет с тобой.

– Она на посадочной площадке, – ответил Рабд, – контролирует погрузку на корабль всего необходимого. В конце концов, сегодня ночью мы начинаем наш спаривательный полет.

– Прекрасная самочка, – сказал ему Гломг едва слышным голосом. – Ты должен быть очень счастливым флефнобом.

– Знаю, папа, – подтвердил Рабд. – Не думай, что я этого не понимаю. Самое большое число глазных щупалец на этой стороне *Ганзибоккля*, и все мои, все они мои!

– Тект – очень теплая и интеллектуальная самочка флефноба, – с воодушевлением отметил его отец на большом отдалении. – У нее столько превосходных качеств. Я не хотел бы, чтобы ты вел себя так, словно возможность спаривания должна сводиться к числу глазных щупалец у самочки.

– Ах, папа, вовсе нет, – уверил его Рабд, – все совсем не так. Спаривание – очень серьезный и важный для меня вопрос. Я осознаю всю полноту ответственности... значительнейшей ответственности. Да, сэр. Весьма значительной. Но тот факт, что у Тект более ста семидесяти шести обильно покрытых слизью щупальца, каждое из которых заканчивается милым ясным глазом, не причинит ни малейшего вреда нашим отношениям. Совсем напротив, папа, совсем напротив.

– Суеверный старый сумасброд и дерзкий мужлан, – горько прокомментировал профессор Лирлд. – Но с такими разговорами они просто отрежут мне все финансирование, Шрин. Они остановят мою работу. Именно тогда, когда появились первые положительные результаты. Нам нужно подготовить контрмеры!

Однако Мэншип был совершенно не заинтересован в этом так хорошо знакомом академическом отчаянии. Он все пытался дотянуться до гаснущих умственных сигналов Гломга и Рабда. Не сказать, что он был заинтригован советом отца о том, как вести порядочную и счастливую половую жизнь после свадьбы.

То, что изумило его больше всего, явилось побочным умственным продуктом более раннего комментария. Когда Рабд упомянул о погрузке на корабль всех необходимых для полета вещей, другая часть ума флефноба, словно стимулированная ассоциациями, быстро описала конструкцию небольшого судна, то, как его обслуживать и, самое главное, как им управлять.

Несколько секунд он мог видеть панель управления с разноцветными включающимися и выключающимися огнями, а также начало крепко усвоенной, часто повторяемой инструкции: «Чтобы прогреть двигатели привода *Бульвонна*, необходимо сначала повернуть верхние три цилиндра... Осторожнее!»

Мэншип с изумлением понял, что перед его взором предстала подсознательная мысленная картина, вроде той, что не так давно он уловил от Шрина, осознав, что меняющиеся световые пятна на сфере в щупальцах лаборанта были показаниями приборов. Очевидно, что его чувствительность к мозгам флефноба значительно усилилась и вышла за границы простых умственных заявлений, которыми постоянно сознательно обменивались флефнобы, и пусть даже не проникла в их бессознательное, но, во всяком случае, достигала не лежащих на поверхности областей личного восприятия и памяти.

А это означало... означало... Он сидел, но все равно чуть было не утратил равновесие от посетившей его мысли. Немного попрактиковаться, слегка развить полученные навыки, и он, конечно же, сможет проникать в разум любого флефноба на планете.

Он сидел, лучась гордостью от этой догадки. Самолюбие, которого и так практически не наблюдалось, за последние полчаса было с особым зверством растоптано под внимательным присмотром сотни бирюзовых глаз и под гнетом телепатических насмешек. Личность, которая ни разу за всю свою сознательную жизнь не стремилась к власти, вдруг обнаружила, что, с высокой степенью вероятности, может вершить судьбами целой планеты по мановению коры своего головного мозга.

Да, это значительно улучшило его настроение! Любые знания, которыми располагали эти флефнобы, были у него в кармане, только руку протяни. Что, к примеру, стоит ему сейчас заполучить... Да, начнем-ка вот с чего.

И тут Мэншип вспомнил. Огонек его эйфории погас, как спичка, на которую плюнули. Нужно было получить самые важные знания, единственные знания, представлявшие для него интерес: как выбраться домой!

Одно из немногих существ на этой планете, если не единственное, насколько он мог предположить, которое думало, что до дома Мэншипа хоть как-то можно добраться, шло со своим отцом в некий флефнобский аналог забегаловки «Бар и гриль у Тони». Фактически, если судить по оглушительной тишине, Рабд только что вышел из зоны телепатического контакта.

С хриплым, страдальческим, тоскливым криком, словно бык, который обагрил рога чем-то липким и красным, мчится по инерции к дальнему концу арены, разворачивается и видит, как персонал тащит раненого матадора прочь за неприступную перегородку... именно с таким совершенно растерянным ревом Клайд Мэншип разорвал окружавший его материал сильным движением обеих рук и приземлился обеими ногами на изогнутый во все стороны стол.

– ... И семь или восемь полноцветных графиков, показывающих историю телепортации до этого эксперимента, – говорил Лирлд своему помощнику. – Знаете что, Шрин, если у вас будет время, чтобы сделать *трехмерные* графики, Совет будет весьма впечатлен. Это настоящая битва, Шрин, поэтому нам следует использовать все...

Его мысль прервалась, когда стебельки с глазами изогнулись и уставились на Мэншипа. Через мгновение все остальные стебельки не только профессора, но и его помощника повернулись и остановились, продолжая колыхаться, не сводя взгляда со вставшего на ноги человека.

– Святой концентрированный Крм, – послал ум профессора дрожащую мысль. – Плоскоглазый монстр! Он освободился!

– Из цельной бумажной клетки! – в страхе завопил Шрин.

Лирлд принял решение:

– Бластер, – жестко приказал он. – Щупальцните мне бластер, Шрин. Будут нам выделять бюджетные средства или нет, мы не имеем права идти на риск с таким существом. Если он начнет буйствовать в густонаселенном городе...

Флефноб вздрогнул, так что вся черно-чемоданная поверхность заходила ходуном. Он что-то быстро подрегулировал в причудливой завитушке, которую передал ему Шрин. Затем направил ее на Мэншипа.

Выбравшись из бумажного пакета, Мэншип в нерешительности мялся на столе. Не являясь человеком действия в каком бы то ни было смысле, теперь он был озадачен тем, как следует поступать дальше. Он понятия не имел, в какую сторону направились папаша и сынок Гломги, более того, он совершенно не представлял, где в этом помещении располагалась дверь. С сожалением он подумал, что не заметил, через какое отверстие появился Рабд, когда этот молодой флефноб присоединился к здешней веселой компании.

Его внимание привлек ряд зигзагообразных выступов на противоположной стене, но тут он заметил бластер, который Лирлд боязливо и непрофессионально, но все же направил на Мэншипа. Его разум, который считал недавнюю беседу между профессором и помощником чем-то совершенно не относящимся к делу, внезапно проинформировал его, что Мэншип готов стать первой и, возможно, неучтенной жертвой войны миров.

– Эй, – закричал он, забыв о своих скудных коммуникативных возможностях. – Мне просто нужно догнать Рабда. Я не собираюсь буйствовать...

Лирлд что-то сделал с завитушкой, как будто завел часы, а скорее всего просто спустил курок. Одновременно с этим он зажмурил все свои глаза, что само по себе было нелегким делом.

Именно это, как потом понял Клайд Мэншип, – когда нашлось время и место поразмыслить обо всем, – и спасло ему жизнь. Это и длинный прыжок вбок, который он совершил, когда миллионы трескучих красных точек вылетели из бластера и направились в его сторону.

Красные точки на большой скорости пронесли мимо его пижамы и ударились в нижний ярус потолка. Совершенно беззвучно в каменной кладке появилось отверстие окружностью футов в десять. Отверстие было достаточно глубоким – три или четыре фута, так что через него виднелось ночное небо. Тяжелое облако белой пыли оседало вниз, словно только что тщательно выбили ковер.

Уставившись на это, Мэншип почувствовал, как леденеет его сердце. Желудок прилип к брюшной полости и, казалось, пытался взобраться под ребра. Он никогда еще в своей жизни не был так напуган.

– Э-э-эй, – начал было он.

– Мощностъ чуть великовата, профессор, – рассудительно заметил Шрин, облокотившись на стену широко расставленными щупальцами. – Мощностъ чуть великовата и недостаточно *глрнк*. Попробуйте чуть больше *глрнк* и увидите, что все получится.

– Спасибо, – благодарно ответил Лирлд. – Вот так, вы говорите?

Он снова поднял свой инструмент и нацелил его.

– Э-э-эй! – продолжил Мэншип, как и раньше, – и не потому, что почувствовал, что результат подобного обращения даст хоть какую-то пользу, а потому лишь, что не имел на тот момент никаких творческих предпосылок, чтобы сказать что-то еще.

– Э-э-э-эй! – еще раз повторил он, стуча зубами и наблюдая за Лирлдом глазами, которые уже нельзя было назвать такими уж плоскими.

Он поднял трясущуюся руку, пытаясь жестом вразумить противника. Страх распространился в нем, как панический сигнал в обезьяньей стае. Он снова увидел, какие необычные действия совершает флэфноб со спусковым крючком. Его мысли остановились, а каждый мускул тела невыносимо напрягся.

Внезапно Лирлд задрожал. Он заскользил назад вдоль стола. Оружие выпало из его окаменевших щупалец и разбилось на множество круглых пружинок, которые раскатились во все стороны.

– Шрин! – застонал его разум. – Шрин! Монстр... Ты видишь, что излучают его глаза? Он... он...

Его тело с треском лопнуло, и из него потекла бледно-синяя слизь. Щупальца опали как листья на резком осеннем ветру. Глаза, которыми была усеяна поверхность тела, из бирюзовых сделались мутно-коричневыми.

– *Шрин!* – умоляюще послал он свою прощальную мысль. – Помоги мне... плоскоглазый монстр меня... помоги... помоги!

А затем он растворился. Там, где он только что находился, не осталось ничего, кроме черной жижи с синими прожилками, которая фонтанировала, пузырилась и стекала вниз через изогнутый край стола.

Мэншип непонимающе глазел на это, радуясь тому факту, что остался в живых.

Отблеск совершенно безумного, панического страха донесся до него из разума Шрина. Помощник-лаборант отпрыгнул от стены, к которой прислонялся, проскользил по столу, расставив щупальца, на секунду приостановился у выступов вдоль края, чтобы развернуться в

нужном направлении, а затем по огромной дуге отправился к дальней стене здания. Зигзагообразные выступы расширились со вспышкой как от молнии, чтобы пропустить тело флефноба.

Итак, там *действительно* была дверь. Мэншип ощутил некую удовлетворенность из-за такого удачного дедуктивного анализа. Да к тому же не обладая всеми фактами... Умен, *очень* умен.

Затем различные области его мозга навести все, что произошло в последние минуты, и Мэншип задрожал. Он должен уже быть мертвым, его плоть должна быть разорвана на куски или испепелена. Что ж случилось?

Лирлд выстрелил в него и промазал. Как только он приготовился ко второму выстрелу, что-то здорово врезало флефнобу, как ассирийцам, которые некогда волчьей хваткой держали в страхе все окрестные народы. *Что?* У Мэншипа не было никакого оружия. Насколько он знал, в этом мире у него не было никаких союзников. Он осмотрел огромное, многоярусное помещение. Тишина. Ни единого живого существа.

Так что там профессор телепатически провопил, прежде чем превратился в суп? Что-то о глазах Мэншипа? Что-то *излучается* из глаз землянина?

Все еще чрезвычайно озадаченный, Мэншип не мог не сожалеть о смерти Лирлда, несмотря на то что с трудом пережил эти несколько последних минут. Возможно, потому, что они в некотором роде являлись коллегами, флефноб казался единственным существом, к которому Мэншип мог испытывать хоть какую-то симпатию. Сейчас же он чувствовал себя совершенно одиноким, к тому же несколько виноватым.

Различные мысли, мутным потоком пронесившиеся у него в голове, внезапно пропали, и им на смену пришло одно крайне важное наблюдение.

Зигзагообразный дверной проем, через который унесся Шрин, закрывался! И насколько понимал Мэншип, это был единственный выход из здания!

Мэншип спрыгнул с огромного стола – второй отличнейший прыжок за последние десять минут, и все благодаря спортзалу, который он посещал пару часов в неделю в течение целого семестра шесть лет назад. Он добрался до сужающегося проема, готовясь выцарапывать свою свободу через твердую каменную стену, если это будет необходимо.

Он ни в коем случае не собирался оставаться узником этого места, когда прибудет флефнобская полиция, оснащенная тем, что они используют вместо слезоточивого газа и пулеметов. Он также не забыл о том, что нужно догнать Рабда и взять у него два-три урока по вождению инопланетной техники.

К его неописуемой радости отверстие вновь раздвинулось, как только он приблизился к стене. Какое-то фотоэлектронное приспособление, подумал он, или просто повышенная чувствительность к приближающемуся телу?

Он побежал вперед и вскоре оказался на поверхности планеты, окруженный глубоким ночным небом.

От одного этого вида у него перехватило дыхание и открывшийся простор заставил на мгновение забыть о странном городе флефнобов, простиравшемся во все стороны.

На небе было так много звезд! Небесные тела казались сахарной пудрой, которой кто-то щедро сыпал небесный свод. Звезды мерцали так ярко, что сумерки никак не могли смениться полной темнотой. Луны не было, но ее отсутствие ничему не мешало; наоборот, казалось, что полдюжины лун разбились на квадрильоны мелких белых точек.

В этом обилии звезд трудно было узнать хоть одно знакомое созвездие. В этом случае, догадался Мэншип, наверное, следует говорить о третьем по яркости скоплении и пятом по величине секторе. Естественно, здесь, в самом центре галактики, существа не просто видели звезды, они жили среди них!

Он обратил внимание, что его ноги вдруг стали мокрыми, и, посмотрев вниз, увидел, что стоит посреди мелкого потока какой-то красноватой жидкости, которая текла между круглыми

зданиями флефнобов. Канализация? Водопровод? Возможно, ни то, ни другое, возможно, что-то еще, совершенно не вписывающееся ни в какие человеческие представления об инопланетной жизни. Ведь рядом, параллельно текли другие цветные потоки, как заметил Мэншип: зеленые, сиреневые, ярко-розовые. На пересечении улиц в нескольких ярдах от него красноватый поток утекал отдельно в нечто вроде аллеи, тогда как несколько новых цветных проток присоединялись к основному направлению.

Ладно, он попал сюда не для того, чтобы решать вопросы инопланетной социологии. У него уже появились первые признаки простуды. Мало того, что он промочил ноги в этой похожей на влажную губку атмосфере; его пижама приклеилась к телу и глаза время от времени заволакивала влага, так что приходилось вытирать их тыльной стороной ладони.

Более того, хоть он и не был голоден, однако не только не видел с момента своего появления здесь ничего, хоть отдаленно напоминающего пищевые продукты, пригодные для людей, но и не заметил ни малейших признаков того, что у флефнобов были желудки, а уж тем более рты.

Может, они получают питательные вещества через кожу, обмакивая ее, предположим, в потоки различных цветов, которые текут через весь город. Красный, быть может, – это мясо, зеленый – овощи, белый – десерт...

Он стиснул кулаки и попытался сосредоточиться. *У меня нет времени на подобный философский бадминтон*, – упрекнул он себя. – *Через несколько часов мне захочется есть и пить. За мной будут охотиться. Мне лучше двигаться дальше и пытаться найти решение!*

Но куда идти? К счастью, улица, на которой стояла лаборатория Лирлда, была пустынной. Может, флефнобы боятся темноты? Может, они все как один образцовые столпы общества и послушно ложатся спать, как только приходит ночь? Возможно...

Рабд. Ему нужно найти Рабда. Это начало и конец единственного решения всех его проблем, которые возникли, когда он материализовался на лабораторном столе профессора Лирлда.

Рабд.

Он попытался «послушать» чужие мысли. В мозгу понеслись различные обрывки, принадлежавшие находившимся поблизости жителям города.

– Хорошо, дорогая, хорошо. Если не хочешь немного *погадить*, не будем *гадить*. Займемся чем-нибудь другим...

– Этот выскочка Бохрг! Завтра мы его уделаем...

– У тебя есть три *замки* для *аплет*? Мне нужно сделать передачу на большое расстояние...

– Бохрг такой вкатится завтра утром, думая, что все осталось как прежде. И как же он удивится...

– Ты мне нравишься, Нернт, очень сильно нравишься. Поэтому чувствую своим долгом сказать тебе об этом, как другу, понимаешь?

– Нет, дорогой, я не имела в виду, что я не хочу *гадить*. Я думала, что ты не хочешь, поэтому пыталась позаботиться о тебе, как ты всегда просишь. – *Конечно же*, я хочу *гадить*. И пожалуйста, не смотри на меня так...

– Послушай сюда. Я могу слизнуть любого флефноба в этом месте...

– Если честно, Нернт, думаю, что ты единственный, кто до сих пор ничего не знает. Все остальные...

– То есть ты настолько напуган, да? Хорошо. Давай по два за раз. Давай, *ну давай же*...

Но ни намек на Рабда. Мэншип начал осторожно спускаться по брусчатке улиц, хлюпая по местным речушкам.

Он подошел слишком близко к стене одного из темнеющих зданий. Зигзагообразная дверь тут же раскрылась в зевающем приглашении. Он подождал секунду, потом зашел внутрь.

Здесь никого не было. Может, флэфнобы спят в каком-то отдельном здании, вроде общежития? Может, они вообще не спят? Он должен исследовать этот вопрос, когда сможет соединиться с каким-нибудь знающим умом. Информация может оказаться полезной.

Это здание походило на склад и было заставлено стеллажами. Однако стены были совершенно пусты, похоже у флэфнобов имелись какие-то запреты на размещение предметов вдоль стен. Стеллажи поднимались по центру, довольно высоко, и опять же, не имели какой-то конкретной формы.

Мэншип дошел до полок, возвышавшихся на уровне его груди. Дюжины плотных зеленых шаров лежали в фарфоровых чашках. Еда? Возможно. Они выглядели достаточно съедобными, как арбузы.

Он дотянулся до одного шара и взял его. Шар немедленно раскрыл крылья и взлетел под потолок. Все остальные зеленые шары на всех остальных стеллажах также раскрыли по нескольку маленьких крылышек и полетели вверх, словно сферические птицы, которых вдруг согнали с гнезд. Но когда они достигали куполообразного потолка, то, похоже, попросту исчезали.

Мэншип поспешно покинул это место через раскрывшееся отверстие. Похоже, он заставлял срабатывать различные сигнализации, куда бы ни направлялся.

Оказавшись на улице, он вдруг почувствовал нечто необычное. Чувство пузырящегося восхищения повсюду, томного ожидания. Через это всеобщее чувство пробивалось не так уж много отдельных мыслей.

Внезапно раздался беспокойный мощный умственный окрик, который буквально оглушил его.

– Добрый вечер! – сказал голос. – Прослушайте срочный выпуск новостей. Говорит Пукр, сын Кимпа, всем жителям планеты по прямой ментальной связи. Вот последние известия о происшествии с плоскоглазым монстром:

– Сегодня вечером в сорок три *скимы* после *бевблевоты* это существо было материализовано профессором Лирлдом с астрономической единицы 649-301-3 в рамках эксперимента по односторонней телепортации. Советник Гломг присутствовал на эксперименте в качестве наблюдателя, исполняя свои должностные обязанности. Он отметил агрессивное поведение монстра и незамедлительно предупредил Лирлда об опасности, которая грозит всем нам, если оставить монстра в живых.

Лирлд пренебрег предупреждением и позже, когда Советник Гломг ушел вместе со своим сыном, известным межпланетным исследователем и почетным флэфнобом Робдом, чудовище взбесилось. Рассвирепевшая тварь выбралась из цельной бумажной летки, и набросилась на профессора, используя неизвестный тип высокочастотного ментального луча, который, как утверждается, излучался из невероятно плоских глаз чудовища. Этот луч по своим характеристикам напоминает то, что излучается *гренсасом* второго порядка после вылета всех предохранителей. В настоящее время наши лучшие психофизики работают, не покладая рук, пытаясь устранить эту проблему.

Однако профессор Лирлд заплатил жизнью за свою научную любознательность и игнорирование основанных на многолетнем опыте предупреждений Советника Гломга. Несмотря на отчаянные попытки лаборанта-помощника Шрина, который отважно пытался отвлечь монстра в попытке спасти престарелого ученого Лирлд сильно пострадал при атаке и вскоре скончался. После смерти своего руководителя Шрин медленно отступал, непрерывно сражаясь каждым своим щупальцем, и лишь чудом смог вовремя спастись.

Этот инопланетный монстр с невероятными способностями теперь разгуливает по нашему городу! Просьба всем жителям сохранять спокойствие и не паниковать. Будьте уверены, что как только власти поймут, что с ним делать, проблема будет незамедлительно устранена. Помните, прежде всего нужно сохранять спокойствие!

Тем временем Рабд сын Гломга отложил свой спаривательный полет, который должен был начаться сегодня вечером. Как вы все знаете, он спаривается с Тект, дочерью Хилп. Тект – всем известная звезда *ойфнеша* и *блельги* с южного континента. Рабд с группой добровольцев зачищает научные кварталы города, где в последний раз видели монстра, пытаясь уничтожить его с помощью существующего традиционного оружия, прежде чем он начнет размножаться. Следующий выпуск новостей выйдет, как только нам станет известно о дальнейшем развитии событий. На этом у меня все.

Этого более чем достаточно, подумал Мэншип. Не было больше никакой надежды, что он сможет выработать какой-либо метод общения с этими существами и хорошенько поговорит с ними по душам о том, как ему добраться домой. А ведь это решение могло бы удовлетворить всех. Теперь здешним лозунгом будет *Поймать этого Мэншипа!*

И ему это совсем не нравилось.

С другой стороны, ему не нужно было искать Рабда. Если Мэншип не идет к флефнобу, флефноб придет к Мэншипу. Правда, тяжеловооруженный и готовый к убийству...

Он решил, что сейчас лучше всего спрятаться. Он вышел из здания и пошел вдоль стены, пока не открылась очередная дверь. Мэншип зашел внутрь, убедился, что дверь закрылась за ним, потом осмотрелся.

К его облегчению, это место казалось отличным укрытием. По центру стояло множество больших тяжелых объектов, ни один из которых, насколько можно было судить, не казался живым, и каждый из них был, к его радости, непрозрачным. Он протиснулся между двумя такими объектами, которые смотрелись как размещенные на складе столешницы, и страстно пожелал, чтобы поблизости не оказалось каких-либо датчиков флефнобов или механизмов обнаружения, подобных тому, с которым он уже столкнулся.

Чего бы только он сейчас ни отдал, чтобы снова оказаться доцентом в Университете Келли, а не плоскоглазым монстром, не по своей воле шастающим по инопланетному мегаполису в надежде чем-нибудь поживиться!

Он никак не мог выбросить из головы мысль о тех странных способностях, которыми должен был обладать. Что это за ерунда о высокочастотном ментальном луче, исходящем из его глаз? Он не заметил, чтобы что-то там излучалось, а ведь должен был заметить в первую очередь. Однако Лирлд, прежде чем раствориться, обратил внимание на воздействие этого излучения.

Возможно, это какой-то побочный продукт активности человеческого головного мозга, который был ощутим только флефнобами и причинял вред только им?

В конце концов, он же может слышать мысли флефнобов, а они не способны слышать его. Вероятно, единственный способ, которым он мог показать им свои умственные способности, это сильнейший удар мысли, который буквально разрывал их на куски.

Однако очевидно, что он не мог включать и выключать эти способности по собственной воле, ведь он не смог хоть как-то помешать Лирлду, когда тот выстрелил в первый раз.

Внезапно его настигли целые потоки новых, возбужденных мыслей. Они возникали где-то совсем рядом, снаружи.

Пришел Рабд со своим отрядом.

– Вы трое – вниз по улице, – командовал молодой флефноб. – Вы вдвоем и вы вдвоем прикройте переулки. Не тратьте много времени на поиски в зданиях. Я абсолютно уверен, что монстр притаился где-то в темноте, подстерегая новую жертву. Танх, Зогт и Леув, за мной. И не спускайте концы щупалец с курков – эта тварь безумно опасна. Помните, ее нужно уничтожить, прежде чем она начнет размножаться. Только подумайте, какой станет наша планета, если по ней забегет пара сотен этих плоскоглазых чудовищ!

Мэншип с облегчением вздохнул. Если они надеялись найти его на улицах, то значит, у него было немного времени.

Он потянулся разумом за Рабдом. Это было совсем не трудно, просто следовало сконцентрироваться, и уже мысли всех других существ блокировались сами собой. *Следуй за разумом Рабда, следуй за его мыслями. Теперь надо заблокировать разумные мысли Рабда. Вот. Слой подсознания, структуры памяти. Нет, не увлечение самкой флэфноба в прошлом месяце, все ее глазки и мягкие щупальца, чтоб тебя!*

Структуры памяти, более глубокие. – При посадке на планету типа С-12. ... *Нет, не это. Еще раньше. Вот оно!* – После продува переднего реактивного двигателя, аккуратно отожмите...

Мэншип изучил инструкции по эксплуатации в памяти Рабда, останавливаясь время от времени, чтобы прояснить какую-то концепцию, свойственную особой терминологии флэфнобов, а также когда ум инопланетянина посещала сладострастная мысль о Тект и все остальное просто-напросто размышлось.

Он заметил, что все знания, получаемые им таким образом, казались осевшими в его сознании навечно, так что не было необходимости возвращаться и повторять их еще раз. Он заключил, что возможно, эти знания оставляли нестираемый отпечаток в его памяти.

Теперь он знал все. Во всяком случае и насколько хватало его понимания – как управлять кораблем. В последние несколько мгновений он научился управлять кораблем так, как будто умел управлять им уже многие годы, во всяком случае, по памяти Рабда. Впервые за последнее время Мэншип ощутил уверенность в себе.

Но как найти маленький космический корабль на улицах этого до невозможности странного города? Он сжал кулаки, покрывшись потом от этой трудной задачи. После всех испытаний...

Но у него уже был ответ. Он узнает, как добраться до корабля в сознании Рабда. Конечно. Рабд... Старая добрая энциклопедия! Конечно же, он должен помнить, где припарковал свой транспорт.

И он действительно помнил. Используя свои навыки, словно обретенные за годы практики, Клайд Мэншип прошерстил мысли флэфноба, отмечая одни, воспринимая другие... Следуя вниз по потоку цвета индиго миновать пять блоков. Затем повернуть и пойти вверх по впадающему красному... Наконец, он получил полный, навсегда отпечатавшийся в памяти маршрут до трехтурбинного прогулочного катера Рабда, как будто он изучал этот маршрут в аспирантуре последние шесть месяцев.

Довольно неплохо для неповоротливого молодого доцента сравнительного литературоведения, который имел столько же практики в телепатии, сколько в охоте на африканских львов! Но возможно... возможно это был вопрос *сознательного* опыта телепатии; возможно, человеческий разум привык к такому виду регулярной, глубокой, подсознательной телепатии, начиная с самого рождения, и лишь близость к таким существам, как фленобы, позволила выявить подобные скрытые и неведомые возможности.

Это могло объяснить то, как быстро он овладел этим навыком, показавшемся аналогичным столь внезапному и удивительному таланту формировать целые слова и предложения после месяца занятий ничем иным, кроме как составлением ничего не значащих комбинаций букв в определенной алфавитной последовательности.

Если это и может быть интересным, то, во всяком случае, не в его сфере деятельности и не при преодолении сложившихся трудностей. И уж в любом случае не сегодня.

Сейчас ему нужно было во что бы то ни стало незамеченным для толпы линчевателей снаружи выскользнуть из здания и быстро направиться к нужному месту. В конце концов, довольно скоро они смогут собрать ополчение для эффективной борьбы с таким злобным и уничтожающим все на своем пути существом вроде него...

Он выскользнул из своего укрытия и добежал до двери. Зигзагообразная дверь открылась. Он вышел на улицу и запнулся о черный чемодан с щупальцами, который, по всей видимости, намеревался войти.

Флефноб быстро пришел в себя. Не поднимаясь, он направил свое спиралевидное оружие на Мэншипа и начал его взводить. И опять у землянина все окоченело от страха, ведь он знал, на что способна эта штука. Быть убитым сейчас, после всего, что ему удалось пережить...

И опять флефноб зашелся в дрожащем умственном крике:

– Плоскоглазый монстр... Я нашел его... Его глаза... Глаза. Зогт, Рабд, на помощь! *Его глаза...*

От него не осталось ничего, кроме дрыгающегося щупальца и студенистого комка, который вяло колыхался в маленьком углублении рядом со стеной. Не оглядываясь назад, Мэншип побежал.

Поток красных точек пролетел у него над плечом и растворил куполообразную крышу по курсу его движения. Он повернул за угол и побежал быстрее. По утихающим телепатическим выкрикам за своей спиной он с облегчением понял, что ноги позволяют перемещаться гораздо быстрее, чем щупальца.

Он нашел потоки нужных цветов и начал пробираться к кораблю Рабда. Раз или два на его пути попадались флефнобы. Однако они не были вооружены.

От одного лишь его вида эти прохожие обвивали свои тела щупальцами, прижимались к ближайшей стене, издавая жалкие мысли, вроде «*Крм*, спаси меня, *Крм*, спаси меня» и, похоже, теряли сознание.

Он был рад, что на дорогах не было движения, но недоумевал, почему, особенно учитывая тот факт, что это были жилые кварталы города, насколько он понял по умственной карте, позаимствованной у Рабда.

Ответ он получил после еще одного громогласного рева, раздавшегося у него в сознании.

– Это Пукр, сын Кимпа с последним развитием событий вокруг плоскоглазого монстра. Во-первых, Совет просит меня уведомить всех, кто еще не был проинформирован через личную службу *блельги* о том, что в городе введен комендантский час.

Повторяю: в городе введен комендантский час! Ни один гражданин не должен выходить на улицы до дальнейших указаний. Армейские подразделения и космический флот, а также тяжелые *мазельтоверы* в срочном порядке вводятся в город. Не попадайтесь им на пути! Не выходите на улицы!

Плоскоглазый монстр опять совершило убийство. Десять кратких *скимов* назад он убил Леува, сына Йифга в непрекращающемся бою вблизи Колледжа точной *Турка-слеги*. Практически растоптал Рабда, сына Гломга, который отважно бросился наперерез монстру, доблестно пытаясь его задержать. Однако Рабд считает, что серьезно ранил его метким выстрелом из своего бластера. Оружие монстра – высокочастотный луч, исходящий из глаз...

Незадолго до этого сражения плоскоглазый ужас из внешнегалактических пустошей, по всей видимости, забрел в музей, где полностью уничтожил ценную коллекцию зеленых *фермф-наков*. Они были обнаружены в бесполезном окрыленном состоянии. Зачем он это сделал? Бессильная злоба? Некоторые ученые считают, что этот вредоносный акт указывает на наличие разума довольно высокого порядка, поэтому такой разум, если он существует, дополненный фантастическими способностями, которые монстр уже проявил, делают уничтожение этого монстра гораздо более трудной задачей, чем ранее представлялось местным властям.

Одним из таких ученых является профессор Вувб. Он считает, что только надлежащая психо-социологическая оценка монстра и понимание специфических культурных черт среды его обитания позволят выработать адекватные контрмеры и спасти нашу планету. Поэтому в интересах выживания всех флефнобов мы пригласили профессора в студию, чтобы он поде-

лился своими знаниями. Следующим разумом, который вы услышите, будет разум профессора Вувба.

Когда гость начал рассуждать (со зловещей интонацией): «Чтобы понять любые специфические культурные черты в среде его обитания, нам нужно задать вопрос, а что вообще мы понимаем под культурой. Думаем ли мы, к примеру, что культура – это...», – Мэншип уже достиг посадочной площадки.

Он пробрался к ней с того конца, где между огромным межпланетным транспортником, который только снаряжали в путь, и каким-то складом стоял трехтурбинный прогулочный катер Рабда. Мэншип, конечно, не был уверен, что это транспортный корабль и склад, так как уже и без того сильно ошибался, пытаясь определить флефнобовские эквиваленты человеческой деятельности.

Похоже, посадочная площадка никак не охранялась, не была особо хорошо освещена, да и все особи по соседству мельтешили вокруг транспортного.

Он глубоко вдохнул и побежал к сравнительно небольшому имевшему форму сферы кораблю с большими полостями вверху и внизу, напоминавшему огромное металлическое яблоко. Он добрался до него, оббежал вокруг, пока не достиг зигзагообразной линии, указывающей на вход, и протиснулся внутрь.

Насколько он понял, его совершенно никто не видел. Помимо бормотания инструкций по загрузке и складированию, доносившихся с большого корабля, были слышны чуть более громкие мысли профессора Вувба, продолжавшего плести свою замысловатую социофилософскую паутину: «... Итак, мы можем заключить, что, как минимум, в этом отношении плоскоглазый монстр не демонстрирует типичного базового склада личности, который можно охарактеризовать как безграмотный. Однако же, когда мы попытаемся соотнести характеристики предписанной городской культурной структуры...»

Мэншип подождал, пока закроется дверь, затем пошел впотьмах по узкому лестничному пролету в кабину управления судна. Он как мог удобно расположился перед главной приборной панелью и принялся за работу.

Нелегко было нажимать и крутить пальцами приспособления, предназначенные для щупалец, но у него не было выбора. «Чтобы прогреть двигатели привода *Бульвонна*», – с максимальной аккуратностью он повернул три самых верхних цилиндра, совершив полный оборот. Затем, когда на прямоугольной пластине слева от него поочередно зажглись красная и белая полосы, он потянул большой черный набалдашник, торчавший из пола. Снаружи раздался воющий рев реактивных турбин. Он действовал практически на автомате, совершая все движения по мышечной памяти. Словно сам Рабд запускал свой космический корабль.

Через несколько секунд он уже был в глубоком космосе на порядочном отдалении от планеты.

Он переключился в межзвездный режим работы, задал направление движения на астрономическую единицу 649-301-3 и облегченно откинулся на спинку сиденья. Больше ничего не надо было делать, во всяком случае до посадки. Он несколько опасался этого этапа, но до сего момента все шло так гладко, что он уже чувствовал себя межзвездным головорезом.

– Старый ракетный пират Мэншип, – зловеще пробормотал он, ухмыльнувшись.

В соответствии с подсознательными расчетами Рабда, он должен появиться у Земли, если привод *Бульвонна* работает на полную мощность, примерно через десять-двенадцать часов. Конечно, за это время он будет изнывать от голода и жажды, но зато какой фурор он произведет у себя дома! Еще больший, нежели чем тот переполох, который он оставил на чужой планете. Плоскоглазый монстр с высокочастотным ментальным лучом, исходящим из его глаз...

И все же, что это было? Все, что он чувствовал, прежде чем флефноб растворялся у него на глазах, – это животный страх. Он был до смерти напуган, что его сейчас разнесут из бластера

на мелкие кусочки, и, должно быть, во время этого испуга излучал что-то настолько мощное, о чем, очевидно, можно было судить по результатам.

Возможно, аномально высокое выделение адреналина в организме во время стресса было абсолютно вредоносным для структуры тела флэфнобов. Или же это была некая умственная реакция в головном мозге человека, эманации которой и приводили к полному разрушению организма флэфнобов. Как-то так.

Если он был таким чувствительным к их мыслям, они также, так или иначе, должны быть чувствительным к его умственным процессам. И очевидно, когда он дрожал от страха, эта чувствительность и проявлялась такой страшной карой.

Он заложил руки за голову и проверил показания приборов. Все работало исправно. Коричневые круги расширялись и сжимались на *секцельной* панели, что было совершенно нормальным в соответствии с воспоминаниями Рабда; маленькие остроугольные насечки на краю панели управления равномерно двигались, а на визоэкране, а на *визоэкране!*

Мэншип вскочил на ноги. На визоэкране виднелись все корабли армии и космического флота флэфнобов, не говоря уж о тяжелых *мазелтоверах*, которые гнались за ним и стремительно приближались.

Один большой космолет практически нагнал его и уже начал выпускать яркие лучи, которые, как понял Мэншип по воспоминаниям Рабда, были абордажными крючьями.

Что могло вызвать такой переполох – кража реактивного катера? Страх перед тем, что он может узнать все секреты научных достижений флэфнобов? Они должны радоваться, что с такой легкостью избавились от него, особенно до того, как он начал бы размножаться и заполнил их планету сотнями таких же плоскоглазых монстров!

Но постоянные мысленные колебания внутри его собственного корабля, те мысленные колебания, на которые он не обращал раньше внимания, сконцентрировавшись на незнакомых проблемах навигации в глубинном космосе, позволили ему обо всем догадаться.

Он взлетел с кем-то или с чем-то на борту!

Клайд Мэншип поспешил вниз по винтовой лестнице в основную кабину. С каждым шагом мысли становились все четче и четче, и он вдруг понял, еще до того, как открылось отверстие в кабину, давая ему пройти, кого он там встретит.

Тект.

Известная всем и каждому звезда *ойфнеша* и *блельги* с южного континента, невеста Рабда пряталась в дальнем углу; всеми своими щупальцами, включая сто семьдесят шесть ясноглазых и покрытых слизью, она закрывала свое небольшое черное тело так, что те сплетались самыми причудливыми узлами, которые Мэншип когда-либо видел.

– О-о-о! – застонал ее разум. – *Крм! Крм!* Сейчас все закончится! Это ужасная, жестокая тварь! Я умру! Монстр подходит... подходит...

– Послушайте, женщина, вы мне вообще не интересны, – начал было Мэншип, прежде чем вспомнил, что все предыдущие попытки контактировать с флэфнобами заканчивались плачевно, что уж говорить о бьющейся в истерике самке.

Он почувствовал, как затрясся корабль, когда его подцепили абордажные крючья. *Что ж, снова мой выход*, – подумал он. Через мгновение сюда высадится абордажная команда и ему придется превратить их в синеватый суп.

Очевидно, Тект спала на борту корабля, когда он отправился в путь. Она ждала возвращения Рабда, чтобы вместе начать спаривательный полет. Очевидно, она была довольно значимой фигурой, раз уж флэфнобам пришлось бросить в погоню все свои резервы.

Его разум ощутил, как на корабль пробрался кто-то еще. Рабд. Насколько понял Мэншип, инопланетянин явился в одиночку, сжимая в щупальцах свой верный бластер и был настроен решительно – умереть в бою.

Что ж, именно этим все и закончится. Клайд Мэншип был достаточно деликатным человеком и его чувствительная натура противилась тому, чтобы дезинтегрировать жениха, готового отправиться в свой медовый месяц. Но раз уж он никак не мог рассказать о своих миролюбивых намерениях, выбора попросту не оставалось.

– Тект! – Мягко телепатировал Рабд. – С тобой все в порядке?

– Убийство! – заорала Тект. – Помогите, помогите, помогите, помогите...

Ее мысли внезапно исчезли, она упала в обморок.

Зигзагообразное отверстие открылось и Рабд ворвался в кабину. В своем скафандре он выглядел, как несколько длинных воздушных шариков. Рабд бросил взгляд на распростертую на полу Тект, затем повернулся и навел свой завитушечный бластер на Мэншипа.

«Бедный парень, – думал Мэншип. – Бедный, глупый, недалекий идиот, строящий из себя героя. Через секунду от тебя останется лишь комок слизи».

Он ждал развязки.

Он был настолько уверен в себе, что совершенно не боялся.

И глаза его не излучали ничего, кроме снисходительной симпатии.

Поэтому Рабд, не сходя с места, убил из бластера уродливое, мерзкое, ужасное плоскоглазое существо. Поднял свою невесту любящими щупальцами. И отправился домой как герой-триумфатор.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Через два дня после Рождества 1954 года женщина, с которой я жил и на которой хотел жениться, приготовила для меня превосходный ужин с разнообразными острыми приправами. Два часа спустя меня увезли в больницу с кровоточащей язвой. У меня как писателя без трудового договора не было какого-либо медицинского полиса; пришлось полностью опорожнить мой и без того небольшой счет в банке, чтобы ко мне отнеслись чуть лучше, чем к бездомному, взятому с улицы.

Весть быстро разнеслась по сообществу писателей-фантастов Нью-Йорка, однако по какой-то причине всем рассказывали, что я поступил в больницу Сент-Винсента на регулярный осмотр. В результате научные фантасты приходили тем вечером в мою палату со всякими смешными подарками и солеными шуточками, лишь на месте узнавая о моем гораздо более серьезном состоянии. Например, пришли Гарри и Джоан Гаррисон, держа в руках по лилии, и с ужасом узнали, что доктора обсуждают вопрос, следует ли идти на опасное незамедлительное хирургическое вмешательство.

После совещания доктора решили отложить операцию, если за ночь кровотечение не усилится. Затем один за другим люди, толпившиеся вокруг моей кровати, стали расходиться, извиняясь за свое несерьезное появление. Последней, кто ушел, была та женщина, с которой я планировал провести остаток своей жизни. Она наклонилась ко мне, почти прижав к моему уху свой теплый влажный рот.

Сейчас я уже точно знаю: когда писатель вспоминает событие, произошедшее пятьдесят лет назад, нельзя ждать от него дословной передачи каждого эпизода. Поэтому я прошу читателей помнить две важных вещи. Первое – большую часть моей жизни на этой планете меня сопровождало и благословение, и проклятие – я помнил практически все, вплоть до мельчайших деталей. А второе – она так донесла до меня свою мысль, что ее слова глубоко врезались мне в память.

– Дорогой, – сказала она с невероятной теплотой и влажным придыханием в голосе. – Это правда, что у тебя совершенно не осталось денег?

– Еще бы! – ответил я ей. – Мой брат Морт полностью очистил мой банковский счет, чтобы меня приняли сюда. Я не знаю, как оплачивать съемное жилье в следующем месяце. Что уж говорить о счете хирурга, если вдруг они решатся на операцию.

– Так я и думала, – все еще тепло и влажно выдохнула она. – Теперь, любовь моя, внимательно послушай меня. Ты оказался на самом дне – физически, психологически и финансово. Мне здесь больше нечего ловить. Поэтому я ухожу. Прощай, дорогой.

Я наклонил голову и с трудом повернулся, чтобы посмотреть на нее.

– Эй, – сказал я, – ты, наверное, шутишь?

– Ах, не будь таким эгоистом, – сказала она, стоя у двери. – Попытайся взглянуть на все моими глазами. Прощай!

Затем она подняла правую руку и дважды мне помахала, закрыла за собой дверь и ушла.

Я сел в кровати. Я долго и упорно смотрел на закрытую дверь. Затем снял трубку и позвонил Горацию Голду, редактору «Гэлэкси» (*Galaxy*). (Гораций страдал агорафобией и редактировал журнал прямо в своей квартире, располагавшейся в Питер-Купер-Виллидж.)

Гораций уже слышал, что со мной произошло.

– Послушай, – сказал он, – все говорят, что у тебя трудности и совершенно нет денег. Завтра я выпишу чек на пятьсот долларов. Можешь попросить кого-нибудь забрать этот чек около одиннадцати утра. Я только хочу... Я хочу, чтобы ты написал короткую новеллу на десять тысяч слов, которая должна быть очень и очень смешной. Хорошо?

– Спасибо, Гораций, – ответил я. – Так я и сделаю. Если выживу.

– Конечно, – согласился он. – Если выживешь. Но не забудь. Повесть должна быть очень и очень смешной.

Я повесил трубку, проглотил огромную пилюлю и взял в руки планшет с бумагой, который мой брат Мортон и его жена Шила принесли и положили на прикроватный столик. О чем же писать? Я знал, что журнал «Гэлэкси» был любим ценителями фантастики за то, что не публиковал дешевку, как другие издания, обложки которых пестрели пучеглазыми монстрами, а внутри были рассказы об ужасных тварях, сочащихся слизью. Кроме того, мне в то время очень нравились два ранних рассказа Алфреда Ван Вогта¹⁰. «Черный разрушитель» и «Этюд в алых тонах». В моей голове вертелась мысль о легкой незлобной пародии на социологический образ инопланетян, которые присутствовали в обоих рассказах.

Пришла медсестра, измерила температуру, сказала, чтобы я отдыхал, пожелала спокойной ночи и ушла.

Я взял в руки карандаш. Моля Бога, чтобы не началось кровотечение, я начал писать от руки то, что стало затем «Плоскоглазым монстром». «Ну ладно, – думал я, когда писал, – что же именно покажется Горацию очень и очень смешным»?

Написано в 1954 году, опубликовано в 1955-м

¹⁰ Канадский фантаст (1912–2000).

Дезертир

10 ноября 2039 года...

Отчет Верховному командованию Земли № 18-673 за 24 часа на 09.00 понедельника по столичному времени:

«...вследствие чего Пятый Спутник осуществил стратегическое перемещение всех перехватчиков. Операция была проведена с минимальными потерями.

Единственный представляющий интерес инцидент за отчетный период – капитуляция одного солдата противника, который является первым юпитерианцем, захваченным нашими силами живым. Его взяли в плен при защите от вражеского налета Кочабамбы, Боливия. Во время предпринятой врагом безуспешной попытки овладеть жизненно важной металлургической областью четверо юпитерианцев было убито, после чего пятый сложил оружие и взмолился о пощаде. Захваченный нашими силами юпитерианец заявил, что является дезертиром, и попросил препроводить его...»

По дороге в пещеру офицер военной полиции кратко проинформировал Мардена, чего ему ожидать. Но несмотря на это, при первом же взгляде, брошенном на огромный резервуар, в котором плавал пришелец, Марден почувствовал, как на него наваливается былой ужас, и слабо застонал. Существо имело по меньшей мере шестьдесят футов в длину, сорок в ширину и два человеческих роста в высоту. Из чего бы там ни состояла его оболочка, по бокам она серебрилась толстым слоем льда.

Потоки холодного воздуха, пронизывающие сырую вонь метана, шекотали нос и покалывали мочки ушей. «В конце концов, температура тела у этих тварей, – подумал Марден, – где-то в пределах минус двухсот по Фаренгейту!»

Ему уже доводилось испытывать этот леденящий холод...

При воспоминании об этом он резко вздрогнул и наглухо застегнул подбитый мехом комбинезон, который ему выдали у входа.

– Наверное, непросто было доставить сюда эту тварь. – Его поразила небрежность собственного тона, но она же и ободрила его.

– О, этим занимались инженерные войска спецназначения, – откликнулся лейтенант военной полиции – девушка-китаянка. – Все заняло меньше пяти часов с момента их прибытия. – Она надула мягкие коралловые губки, глядя на седеющую голову Мардена. – Самым сложным было найти подходящую камеру поблизости для такого пленника. И эта пещера оказалась идеальным местом.

Марден взглянул на выступ, высившийся у них над головой. Через каждые десять футов стояли группы из трех вооруженных солдат, в любой момент готовых применить ядерные орудия или разрывные ракеты. Молоденькие офицеры с серьезными выражениями лиц переходили от группы к группе, сжимая в потных руках крошечные позвякивающие пистолеты. «Как эти мальчишки легко ко всему приспосабливаются!» – со злостью подумал Марден.

Выступ огибал три стены пещеры, а с четвертой стороны, откуда вошел Марден, стояли пять вкопанных стальных «Цезарей» с нетерпеливо задранными стволами. Складки каменного рифленого потолка были выложены орнаментом из изящных длинных бомб, удерживаемых зажимами, которые должны были одновременно разжаться, как только палец известного полковника нажмет известную зеленую кнопку...

– Стоит нашему другу в резервуаре сделать одно неверное движение, – пробормотал Марден, – и половина Южной Америки взлетит на воздух.

Девушка попробовала было рассмеяться, но тут же одумалась и приняла серьезный вид.

– Простите, майор Марден, но мне это не нравится. Мне не нравится, когда о них говорят «друг». Даже в шутку. Эти плоские черви уничтожили полтора миллиона людей и среди них триста тысяч китайцев!

– А первые пятьдесят человек были моими родственниками и соседями, – раздраженно напомнил ей Марден. – Если, конечно, вы помните то время, когда произошла Марсианская бойня.

Она обиженно сглотнула и уже была готова извиниться, когда Марден с негодующим видом прошествовал мимо нее к выступавшему мостику. Он терпеть не мог людей, не способных к осознанной ненависти, которые нуждались в стимуляции своих чувств при помощи особых символов и прочих дурацких выдумок. Сколько раз он видел пожилых людей в форме войск самообороны, которые при упоминании противника с Юпитера производили ритуальное телодвижение, символизирующее растаптывание червяка!

Он взглянул вниз, где огромное полотно живой материи осуществляло какие-то неведомые функции жизнедеятельности своего организма.

– Хотел бы я посмотреть, как вы поднимете ногу и раздавите это! – заметил он изумленной девушке, оставшейся стоять позади. «Черт бы побрал этих поборников простоты! – подумал он про себя. – Им бы недельку попрыгать на допросах у юпитерианцев, стали бы как шелковые! Глядишь, может, и задумались бы, как безумно сложна эта вселенная!»

Это напомнило ему о цели его присутствия здесь, заставив додуматься, и белый серповидный шрам на его лбу изрезали ниточки морщин, беспощадно свидетельствующие о том, как действительно безумно сложна была эта вселенная...

Он так погрузился в свои размышления, что, прежде чем подняться на наспех сколоченную площадку, вынужден был глубоко вздохнуть и, расслабившись, обтереть вспотевшие руки о комбинезон.

Отделившись от группы военных, навстречу Мардену двинулся его непосредственный начальник полковник Лиу.

– Рад видеть вас, Марден, – поспешно и с облегчением произнес он. – Теперь слушайте меня. Здесь у нас командующий ракетными войсками собственной персоной – вы его знаете. Так что, когда будете беседовать с ним, встаньте по стойке смирно и побольше боевитости, когда будете приветствовать его. Понимаете, что я имею в виду? Покажите ему, что мы в разведке не уступаем... Марден, вы меня слушаете? Это очень важно.

Марден с трудом отвел взгляд от прозрачной корочки льда, покрывавшей резервуар.

– Прошу прощения, сэр, – пробормотал он. – Я... я постараюсь.

– Это переводчик, полковник Лиу? Майор Марден, да? – закричал сверху высокий военный в расшитой бриллиантами форме маршала космических войск. – Ведите его сюда.

Полковник Лиу схватил Мардена за руку и поспешно потащил его за собой. Маршал Биллингслей резко оборвал попытку полковника представить своего подчиненного.

– Майор Игорь Марден, так? Звучит очень по-русски! Вы, случайно, не русский? Я терпеть не могу русских.

Марден заметил, как раздраженно напрягся широкоплечий вице-маршал, стоявший за спиной Биллингслея.

– Нет, сэр, – ответил Марден. – Марден – это хорватская фамилия. У меня в роду были французы, югославы, и, возможно, есть немного арабской крови.

Маршал великодушно кивнул.

– Хорошо! Очень было бы неприятно, если бы вы оказались русским. Терпеть не могу русских, китайцев и португальцев. Впрочем, хуже всех китайцы, на мой взгляд. Готовы приступить к работе с этим юпитерианским дьяволом? – Он повернулся, и все пистолеты в его портупее, живописно качнувшись, блеснули своими сапфировыми рукоятками и издали мело-

дичный звон, что сделало его похожим на гигантского кота, которого мыши увешали колокольчиками.

Следуя за маршалом, Марден со злорадством отмечал, как вытягиваются по струнке военные при их приближении. Губы полковника Лиу сжались в кривую темную полоску; молодая девушка-лейтенант, провожавшая Мардена с вертолетной площадки, яростно сжимала и разжимала кулаки. Маршалу космических войск Рудольфо Биллингслею нравилось пользоваться высоким положением, и он не отказывал себе в удовольствии покапризничать, что, судя по всему, удавалось ему нечасто. «Голова тупая, как у боеголовки, пасть грязная, как выхлопная труба, но может точно рассчитать до последней ссадины, во что обойдется атака», – говорили о нем рядовые офицеры.

«И именно такой человек нужен Земле, той, какой она стала после восемнадцати лет юпитерианской блокады», – подумал Марден. Он лично был многим обязан этому человеку...

– Вы, наверное, не помните меня, сэр, – неуверенно начал Марден, когда они остановились у металлического кресла, подвешенного сверху на тросах. – Но мы уже встречались шестнадцать лет тому назад. На борту вашего корабля «Евфрат»...

– «Евфрат» отнюдь не корабль. Это перехватчик третьего класса. Научитесь разбираться в терминологии, если не хотите опозорить свой мундир майора, мистер! Как следует застегните молнию. Конечно, вы находились в той жалкой толпе гражданских лиц, которых я вытащил из-под носа у юпитерианцев на Марсе. Дайте-ка вспомнить: юный археолог. Кто бы тогда мог подумать, что этот инцидент приведет к настоящей войне не на жизнь, а на смерть? Ха! Вы небось тогда считали, что вас ждет счастливая жизнь? Даже и не подозревали, что проведете остаток дней в мундире, стоя по стойке смирно в ожидании приказа! Эта война сделала настоящих мужчин из многих мокрых медуз, мистер, и вы должны быть благодарны ей за это.

Марден заставил себя кивнуть, ощущая с каким-то оттенком мазохизма, как напряглась его спина, а ногти сжатых пальцев вонзились в ладонь. «Интересно, каков будет приговор трибунала за нанесение удара старшему по чину?» – мелькнуло у него в голове.

– Ну ладно, запрыгивайте! Давайте, давайте, запрыгивайте!

Марден увидел сложенные и протянутые к нему руки – маршал космических войск предлагал его посадить! Биллингслей считал, что лучше него никто ничего сделать не может. Марден с готовностью поставил ногу на сложенные ладони и тут же взлетел вверх. Устроившись в кресле, он автоматически пристегнул страховочный ремень и поправил подголовник.

Внизу маршал застегнул зажимы вокруг его голеней.

– Вас проинструктировали? – крикнул он снизу. – Архнатта виделся с вами?

– Да. То есть да, сэр. Профессор Архнатта летел вместе со мной с Мельбурнской базы. Он обрисовал ситуацию, но, конечно, не вдавался в подробности.

– К черту подробности. Слушайте меня, майор Марден. Перед вами находится единственный юпитерианский червяк, которого нам удалось захватить живьем. Не знаю, сколько времени нам еще удастся продержат его живым – инженеры строят метановый завод в дальнем конце пещеры, чтобы ему было чем дышать, когда у него кончатся собственные запасы, а химики замораживают для него аммиак. Но прежде чем он загнется, я намерен вытряхнуть из него всю полезную информацию. И ваши мозги – единственное оружие, которое имеется в моем распоряжении. Надеюсь, оно не выйдет из строя, хотя, на мой взгляд, вы не лучше какой-нибудь второсортной воздушной эскадры в две тысячи человек, которой я пожертвовал позавчера только для того, чтобы выяснить намерения противника. Так что, мистер, советую слушаться меня и хорошенько задавать ему вопросы. А ответы выкрикивайте погромче и поотчетливее для записывающей аппаратуры. Опускайте его, полковник! Вы что, не слышите меня? Сколько еще, черт возьми, вы будете возиться?!

Тросы натянулись, и кресло заскользило вниз к раскинувшемуся огромному чудовищу. Марден почувствовал, как в животе у него что-то оборвалось, а мысли в голове съезжились,

пытаясь спрятаться. Через несколько секунд ему предстояло – при мысли о том, что ему предстояло, он плотно зажмурился, как в детстве, когда надеешься, что таким образом можно избежать неприятности.

Надо было послушаться своего внутреннего голоса еще там, на Мельбурнской базе, когда Марден только получил приказ и понял, что он означает. Надо было дезертировать. Одна беда: куда можно дезертировать, когда весь мир под ружьем, когда даже у каждого ребенка есть свои военные обязанности? Но что-то надо было сделать. Хоть что-то. Человек не может дважды переживать подобное.

Легко говорить Старой Боеголовке. Вся его жизнь была отдана разрушению; поэтому в такие моменты он реализовывал в себе то, во имя чего учился, работал и тренировался. На память пришла еще одна подробность из биографии маршала Биллингслея. Прелестные крылатые обитатели Венеры – григгодоны, так они назывались, – быстро изучившие человеческие языки и замучившие первых колонистов своей планеты сотнями вопросов. Их высокие пронзительные голоса очень быстро истощили терпение переселенцев, и григгодонов изгнали за пределы поселений, поскольку их непомерная любознательность превращала ночи в сплошной кошмар. Но так как они отказались выполнить приказ, а усиленно работавшие колонисты все больше и больше лишались сна, разрешение проблемы передали в руки военного представителя на Венере. Марден помнил, с каким возмущением был встречен его лаконичный отчет: «На Венере восстановлено спокойствие. Командор Р. Биллингслей», означавший, что первая обнаруженная разумная внеземная цивилизация уничтожена до последнего младенца с помощью инсектицидного распылителя.

Полгода спустя еще одна разумная и куда как более могущественная раса в Солнечной системе заявила о своем существовании внезапной атакой на редкие поселения Марса, и его поверхность усеяли человеческие трупы. Кто вспоминал о каких-то григгодомах, когда командор Рудольфо Биллингслей прорвался в оккупированную врагом столицу Южного Марса и эвакуировал несколько десятков уцелевших людей? А затем Герой Марсианской спасательной экспедиции вернулся назад и спас захваченного юпитерианцами пленника – некоего Игоря Мардена, гордого обладателя первой и, как выяснилось, последней докторской степени в области марсианской археологии.

Нет, для Старой Боеголовки эта жуткая война была больше чем реализацией собственных возможностей, чем апробированием возможностей его профессии – она являлась оправданием его существования. Если бы человечество не столкнулось с авангардом Юпитерианской империи в кольце астероидов, Биллингслею светила бы жалкая карьера полицейского офицера на разных патрульных постах, и его имя всегда бы ассоциировалось с истреблением григгодонов. И стоило бы ему появиться в любом обществе, как какая-нибудь полная дама принималась бы объяснять своему эскорту свистящим шепотом, повергая в смущение всех мужчин в военной форме, что это тот самый Венерианский Варвар. Он был бы Венерианским Варваром вместо Героя Марсианской спасательной экспедиции, Защитника Луны и Отца Спутниковой системы защиты.

Что же касается самого Мардена – ну что ж, доктор Марден вел бы спокойную и плодотворную жизнь ученого, может, не самого талантливого, но: хорошо документированная статья там, неожиданное открытие, представляющее интерес лишь для специалистов, здесь – в общем, уважаемый коллегами и занимающийся любимой работой, он снискал бы себе место в библиографическом указателе и постраничных сносках учебников следующего поколения. Но теперь места его раскопок превратились в руины, и гражданская профессия майора Игоря Мардена обладала такой же ценностью, как умение дрессировать дронтов или лечить мамонтов и мастодонтов. Теперь он был некомпетентным офицером, военная выправка которого забавляла его подчиненных и удручала начальство, во второстепенном подразделении разведки. Ему не нравились задания, которые поручались командованием; порой он даже не понимал их смысла.

Его профессиональные достоинства определялись лишь двумя годами психологического ада, который он пережил в плену у юпитерианцев, да и это признавалось лишь в очень редких ситуациях, например, таких, как эта. Наглое ограниченное поколение, выросшее в атмосфере крупномасштабной межпланетной войны, испытывало к нему лишь сострадание; и закончись война завтра победой, он обнаружил бы, что за восемнадцать лет конфликта ничего не приобрел, кроме неуверенности в себе и некоторого сомнительного опыта.

Позабыв о своих страхах, Марден смотрел на огромную тушу юпитерианца, слегка шевелящуюся под прозрачным покровом жидкости. И этот безмятежный красный студень, время от времени выпускающий голубоватые пузырьки, – это та самая тварь, которая лишила его предназначенной ему судьбы и ввергла в чистилище? И зачем? Для утверждения собственного превосходства, для того чтобы другие виды не смогли угрожать их господству на внешних планетах? Никаких переговоров, обсуждений, соглашений – вместо этого мощный и относительно внезапный штурм, столь же продуманный и победоносный, как нападение муравьеда на муравейник.

Из резервуара в приветственном жесте приподнялось тонкое серебристое щупальце, и кресло, совершающее полет под куполом огромной пещеры, резко остановилось. Марден конвульсивно вжал голову в плечи, словно пытаясь спрятаться, как он неоднократно делал в своей тюремной камере, расположенной в бывшей марсианской публичной библиотеке.

При виде знакомого вопрошающего щупальца спавший в нем восемнадцать лет ужас снова охватил его, вызывая чувство тошноты.

«Будет больно, – надрывалась его душа. – Мозги будут тереться друг о друга, пока с них не слезет шкура, и будет больно, очень больно...»

Щупальце замерло перед его лицом и изогнулось вопросительным знаком. Марден вжался в металлическую спинку кресла.

«Нет! Я ведь не обязан! Ты не можешь заставить меня! Ведь это ты теперь пленник! Ты не можешь заставить меня... не можешь заставить...»

– Марден! – раздался рев Биллингслея в наушниках. – Приступайте! И пошевеливайтесь, парень, пошевеливайтесь!

Совершенно автоматически, даже не отдавая себе отчета в том, что он делает, Марден протянул руку к щупальцу и приложил его кончик к своему старому шраму на лбу.

Его тут же охватило давно позабытое чувство полной гармонии, причастности к более высокому уровню сознания. Волны разнообразных воспоминаний захлестнули его: потоки зеленого огня, низвергающиеся с сотрясавшихся черных скал, затем они почему-то сменились чувством восторженного удивления, испытанного, когда удалось поймать бейсбольный мяч рукавицей, только что подаренной на день рождения, потом возник образ очаровательно серьезной физички, объяснявшей, каким образом некий Альберт Ферми вывел формулу $E = mc^2$, – потом все слилось воедино в каком-то многоликом танце и рассыпалось по спине нежными прикосновениями.

Но каким-то, еще остававшимся автономным, участком мозга Марден изумленно отметил, насколько это не походило на его предшествующий опыт общения с юпитерианцами. На этот раз он не испытывал никакого ужаса от вторжения в его мозг – ничего похожего на омерзительное чувство, когда в твою нервную систему вливается тысяча присосок и сосет, сосет и сосет... На этот раз никто не пытался разъять его визжащие и сопротивляющиеся мысли, и душа его не содрогалась при виде этого кровавого зрелища.

На этот раз никто не пытался расщепить его сознание.

Несомненно, за последнее десятилетие юпитерианцы сильно усовершенствовали свое контактное приспособление. И это единственное щупальце содержало теперь в себе весь самый сложный механизм для телепатической связи между двумя расами.

К тому же теперь допрос вел он. На этот раз юпитерианец беспомощно лежал под прицелами орудий в безжалостном окружении инородной среды. На этот раз юпитерианцу, а не Игорю Мардену придется искать верные ответы на настойчивые вопросы, подбирая соответствующие символы, выражающие их смысл.

А это была огромная разница. Марден расслабился и ухмыльнулся от ощущения собственной власти.

Но дело этим не исчерпывалось. Сейчас он явно имел дело с совершенно иной личностью.

Этот пришелец с планеты, сила притяжения которой мгновенно расплющила бы Мардена, обладал неуловимым обаянием. Что-то в нем говорило не просто о тактичности и робости... но и о какой-то внутренней мягкости и сердечной открытости...

Марден сдался. Да, разница между этим юпитерианцем и тюремщиком на Марсе была столь разительной, словно они принадлежали к разным видам. Сейчас он даже получал удовольствие от соразделения своих мыслительных процессов с подобным существом! И, словно издали, до него донесся ответ юпитерианца – это чувство оказалось взаимным. Марден интуитивно ощутил, что у них есть много общего.

Впрочем, это являлось необходимым условием, если Биллингслей хотел получить нужные ему сведения. На первый взгляд могло показаться, что механизм для соединения мыслей представляет собой идеальное решение проблемы общения между такими разными расами, как земляне и юпитерианцы. На самом же деле, как стало известно Мардену в результате многомесячного прощупывания его сознания на Марсе, телепатическое устройство предоставляло лишь потенциальную возможность общения. Индивидуум мыслит образами и символами, основанными на его жизненном опыте; если же у двух индивидуумов разный жизненный опыт, они пожнут лишь плевелы неразберихи. Только после долгих и мучительных попыток Мардену и его юпитерианскому тюремщику удалось выяснить, что обычный пищеварительный процесс у людей соответствовал комбинации дыхания и напряженных физических усилий для существования, рожденного на Юпитере, а само представление о принятии ванны ассоциировалось у юпитерианцев с такой постыдной и болезненной процедурой, что после того, как они коснулись той темы, юпитерианец не мог видеть Мардена в течение трех недель и впоследствии обращался с ним с такой безразличностью, словно тот был мыслящим куском дерьма.

Взаимоприемлемые символы они нашли лишь перед самым освобождением Мардена. И с тех пор его держали в разведке именно в расчете на подобный случай...

– Марден! – донесся из наушников голос Старой Боеголовки. – Установили контакт?

– Да. Думаю, что да, сэр.

– Хорошо. Похоже на встречу старых однополчан, а? Можно задавать вопросы? Слизняк будет сотрудничать? Отвечайте, Марден! Что вы сидите там с раскрытым ртом?!

– Да, сэр, – поспешно откликнулся Марден. – Все готово.

– Хорошо! Так, прежде всего узнайте его имя, чин и порядковый номер.

Марден покачал головой. О эта ужасающая прямолинейность военного мышления! Неизменный протокол: раз вы спрашиваете у пленного японца имя, чин и порядковый номер, значит, то же самое относится к юпитерианцу! А как быть с тем фактом, что не существовало межпланетного Красного Креста, который мог бы уведомить его семью, что можно присылать продуктовые посылки?..

Марден обратился к необъятной простыне живой материи, колыхавшейся под ним, используя в формулировке вопроса как можно более широкий набор символов. «Интересно, как будет выглядеть ответ?» – подумал он. После изучения мертвых юпитерианцев мнения разделились. Одни ученые считали, что эти существа являются позвоночными и имеют девять отдельных мозговых систем; другие же настаивали, что это обычные нервные центры, характерные для разных видов беспозвоночных, и что на самом деле мыслительные процессы про-

текают на поверхности их тел, покрытой изощренной формы извилинами. Никому еще не удавалось обнаружить что-либо напоминающее рот или глаза, не говоря уже об отростках, способствующих передвижению.

Вскоре Марден ощутил себя на дне бурного моря, состоящего из жидкого аммиака, среди дюжины новорожденных, льнущих к своей бесполой «матери». Кто-то, оторвавшись от стаи, поплыл прочь, и Марден последовал за ним. Оба соединились в назначенном месте кристаллизации и слились в одно существо. Охватившая его вслед за этим гордость с лихвой восполнила все потраченные усилия.

Затем он полз по какой-то причинявшей боль поверхности. Он уже здорово вырос, увеличившись в несколько раз. И Совет Нерожденных спрашивал, каков его выбор. Он выбрал мужской пол и был направлен в новое братство.

Потом наступило спаривание с маленькими безмолвными особями женского пола и очень активными бесполой особями. Ему преподнесли много подарков. Потом он присутствовал в сырой пещере на фестивале, который был прерван сценой битвы с взбунтовавшимися рабами на одном из спутников Сатурна. Затем в глубокой печали в течение нескольких лет он пребывал в подвешенном состоянии. «Ранен? – недоумевал Марден. – Госпитализирован?»

В завершение последовала экскурсия по садку, закончившаяся живописным землетрясением.

Марден медленно впитывал сведения, переводя их на язык человеческой символики.

– Сообщаю, сэр, – наконец с некоторым колебанием произнес он в микрофон. – Они не имеют точного эквивалента, но вы можете называть его Го-Пар Пятнадцатый, служил в гарнизоне на Титане, некоторое время исполнял обязанности адъютанта командующих на Ганимеде. – Марден помедлил, прежде чем продолжить. – Он просил отметить, что его пять раз приглашали для размножения, дважды – публично.

– Какая чушь! – прорычал Биллингслей. – Выясни, почему он не сражался насмерть, как четверо остальных. Если он до сих пор утверждает, что дезертировал, узнай – почему. Лично я полагаю, что эти юпитерианцы слишком хорошие солдаты, чтобы идти на такое. Несмотря на то что они – червяки, никогда не видел, чтобы они переходили на сторону врага.

Марден передал вопрос пленнику...

И снова его увлекли в путешествие по мирам, в которых он не выжил бы и секунды. Он наблюдал за работой странных существ, давным-давно завоеванных и поработанных юпитерианцами. Они вызвали у него такие же чувства, как и григгоны восемнадцать лет тому назад: неужто и этой красоте было суждено погибнуть? И вдруг Марден понял, что это не его протест, но бунт существа, которое само пережило все эти события. Но они уже перенесли в другие районы боевых действий, где довелось служить юпитерианцу.

Полученный им на этот раз ответ заставил Мардена задохнуться от изумления.

– Он говорит, что все пятеро юпитерианцев пытались дезертировать! Они готовились к этому много лет, все они были братьями по крови и по сообществу. Он говорит, что все они... ну, можно сказать – спустились на парашютах, и ни у кого из них не было при себе оружия. Как они и договаривались, каждый по-разному пытался сообщить о своей капитуляции. Лишь Го-Пару Пятнадцатому повезло. И он приветствует вас от лица еще не синтезированных мальков.

– Конкретнее, Марден. Довольно всей этой романтики. Почему они дезертировали?

– Все это очень конкретно, сэр: просто я пытаюсь передать вам не только суть, но и дух. Согласно Го-Пару Пятнадцатому, они дезертировали, потому что все были резко настроены против милитаризма.

– Че-го?!

– Это максимально близкое понятие, и оно полностью соответствует тому, что он говорит. Он говорит, что их цивилизация погрязла в милитаризме. Что влечет за собой ошибочный выбор пола молодыми при достижении взрослого состояния (эту часть я и сам не слыш-

ком хорошо понимаю, сэр), полный разброд в искусстве, которое представляет что-то среднее между картографией и садоводством, а оно, по мнению Го-Пара, чрезвычайно важно для будущего Юпитера. К тому же каждый юпитерианец теперь испытывает страшное чувство вины за то, что сделала их военная администрация с формами жизни на Ганимеде, Титане и Европе, не говоря уже о полуразумных пузырях в коре Сатурна.

– К черту эти дерьмовые пузыри в коре Сатурна! – прорычал Биллингслей.

– Го-Пар считает, что его расе нужно помешать, – спокойно продолжал Марден, с восхищением глядя на раскинувшееся красное желе, чье сознание он перефразировал, – ради ее собственного блага и на благо всех живых форм Солнечной системы. Он считает, что существа, обученные лишь ведению войны, являются, с философской точки зрения, антижизнью. Молодые юпитерианцы уже отчаялись в своей надежде, что эта экспансия может быть остановлена, когда сквозь кольцо астероидов проникло человечество. Беда только в одном: несмотря на то что мы думаем и двигаемся в три раза быстрее их, их женские особи, соответствующие нашим ученым-теоретикам, обладают гораздо более обширными познаниями и заняты более глубоким анализом проблем, что неизбежно будет обеспечивать им превосходство над нами, пока мы окончательно не будем истреблены или поработены. Го-Пар и его братья решили изменить ситуацию после проведения ежегодной координационной сессии юпитерианского военно-воздушного флота. Они решили, что большая скорость нашего метаболизма даст нам возможность овладеть новым оружием, которое юпитерианцы только вводят в производство, что даст нам некоторое преимущество...

В наушниках поднялся невообразимый шум, после чего раздался более или менее отчетливый голос Старой Боеголовки, лишенный даже каких-либо признаков вежливости:

– ... и если ты сейчас же не начнешь подробное выяснение его особенностей, ты, паршивый сын чесоточной суки, я тебя разжалую на двенадцать степеней ниже рядового, я сдеру с тебя твою прыщавую шкуру, как только ты окажешься на этой платформе. Я лично прослежу, чтобы остаток своих отпусков ты провел, вылизывая самые грязные сортиры! А ну-ка берись за дело!

Майор Марден обтер пот, выступивший над верхней губой, я приступил к выяснению особенностей оружия. «Что он себе позволяет? – бессильно возмущалось его сознание. – Я ему не мальчишка, не розовощекий юнец, чтобы выслушивать этот омерзительный солдафонский юмор! Меня овациями приветствовало Всеземное Археологическое Общество, а после доклада поздравлял сам доктор Эммануэль Хоцн».

Но он уже переводил сложные представления, которые Го-Пар Пятнадцатый мучительно пытался выразить в едва уловимых человеческих терминах, и его язык покорно излагал математические и физические концепции в черный микрофон, закрепленный у подбородка.

Язык выполнял полученный приказ и делал свое дело, в то время как душа Мардена корчилась от нанесенного оскорбления. И тогда в соразделенной, так сказать, части своего сознания он услышал недоуменный, сочувствующий и очень корректный вопрос, заданный интеллигентной и тактичной личностью.

Марден замер, не договорив предложения, ужаснувшись тому, что он чуть было не выдал прищельцу. Он попытался взять себя в руки, заполнить сознание приятными воспоминаниями для психологического камуфляжа. Надо же быть таким идиотом, чтобы забыть, что он не один в своем сознании!

Но в голове его снова прозвучал тот же вопрос. «Ты не являешься представителем своего народа? За тобой стоят другие... непохожие на тебя?»

«Да нет же, нет! – отчаянно ответил ему Марден. – Все это результат принципиальных различий между земным и юпитерианским образом мышления...»

– Марден! Может, ты прекратишь хлопать своими близорукими глазами и будешь заниматься делом? Продолжай, болван, нам нужно все высосать из этого червяка!

«Какие принципиальные различия?» – внезапно с яростью спросил себя Марден. Гораздо больше различий у него было с Биллингслеем, чем с этим поэтичным существом, которое, рискуя жизнью, предало собственный народ во имя сохранения жизни. Что у него общего с этим Каином, с этим самодовольным боровом, радующимся тому, что ему удалось свести все нюансы сознательной мысли к грубой и категоричной альтернативе: убей или умри! прокляни или будь проклятым! властвуй или становись рабом! Чудовище, бесстрастно мучившее его на Марсе, скорее нашло бы общий язык со Старой Боеголовкой, чем с Го-Паром Пятнадцатым.

«Значит, так и есть! – отчетливо прозвучала у него в голове мысль юпитерианца. – А теперь, друг мой, мой кровный брат, дай мне знать, какому существу я передал это оружие. Дай мне знать, как поступал он в прошлом с властью и что от него можно ожидать в грядущих циклах рождения. Дай знать мне об этом через твое сознание, память и чувства, ибо мы понимаем друг друга».

И Марден дал ему знать.

«... к ближайшему официальному представителю человеческой расы. В результате предварительного допроса, проведенного военными властями, было выяснено много подробностей о жизни и привычках противника. К несчастью, по прошествии некоторого времени юпитерианец, вероятно, пожалел о своей капитуляции и открыл клапаны гигантского резервуара, являвшегося его космическим скафандром. Это внезапное самоубийство повлекло за собой и гибель переводчика, задохнувшегося в густом метановом облаке. Переводчик майор Игорь Марден посмертно награжден серебряным Лунным Браслетом с двумя реактивными двигателями. Самоубийство юпитерианца в настоящее время изучается нашими военными психологами, пытающимися установить, не является ли это свидетельством нестабильности ментальных процессов, что может оказаться полезным для дальнейшего ведения военных действий в космосе...»

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«Дезертир» должен был стать небольшим памятником моему отцу, Аарону Давиду Классу, который состоял в небольшой Социалистической партии в Англии в 1914 году. Когда все социалистические партии Европы опозорились со своими предшественниками 1914 году обещаниями созвать всеобщую международную забастовку и ни в коем случае не голосовать за военные кредиты в случае объявления войны, мой отец уравнивал свои пять футов два дюйма, опубликовав подписанные манифесты, заявив тем самым, что его совесть не позволит ему поступить иначе, кроме как покинуть партию, если такая бумага пойдет в ход. Он призвал всех рабочих сделать то же самое.

Это был глас вопиющего в пустыне.

Его нашли и заковали в цепи, чтобы предать военному суду. После побега, осуществленного с помощью социалистов, которые тоже были под угрозой – они ведь раньше посещали его лекции, он провел остаток войны на чердаке, в комнатухе без окон, за писанием подрывных пацифистских памфлетов. В конце концов отец бежал в Соединенные Штаты, ступив на землю в качестве пребывающего вне закона беженца, – в статусе, остававшимся неизменным до 1945 года, когда его сын был призван на другую войну.

Написано в 1952 году, опубликовано в 1953-м

Венера и семь полов

КАК ЗАПИСАНО В КНИГЕ СЕМЕРОК:

Когда плух встречается плуха, они обсуждают секс. Проводится собрание, выбирается координатор, и под одобрительные крики и приветствия они обретают статус полноценного супружества. Семь в квадрате равно сорок девять.

Эту выписку, мои дорогие дети, мой скромный переменчивый выводок, я сделал, когда услышал от нзред-нзредда, что первые люди, встретившие нас на Венере, в конце концов вспомнили данное нашим предкам обещание и прислали культурного посла, дабы он провел нас по трудному пути к цивилизации.

Пусть оставшиеся среди нас варвары придерутся к выбору цитаты; пусть назовут ее свидетельством Золотой эры Плухоцарствия; пусть злорадствуют, что она говорит о том, как низко мы пали со времен Старой Доброй Перетасовки, которую принес нам одаренный Хоган Шлестертреп из Голливуда, Калифорния, США, Земля.

Память о Хогане Шлестертрепе будет жить, когда они исчезнут. К несчастью... ну ладно.

Пожалуйста, не забывайте, когда отправитесь в мир, чтобы координировать собственные семьи, что в тот момент я не имел ни малейшего представления о том, какая помощь требовалась землянину. Я думал, что удостоился этой чести благодаря моему интересу к литературным числительным и благодаря тому, что именно моему предку – и вашему, дорогие дети, он был и вашим предком! – именно нзред-фанобрелю пообещали чудесную культурную помощь первые земляне, прилетевшие на Венеру.

Это ткан, ткан из моей семьи, прилетел ко мне с посланием от нзред-нзредда. Тогда я сидел в укрытии – был Сезон Гонимых Ветром Дождей, и гигантские пятнистые змеи поползли на юг за своей ежегодной порцией плухх; только быстроекрылый ткан мог отыскать меня в высоких травах болота, где мы, нзредд, переживаем это время.

Ткан передал мне послание за несколько мгновений. Он мог это сделать, поскольку мы еще не стали цивилизованными и по-прежнему использовали язык наших предков вместо изысканного английского.

– Прошлой ночью огненный корабль приземлился на десятой по высоте горе, – сказал мне ткан. – Внутри был давно обещанный посланец с Земли – Шлестертреппский Хоган.

– Хоган Шлестертреп, – поправил я. – Их имена не похожи на наши; эти цивилизованные существа лежат за пределами нашего убогого понимания. Твои слова можно перевести как «человек из Шлестертрепа».

– Пусть так, – ответил ткан. – Я не какой-то эрудированный нзред, чтобы таиться в болотах и присваивать категории числам. Я ткан, который летает далеко и приносит пользу *цепочке* многих семей. Этот Хоган Шлестертреп вышел из своего корабля и обзавелся жилищем, которое ему приготовили его... как их назвал нзред-нзредд?

– Женщины? – предположил я, вспомнив мою Книгу двоек.

– Нет, не женщины – *роботы*. Странные создания, эти роботы: не входят ни в одну цепочку, насколько я понимаю, а все же размножаются. Когда жилище было готово, нзред-нзредд посетил этого... этого Хогана-Землянина и узнал, что Хоган, который кормится и выводит птенцов в месте под названием Голливуд, Калифорния, США, Земля, был послан к нам на Венеру. Судя по всему, Земное правительство считает Голливуд, Калифорния, США, Земля величайшим источником цивилизующей силы во вселенной. Они цивилизуют посредством неких стереофильмов.

– Они прислали к нам своего лучшего представителя, – пробормотал я, – лучшего из лучших. О, сколь верно сказал мой предок, что ничто не сравнится с их бескорыстным величием! Мы, плухх, такие незначительные создания, мелкие и невежественные, лакомая добыча всех монстров нашей планеты, которые считают нас трансцендентно восхитительной закуской, – и эти возвышенные искатели приключений шлют к нам культурного миссионера из самого Голливуда, Калифорния, США, Земля!

– Научит ли нас Хоган Шлестертреп строить огненные корабли и жилища в горах, где мы будем в безопасности?

– Большему, намного большому. Мы научимся использовать саму почву нашей планеты в качестве топлива; научимся строить корабли, которые пронесут нас сквозь пустоту на планету Земля, чтобы мы могли выразить свою благодарность; вместо жалких двенадцати книг чисел у нас будут тысячи книг, и сами числа будут трудиться на нас в земных делах, таких как электричество и политика. Конечно, поначалу мы будем учиться медленно. Но как насчет твоего послания?

Ткан в качестве эксперимента похлопал крыльями. Это был хороший ткан, с тремя полностью развитыми и четырьмя рудиментарными крыльями – очень высокий потенциал изменчивости.

– Это все. Землянин хочет помощи того из нас, чьи знания велики, а книги полны. Наш представитель выступит в качестве так называемого «технического консультанта» в процессе окультуривания плухх. Маленькое щупальце нзред-нзредда одеревенело от старости и плохо приспособлено для английской речи; поэтому он решил, что ты станешь технически консультировать этого Хогана.

– Я отправлюсь немедленно, – пообещал я. – Что-нибудь еще?

– Ничего важного. Однако нам потребуется новый нзред-нзредд. Когда прежний передавал мне конец своего послания перед жилищем землянина, его заметило и сожрало стадо трицефалопсов. Он был старый и жесткий; не думаю, что им понравилось.

– Нзред не бывает невкусным, – с гордостью сообщил я крылатому плуху. – Среди плухх лишь он обладает щупальцами, и ничто не сравнится с их пряностью. Теперь нзред-нзреддом станет нзред-тинослеп – в последнее время он ослаб и не справляется с координацией.

Захлопав крыльями, ткан стремительно взлетел.

– Берегись трицефалопсов! – крикнул он. – Стадо по-прежнему пасется возле жилища Хогана, а ты – сочный, лакомый кусочек. Семье будет трудно найти еще одного нзреда.

Привлеченный его голосом птицеящер стремительно ринулся вниз. Ткан резко свернул, попытался набрать высоту. Слишком поздно! Длинная шея птицеящера вытянулась, кошмарный клюв распахнулся и...

Птицеящер полетел дальше, довольно побулькивая.

Верно записано в Книге единиц:

Гордость – прежде поглощения.

Как я уже говорил, это был хороший ткан, с высоким потенциалом изменчивости. К счастью, цикл только что замкнулся – он не собирался сделать кладку. А нынешний сезон богат тканн.

Этот разговор занял намного меньше времени, чем его описание. Тогда лишь избранные нзредд знали английский язык, которому первые люди-исследователи научили нашего предка, нзред-фанобреля; прочие же плухх пользовались образным языком наших невежественных праотцев. Да, у этого языка были небольшие преимущества. Во-первых, меньшее число плухх съедали во время беседы, поскольку древний плухский диалект передавал максимум информации за минимальное время. Кроме того, мне не приходилось опускаться до описания плухх в терминах «он», «она» или «оно»; будучи прекрасной речью цивилизованных существ, английский, тем не менее, прискорбно скуден местоимениями.

Я развернул скрытые травой щупальца и приготовился катиться. Мленб, над чьей норой я отдыхал, почувствовал изменение давления, когда мое тело перестало воздействовать на укрывавшую его грязь, и вывинтился на поверхность, подрагивая влажными лапами.

– Возможно ли, – прошептало глупое создание, – что Сезон Гонимых Ветром Дождей подошел к концу, и гигантские пятнистые змеи уползли? Нзред покидает болото?

– Возвращайся назад, – сказал я ему. – Мне дали поручение, которое я должен выполнить. Пятнистые змеи прожорливы как никогда, а теперь на болоте объявились птицеядцы.

– О!

Он развернулся и начал стремительно закапываться в грязь. Я знаю, что некрасиво смеяться над мленбб, однако эти мокрые мелкие существа одновременно столь суетливы и медлительны, что я с трудом удерживаю щупальце прямым в их присутствии.

– Есть новости? – спросил он, на две трети закопавшись в грязь.

– Нашего тканя только что съели, так что держи лапы начеку, вдруг подвернется свободный ткан с хорошей вариативностью. Дело несрочное; новый цикл нашей семьи начнется лишь в конце сезона. Ах да, нзред-нзредда тоже съели, но это тебя не касается, маленький грязный мленб.

– Не касается, но слышал ли ты, что мленб-мленбба тоже больше нет? Прошлой ночью его поймала на поверхности пятнистая змея. Никогда еще не было столь ужасного Сезона Гонимых Ветром Дождей. Гибнут лучшие из всех плухх.

– У мленба каждый сезон «никогда еще не был столь ужасным», – насмешливо произнес я. – Подожди Сезона Ранних Паводков, тогда скажешь, что тебе больше нравится. Ранние паводки унесут немало мленбб, и, быть может, нашей семье придется искать нового.

Он содрогнулся, забрызгав меня грязью, и полностью скрылся под землей.

О, беззаботные времена, счастливое детство нашей расы! Воистину, тогда нас мало что тревожило.

Я подкрепился несколькими травинками и покатился прочь с болота. Вскоре мои крутящиеся щупальца набрали такую скорость, что я мог не опасаться никого, кроме самых крупных гигантских пятнистых змей.

Одна колоссальная рептилия прыгнула на меня, и, казалось, семье шафалон вот-вот потребуется не только новый ткан, но и новый нзред, однако я обладаю спиральным девятнадцатым щупальцем, которое сослужило мне добрую службу. Я энергично развернул его, огромным прыжком воспарил над алчной пастью пятнистой змеи и приземлился на твердую землю.

Это спиральное щупальце – я глубоко сожалею, что никто из вас, милые крошки нзредд, не унаследовал его от меня. Тешу себя лишь тем, что оно проявится у ваших потомков, пусть и в измененной форме; увы, похоже, этот признак не доминантен. Но все вы – по крайней мере, в этот цикл – обладаете в высшей степени подвижным маленьким щупальцем, которое я получил от нзред-фанобреля.

Да, я упомянул ваших потомков. Прошу, не перебивайте меня своими незрелыми мыслями свежевылупившихся. Я рассказываю вам о великих ранних днях, о том, как мы дошли до нынешнего состояния. Вам предстоит искать решение – ведь оно должно быть. Я же слишком стар и готов быть съеденным.

Выбравшись на твердую почву, я, само собой, был вынужден двигаться быстрее – огромные пятнистые змеи здесь были крупнее и обильнее. А также голоднее.

Вновь и вновь мне приходилось использовать скрытую мощь моего спирального щупальца. Несколько раз, когда я взмывал в воздух, на меня кидался птицеядец или рой гридников; снова и снова, устремляясь к земле, я чудом уворачивался от высунутого языка гигантской жабы.

Однако вскоре я добрался до вершины десятой по высоте горы, так и не пережив настоящих приключений. И там впервые лицезрел человеческое жилище.

Это был купол, прозрачный, но расцвеченный телами множества существ, которые ползали по его поверхности, пытаясь добраться до скрытого внутри живого мяса.

Вы знаете, что такое купол? Представьте половину тела только что вылупившегося нзреда, лишённую щупалец и увеличенную в тысячу раз. Представьте ее прозрачной, а не окрашенной в темные оттенки, и представьте, что срезом она лежит на земле, а закругленная половина является макушкой. Само собой, у того купола не было выростов и впадин, которые мы используем для различных органических целей. Он был совсем голый.

Рядом стоял огненный корабль. Я не могу описать вам огненный корабль, могу лишь сказать, что он немного напоминал мленба без лап и немного – безлианного гуура.

Трицефалопсы заметили мое появление и принялись топтать друг друга в попытке добраться до меня. Некоторое время я был весьма занят тем, что уворачивался от трехголовых монстров, и даже испытал слабое недовольство нашим спасителем Хоганом Шлестертрепом, поскольку он так долго не впускал меня в свое жилище. Мне всегда казалось, что из всех бесчисленных способов, которыми плух может расстаться с жизнью, самый неприятный – быть разорванным на три неравных куска и медленно пережеванным трицефалопсом. Однако я всегда был созерцательным эстетом; большинству плухх больше не нравятся гридники.

К счастью, прежде чем поймать меня, стадо набрело на небольшую делянку гуурр, которые укоренились по соседству, и принялось ими лакомиться. Я убедился, что никто из гуурр не принадлежал к нашему семейству, и вновь сосредоточился на том, чтобы привлечь внимание Шлестертрапа.

Наконец секция купола открылась наружу, некая сила дернула меня за щупальца и быстро перенесла по воздуху внутрь. Секция закрылась за моей спиной, и я оказался в небольшом отсеке рядом с внешним миром, возбуждая своим присутствием чудовищ, которые лихорадочно накинудись на прозрачный материал жилища.

Вошел робот – в полном соответствии с описанием нзред-фанобреля – и с помощью маленького трубчатого оружия быстро уничтожил мириады существ и их фрагментов, попавших внутрь вместе с моей скромной персоной.

Потом, о мои разносторонние потомки, потом меня провели к самому Хогану Шлестертрепу!

Как описать сего прославленного наследника далекой расы? Насколько я мог видеть, у него было две пары главных щупалец (зовите их как хотите – лапы, лианы, крылья, плавники, лапы, когти) – соответственно, руки и ноги. Также имелось пятое видимое щупальце, называемое головой, которое венчало тело и было испещрено выступами и вмятинами, выполнявшими сенсорные функции. Все животное, за исключением концов щупалец, было покрыто сине-желтой полосатой субстанцией, которую, как я теперь знаю, не секретизируют, а получают от других людей по сложной цепочке, полностью мне не понятной. Каждое из четырех крупных щупалец разделялось на пять маленьких, вроде когтей блапа; эти маленькие щупальца называют пальцами. Само тело этого Хогана Шлестертрапа было плоским сзади, а спереди красовался симпатичный куполообразный вырост, совсем как у нзреда, готового отложить яйца.

Осознайте, если сможете, что этот человек ничем не отличался от описанных моим предком нзред-фанобрелем более шести поколений назад! Одно из величайших преимуществ цивилизации состоит в том, что потомству не требуется непрерывная изменчивость; эти существа могут сохранять один и тот же облик на протяжении десяти, а то и двенадцати поколений!

Само собой, за преимущества приходится платить. Именно этого не желают понять наши диссиденты...

Когда я вошел, Хоган Шлестертреп восседал на стуле. Стул похож на... думаю, это мы обсудим в другой раз. В ладони (той части руки, откуда растут пальцы) он держал бутылку виски (в форме сроба без плавников). Время от времени он и бутылка виски исполняли то, что нзред-фанобрель назвал актом конъюгации. Я, самолично видевший этот процесс, могу

заверить вас, что описать его невозможно. Не понимаю только, что от этого акта получает бутылка виски.

– Возьмешь стул? – предложил Шлестертреп, отпуская робота ундуляцией пальцев.

Я подкатился к стулу, готовый соблюсти человеческий протокол, но столкнулся с трудностями при водружении, поскольку на стуле не было удобных для хватания выступов. В итоге я занял несколько напряженную позицию, прижав все щупальца к бокам и дну стула.

– Ты похож на пауков, которые являются мне после беспробудной пьянки, – любезно заметил Шлестертреп.

Поскольку наш крохотный ум не в состоянии постичь большинство человеческих мыслей, я тщательно записывал все слова Великого цивилизатора, вне зависимости от того, понимал их сразу или нет. Итак, «пауки»? «Беспробудная пьянка»?

– Ты – Хоган Шлестертреп из Голливуда, Калифорния, США, Земля, явившийся, чтобы вывести нас из темной утробы невежества в светлый садок знания. Я – нзред-шафалон, потомок нзред-фанобреля, который встретил твоих предков, когда они впервые высадились на этой планете. Покойный нзред-нзредд назначил меня твоим техническим консультантом.

Он сидел совершенно неподвижно, маленькое отверстие в его голове – называемое ртом – раскрывалось все шире и шире.

Польщенный и ободренный его явным интересом, я перешел к самой ценной своей информации, о ценности которой тогда даже не подозревал:

– Как записано в Книге семерок: *Когда плух встречается плуха, они обсуждают секс. Проводится собрание, выбирается координатор, и, под одобрительные крики и приветствия, они обретают статус полноценного супружества. Семь в квадрате равно сорок девять.*

Тишина. Хоган Шлестертреп быстро конъюгировал со своей бутылкой.

– Отправлен на пенсию, – через некоторое время пробормотал он. – Великий Хоган Шлестертреп, продюсер и режиссер «Лунной песни любви», «Делений две тысячи сто девятого», «Мы полюбили астероиды» – отправлен на заслуженный отдых в чокнутый мир! Обречен провести остаток дней среди болтливых пауков-математиков и голодных как-их-там.

Он встал и принялся расхаживать – это действие выполняют нижними щупальцами.

– Я дарил им сагу за сагой, величайшие стерео, что когда-либо видел и чувствовал Голливуд, – и лишь потому, что мой ремейк «Марсианской миссии» вышел обычным эпосом, они заявили, что я перегорел. Хватило ли им приличия – этим людишкам, которых я подобрал в канаве и привел к славе, – хватило ли им приличия найти мне работу дистрибьютора в достойном месте вроде Титана или Ганимеда? Нет! Если уж им приспичило сослать меня на Венеру, попытались ли они хоть немного смягчить муки своей совести, отправив меня на Полярный континент, где человек может отыскать пару баров и поговорить с себе подобными? Ха! Они не осмелились – ведь я мог вернуться, если дать мне хоть какой-то шанс. Нет, этот Сонни Галенхупер – который называл себя моим *другом*! – находит мне жалкую работенку в Межпланетной культурной миссии – и меня сбрасывают на исходящий паром Макроконтинент с кучей оборудования, чтобы снимать стерео для животных, которых половина биологов галактики считает невозможными! *Вот это дело!* Но «Шлестертреп продакшнс» еще вернется, больше и лучше, чем прежде!

Таковы были его памятные слова: я в точности передаю их. Быть может, в грядущие времена, когда наша цивилизация достигнет более высокого уровня – при условии, что нынешняя проблема решится, – эти слова будут полностью поняты и оценены поколением еще не родившихся, но намного более интеллектуальных плухх. Именно им я посвящаю эту речь Великого цивилизатора.

– Итак, – сказал он, повернувшись ко мне. – Ты знаешь, что такое стерео?

– Нет, не совсем. Лишь один из нас прежде общался с людьми, и мы мало знаем про их славные деяния. Наша Книга двоек почти не несет полезной информации и преимущественно

посвящена описанию нзред-фанобредем ваших первых шести исследователей, их корабля и роботов. Однако я полагаю, что стерео представляют собой важную составляющую промышленной цивилизации.

Он взмахнул бутылкой.

– Именно. Это основа основ. Возьми вашу литературу, музыку, живопись...

– Прошу меня извинить, – перебил я, – но мы еще не сумели достичь ни одной из этих вещей. Нам грозит так много...

– Это был поток сознания! – взревел он. – Не прерывай нить моих мыслей! Я разогреваюсь! Так на чем я остановился? Ах да, возьми вашу литературу, музыку, живопись – сам знаешь, чего с ними можно добиться. Стерео воплощают в себе все искусство, они в одной колоссальной сжатой упаковке демонстрируют массам всю волнительную историю человеческих амбиций. Они не заменяют искусство двадцать второго века – они и *есть* это искусство. А где ты был бы без искусства?

– Где? – спросил я, потому что, признаюсь, вопрос меня заинтриговал.

– Нигде! Вообще нигде. Ну, в глуши ты, может, и справился бы, но рано или поздно интеллект себя проявит. Ты бы играючи получил «Оскара», а потом продемонстрировал бы журналюгам, что тебя интересует не только прибыльная халтура.

Я сосредоточенно запоминал, решив отложить интерпретацию на потом. Быть может, в этом была моя ошибка, быть может, мне следовало задавать больше вопросов. Но все это казалось таким потрясающим, таким волнительным...

– Стерео далеко ушли от первых звуковых фильмов средневековья, – продолжил он. – Трехмерные изображения, которые затрагивают все пять чувств, даря великолепную панораму восприятия.

Помедлив, Хоган Шлестертреп продолжил с еще большей страстью:

– И разве не говорили, что «Шлестертреп продакшнс» занимает свою особую нишу, обладает своей особой чувственной техникой? Да, сэр! Для стерео нет высшей похвалы, чем сказать, что оно обладает настоящим Шлестертреповым душком. Шлестертрепов аромат – как я трудился, чтобы его добиться! И почти всегда преуспевал. Что ж, говорят, ты есть твоё последнее стерео.

Последовало задумчивое молчание, и я воспользовался им, чтобы нерешительно щелкнуть маленьким щупальцем.

Эмиссар поднял глаза.

– Прости, дружок. Что нам нужно сделать, так это снять стерео о вашей жизни, ваших надеждах и душевных чаяниях. Нечто, что заставит их выпрямиться и настроиться в своей Пеории. Нечто, что подарит вам, ребята, *культуру*.

– Она нам очень нужна. Особенно культура защиты от...

– Замечательно. Беру инициативу на себя. Пойми, сейчас я говорю что взбредет в голову, я никогда не принимаю решения, пока не пересплю с ним, чтобы старое доброе подсознание его пощипало. Теперь, раз ты понял техническую сторону производства стерео, мы можем заняться сюжетом. Всем подавай религию и политику, но если спросишь меня, нет ничего лучше старомодной любовной истории. Что ты можешь мне рассказать о вашей личной жизни?

– Ответить на этот вопрос нелегко, – медленно сказал я. – Обсуждая его с первыми исследователями, мы столкнулись с серьезнейшими сложностями в общении. Судя по всему, они сочли его запутанным.

– А! – Он презрительно махнул рукой. – Этим ученым кроликам повсюду мерещатся проблемы. Возьми бизнесмена – который одновременно художник, в первую очередь – художник, – и он сразу докопается до сути. Спрошу иначе: как вы называете два своих пола?

– В этом и заключается сложность. У нас нет двух полов.

– А, эти бес-что-то-там животные. Надо полагать, с конфликтами здесь не развернешься. Нет, сэр, только не с одним полом.

Я огорчился: он явно неправильно меня понял.

– Я имел в виду, что у нас больше двух полов.

– Больше двух? Хочешь сказать, как у пчел? Рабочие пчелы, трутни и матки? Но на самом деле их два. Рабочие пчелы...

– У нас, плухх, семь полов.

– Семь полов. Что ж, это несколько осложняет дело. Придется строить сюжет на... СЕМЬ ПОЛОВ?! – воскликнул он.

Он рухнул на стул и распластался по нему, уставившись на меня зрительными органами, которые, казалось, подрагивали, будто щупальца.

– Согласно порядку, установленному в Книге семерок, это сроб, мленб, ткан, гуур...

– Погоди, погоди, – скомандовал он. Вновь конъюгировал с бутылкой и велел роботу принести ему новую. Наконец вздохнул и сказал: – Почему, во имя всех возможных вариантов, вам понадобилось именно *семь* полов?

– Ну, раньше мы считали, что всем существам требуется не меньше семи полов. Однако после прибытия ваших исследователей мы изучили вопрос и обнаружили, что это верно даже не для всех животных с нашей планеты. Мой предок, нзред-фанобрель, имел много полезнейших бесед с биологами из экспедиции, и те снабдили его теоретическими знаниями, необходимыми, чтобы объяснить то, что мы раньше видели лишь на практике. Например, биологи решили, что мы эволюционировали в семиполоый вид, чтобы стимулировать разнообразие.

– Разнообразие? Чтобы ваши дети были разными?

– Именно. Дело в том, что на Венере существует лишь одна жизненная форма, которую все прочие прожорливые жизненные формы едят с большим удовольствием, чем друг друга, и это плух. Чтобы полакомиться плухом, они являются с другого континента, со всех островов и морей Венеры, в разное время. Обнаружив плуха, обычно травоядное животное вступит в смертельную схватку с могучим хищником и, проигнорировав труп поверженного противника, займется плухом.

Наш цивилизатор смотрел на меня с неподдельным интересом.

– Почему? Что в вас такого, чего нет больше ни у кого?

– Мы точно не знаем. Возможно, наши тела обладают вкусом, в равной степени возбуждающим все венерианские нёба. Возможно, как в беседе с нзред-фанобрелем предположил один из биологов, наши ткани содержат вещество – витамин, – незаменимый в рационе всех жизненных форм нашей планеты. Но мы – маленькие, беззащитные создания, и вынуждены активно плодиться, чтобы выжить. И значительная часть нашего потомства должна отличаться от родителя, который дожил до стадии репродукции. Таким образом, имея семь родителей, проживших достаточно долго, чтобы размножиться, потомки наследуют лучшие качества, необходимые для выживания, а также в достаточной степени отличаются от каждого родителя, чтобы обеспечить непрерывное и *быстрое* улучшение расы плухх.

Согласное хмыканье.

– Похоже на правду. У однополых организмов – *бесполох*, как выражаются профессора-биологи – почти невозможно добиться отличий в потомстве. У двуполых разнообразие весьма велико. А с семью полами вариациям нет предела. Но неужели вам не удалось получить плуха, который не годится в пищу или, скажем, может дать отпор?

– Нет. Судя по всему, то, что делает нас вкусными, является неотъемлемым компонентом нашей физической структуры. И, согласно земным биологам, наша эволюция всегда была направлена на уклонение – за счет подвижности, защитной окраски или умения спрятаться, а потому не возникло ни одного агрессивного плуха. Мы не могли этого добиться – ведь у нас

не один-два врага. Все, кто не является плухом, едят плухх. За исключением людей – могу я воспользоваться случаем и высказать нашу глубокую благодарность?

– Наши Книги чисел говорят, что время от времени плухх формировали сообщества и пытались вместе противостоять истреблению. Тщетно – они лишь исчезали группами, а не поодиночке. Нам никогда не хватало *времени* отточить рабочую систему защиты, изобрести столь великолепную вещь, как оружие – которым, насколько мы понимаем, обладают люди. Вот почему мы так обрадовались вашему приходу. Наконец...

– Обойдемся без дифирамбов. Я здесь, чтобы выполнить работу, снять стерео, которое станет хотя бы эпосом, если не наберется материала на сагу. Введи меня в курс дела.

– Позволено ли мне сказать, что вне зависимости от того, получится ли эпос или сага, мы все равно будем вам благодарны и будем вечно воспевать ваше величие? Именно так мы вступим на путь к цивилизации, именно так научимся строить неприступные жилища и...

– Конечно, конечно. Погоди, пока я добуду новую бутылку. Итак, что у вас за семь полов и как вы создаете семьи?

Я глубоко задумался. Я прекрасно понимал, какая ответственность лежала на мне в тот момент, как важно было предоставить нашему благодетелю полную, точную информацию, дабы помочь ему в изготовлении стерео – нашем первом шаге на пути к цивилизации.

– Прошу понять, что многое из этого лежит за пределами нашего понимания. Мы вроде бы знаем, что происходит, однако для объяснения используем теории биологов с первого огненного корабля. К сожалению, теорий было несколько, и они были сформулированы в человеческих терминах, которые, по признанию самих биологов, оказались несколько примитивными для описания процесса размножения плухх. Мы пожертвовали целым поколением семейства фанобрель для микроскопических экспериментов, однако смогли выработать лишь общую схему. Наши семь полов...

– Я слышал, что все запутано, – перебил Шлестертреп. – После возвращения из экспедиции биологи оставили пять миль рисунков в Венерианской секции Межпланетной культурной миссии. Видишь ли, сразу после этого были выборы, к власти пришла новая партия и уволила их. Я не собирался рыться в этом научном мусоре, нет, сэр! Один из них – вроде бы Гогарти – дернул за каждую ниточку, до которой смог дотянуться, чтобы лишить меня этой работы и занять мое место. Некоторые люди просто не могут жить без политики. Что до меня, я здесь для того, чтобы снимать стерео – хорошие стерео. А значит, заниматься именно тем, к чему призывает проспект Венерианской секции, – «нести плухх культуру по запросу».

– Спасибо. Мы действительно гадали, почему человек Гогарти – прошу прощения, почему Гогарти не вернулся; он проявил огромный интерес к нашим обычаям и благосостоянию. Но, без сомнения, операция по его увольнению новой партией после выборов была намного более продуктивной в человеческом понимании. Мы еще не доросли до партий, выборов и тому подобных инструментов. Для нас любой человек всемогущ и величествен. Конечно, вы обладаете всеми соответствующими познаниями в человеческой генетике?

– А то. Ты про хромосомы и тому подобную хрень?

Я оживленно захлопал маленьким щупальцем.

– Да, хромосомы и тому подобную хрень. Особенно хрень. Я полагаю, что именно в «хрени» лежит ключ к пониманию наших затруднений. Гогарти никогда о ней не упоминал. Он говорил только о хромосомах и генах.

– Неудивительно, что меня столь усердно натаскивали в биологии! Давай посмотрим. Хромосомы – это собрание генов, которые, в свою очередь, определяют свойства. Когда животное готово размножиться, все его половые – или репродуктивные – клетки делятся на две дочерние клетки, которые называются гаметам. Каждая дочерняя клетка несет половину хромосом родительской клетки, а каждая хромосома в каждой гамете соответствует аналогичной

хромосоме в другой. Этот процесс называют мейозом. Поправь меня, если я в чем-то ошибаюсь.

– Разве человек может ошибаться? – благочестиво спросил я.

Его лицо сморщилось.

– У людей женская половая клетка несет двадцать четыре пары хромосом, одна из которых называется X-хромосомой и определяет пол. Эти пары расходятся по двум женским половым гаметам, в каждую из которых попадает одна X-хромосома. Поскольку в мужской половой клетке – если я правильно помню – есть всего двадцать три одинаковых пар хромосом и дополнительная *неравная* пара, называемая X-Y-хромосома, она делится на две мужских гаметы, каждая из которых содержит двадцать четыре хромосомы, но лишь у двадцати трех из них есть близнец. Двадцать четвертая становится X-хромосомой в одной гамете и Y-хромосомой в другой. Если мужская гамета – или сперматозоид, – несущий X-хромосому, соединяется с женской гаметой – ооцитом, или яйцеклеткой, как ее назвал парень-биолог, – которая тоже несет X-хромосому, получается зигота женского пола. Но если яйцеклетку оплодотворяет гамета с Y-хромосомой, получается зигота *мужского* пола. Они буквально впили в меня эти знания, прежде чем выпустить с Земли. Лекции, уроки во сне – полная программа.

– Именно, – с энтузиазмом согласился я. – В нашем случае...

– Припоминаю еще кое-что. Y считается немного недоразвитой или отсталой хромосомой, она немного ослабляет гамету. Сперматозоид с X-хромосомой – быстрее и лучше, у него больше шансов оплодотворить яйцеклетку. Вот почему женщины выносливее мужчин и живут дольше. Все просто. А как у вас?

От долгого разговора мне стало дурно, атмосфера в куполе – с его низкой влажностью – притупила мои органы чувств. Но нельзя было позволить личной слабости помешать сему историческому событию. Я напряг щупальца и начал.

– После матримониального собрания, устанавливающего цепочку, половые клетки каждого пола стимулируют к мейозу. Половая клетка делится на семь гамет, шесть из которых обладают ресничками, а седьмая выделяется внутрь или наружу плуха, в зависимости от пола.

– Какую цепочку?

– Репродуктивную. Обычный порядок таков: сроб (водная форма), мленб (амфибия), ткан (крылатая форма), гуур (растениеподобная), флин (роющая), блап (древесная). И, конечно, цепочка замыкается: сроб, мленб, ткан, гуур, флин, блап, сроб, мленб, ткан, гуур, флин, блап, сроб...

Хоган Шлестертреп обхватил голову руками и начал медленно раскачиваться взад-вперед.

– Начинается сробами и кончается блапами, – почти неслышно произнес он. – А я...

– Сробб, – застенчиво поправил я. – И блапп. И цепочка необязательно начинается с первых и кончается вторыми. Рождение можно инициировать в любой точке семейной цепи, важно лишь, чтобы она проходила через все полы, таким образом получая необходимые для оплодотворенной зиготы хромосомы.

– Хорошо! Давай вернемся к хромосомам и здравомыслию. Ты только что разделил половую клетку – скажем, сроба – на семь гамет вместо благопристойных двух, как делает любой другой разумный вид.

– Что ж, насколько мы понимаем своими слабыми умами, такова хромосомная диаграмма, выработанная Гогарти и его помощником Вольфстеном после длительного микроскопического исследования. Гогарти предупредил моего предка, нзред-фанобреля, что это лишь приближение. Согласно анализу, половая клетка несет сорок девять хромосом: по семь типов A, B, C, D, E, F, шесть типа G и одну типа H – последнего типа. Тип H определяет пол. В результате мейоза образуется шесть подвижных гамет, каждая из которых несет одинаковую группу из семи хромосом типов A-G, и седьмая, неподвижная гамета, несущая хромосомы A,

B, C, D, E, F и *H*. Эту последнюю гамету Гогарти назвал женской, или *H*-гаметой, поскольку она не покидает тела плуха, пока не образуется полностью оплодотворенная клетка с сорока девятью хромосомами – из семи гамет, и поскольку именно она определяет пол. Разумеется, пол того плуха, в чьем теле она находится.

– Разумеется, – пробормотал Шлестертреп и осуществил долгую, задумчивую конъюгацию с бутылкой.

– Иначе быть не может, поскольку это единственная *H*-хромосома в готовой зиготе. Однако ты и так это знаешь. Обладая человеческим интеллектом, ты наверняка предвосхитил мои объяснения и восстановил весь процесс на основании упомянутых мной скудных фактов.

Влага собралась на макушке головы нашего цивилизатора и потекла по лицу, образуя причудливые узоры.

– Я тебя понял, – признал он, – и, само собой, сразу обо всем догадался. Но не думаешь ли ты, что тебе стоит продолжить, чтобы разложить все по полочкам в собственной голове?

Я поблагодарил его за неизменную человеческую учтивость.

– Итак, если цепочка начинается со сроба, он передаст одну из шести своих подвижных гамет мленбу, у которого гамета сольется с одной из мленбовых клеток *A-G*, образуя то, что Гогарти назвал двойной гаметой, или презиготой. Эта презигота будет нести семь пар хромосом *A-G* и в теле тканя – следующего в цепочке – объединится с подвижной гаметой тканя, сформировав тройную гамету с семью триплетами хромосом *A-G*. Процесс последовательно проходит через оставшиеся полы, всякий раз захватывая по одной семихромосомной гамете, пока не настанет черед блапа, который получает гамету с сорока двумя хромосомами – шестью *A*, шестью *B* и так далее, до шести *G*. На этой стадии шестерная гамета утрачивает реснички и в теле блапа сливается с неподвижной *H*-гаметой, формируя сорокадевятихромосомную зиготу, которая, разумеется, имеет пол блапа. Блап откладывает яйцо, откуда вскоре вылупляется детеныш блапа, которого родитель на протяжении десяти дней охраняет – по мере возможности – и обучает тому, что знает о выживании блапов. По истечении десяти дней недоразвитый блап начинает самостоятельно питаться и избегать опасности. По истечении ста дней он готов вступить в семью и участвовать в размножении.

– Можно назвать началом цепи любую точку, однако она всегда движется в одном направлении. Так, флин передает исходную семихромосомную гамету блапу своей цепочки, в котором она становится двойной гаметой; блап передает двойную гамету сробу, в котором она становится тройной; в данном случае процесс завершится на лианах гуура, дав гууровую зиготу. Гогарти был очень умным, даже для человека. Кстати, он предположил, что на самом деле мы – не семиполоый вид, а семь различных видов, живущих в репродуктивном симбиозе.

– Да Гогарти был чертовым гением! Эй, погоди-ка! Сроб, мленб, ткан, гуур, флин, блап – всего шесть!

Наконец мы добрались до самого интересного.

– Именно так. Я – представитель седьмого пола, нзред.

– Нзред, говоришь? И что делаешь *ты*?

– Я координирую.

В ответ на его вопль поспешно вошел один из роботов. Хоган Шлестертреп приказал принести ящик бутылок виски и поставить рядом со стулом. А также приказал роботу встать рядом на случай непредвиденной ситуации.

Все это было очень приятно. Моя информация произвела еще больший эффект, чем описывал мой предок, нзред-фанобрель. Нам, плухх, нечасто выпадает возможность вот так сидеть с животным другого вида и производить впечатление своим интеллектом, а не вкусовыми качествами.

– Он *координирует*! Может, им пригодится хороший экспедитор или диспетчер?

– Я выполняю все эти функции. Однако в основном я координирую. Дело в том, что мленб в первую очередь занят тем, чтобы добиться расположения подходящего сроба и отыскать ткана, которого *он сам* сможет полюбить. Ткан лишь ухаживает за мленбом, его самого привлекает хороший гуур. Я отвечаю за то, чтобы собрать этих индивидуумов в полную цепочку – цепочку совместимости, где замыкается круг полной приязни, цепочку, которая даст наиболее разнообразное потомство. После матримониального собрания, когда цепь сформирована, каждый пол начинает выделять исходную половую клетку с полным набором из сорока девяти хромосом. Хлопотное время для нзредд! Я должен убедиться, что все половые клетки развиваются с одной скоростью – в ходе цикла каждый пол пытается оплодотворить семь *Н*-гамет, – и уничтожение индивидуума в середине цикла означает полное разрушение семейства, если не считать гамет, которые он уже передал во множественном состоянии. Иногда возможна замена съеденной особи другой того же пола, лишившейся своих членов семьи, при участии старшины пола.

– Тебе приходится вертеться, как я погляжу, – заметил Хоган Шлестертреп. – Но как рождается нзред, если тебя нет в чертовой цепочке?

– Нзред стоит вне цепи – и в то же время принадлежит к ней. Шесть полов, передающих гаметы друг другу напрямую, формируют цепочку; цепочка плюс нзред равняется семье. Выполняя собственную репродуктивную функцию, нзред может войти в цепочку на любой стадии, когда того требуют обстоятельства. Он может получить шестерную супергамету от ткана и передать исходную одинарную гамету гууру; он может оказаться между флином и блапом, между блапом и сробом, в зависимости от ситуации. Например, в Сезон Двенадцати Ураганов ткан не может летать и реализовывать свои репродуктивные отношения с гууром там, где тот укоренился; нзред заполняет данный пробел в цепи. Это весьма сложно объяснить на незнакомом языке – биологи из первой экспедиции сочли этот процесс чуть более сложным, чем митоз оплодотворенной плуховой яйцеклетки, но...

– Хватит, – скомандовал Хоган. – Оставшаяся унция рассудка может пригодиться мне для того, чтобы вышибить себе мозги. Меня больше не интересует, какую партию в этом безумном репродуктивном танце отплясывает нзред, и я *определенно* не желаю слышать о твоём митозе. У меня есть свои проблемы, и с каждой секундой они все неприятней. Скажи мне вот что: сколько потомков каждого пола дает один цикл?

– Это зависит от выживания всех родителей, от количества яиц, которые в некоторых случаях не проклевываются по причине избыточной вариабельности...

– *Ладно!* В конце безупречного цикла, когда дым развеется, – сколько у тебя будет детенышей-плухов?

– Плухх. Сорок девять детенышей.

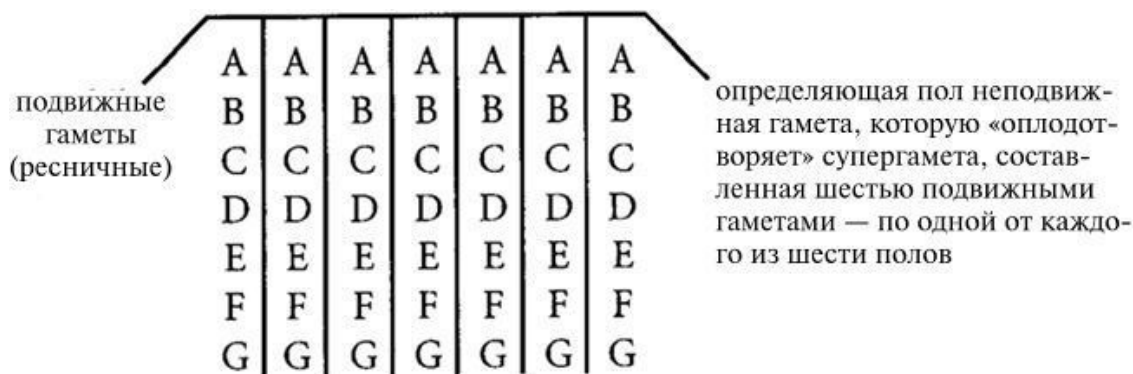
Он откинул голову на спинку стула.

– Не так уж много, с учетом того, как стремительно вы покидаете этот мир.

– Это правда. Горькая правда. Однако в условиях, в которых мы живем, родитель не может отложить больше семи яиц – и никак не может вырастить больше семи детенышей так, чтобы все в полной мере усвоили его знания о выживании. Все к лучшему.

– Надо полагать. – Он извлек из одежды заостренный инструмент и взял лист белого материала. Через некоторое время я узнал его действия по описанию нзред-фанобреля. – Еще секунда, – сказал он, продолжая писать, – и я отведу тебя в проекционную, где ты увидишь недавнее стерео с человеческими актерами. Не слишком хорошее стерео – грандиозное в совсем узком смысле, – но оно даст тебе представление о том, что я буду делать для твоего народа по части культуры. Пока будешь смотреть, подумай, как помочь мне с сюжетом. Похоже на хромосомную диаграмму после мейоза родительской половой клетки, которую составил Гогарти?

Он сунул лист под мои сенсорные щупальца.

подвижные гаметы (ресничные)

– Весьма похоже, – ответил я, дивясь превосходству этих письменных символов над теми, что нам приходилось выцарапывать на песке или грязи.

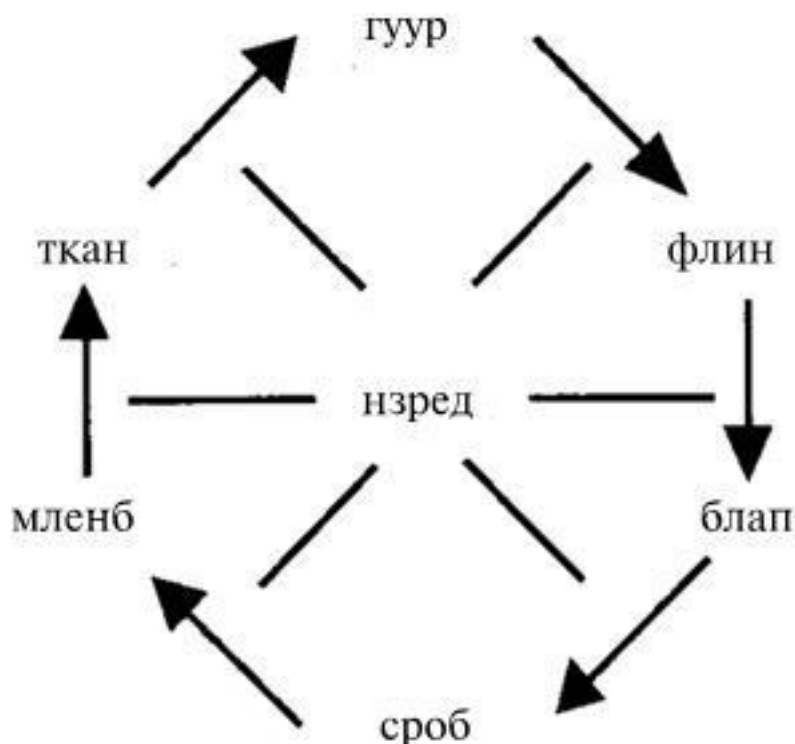
– Хорошо. – Он снова начал писать. – Теперь, какие из ваших полов мужские, а какие женские? Я заметил, что ты говорил «он» и...

Мне пришлось перебить его.

– Я использовал эти обозначения лишь по причине ограниченности либо неполноценности английского языка. Я понимаю, что это чудесный язык, и когда вы его придумывали, у вас не было повода учесть плухх. Однако у вас нет местоимений для ткана, гуура или блапа. Мы все самцы по отношению друг к другу в том смысле, что передаем оплодотворяющие гаметы; и все мы самки в том смысле, что откладываем развитую зиготу. В то же время...

– Помедленнее, парень, помедленнее. Мне нужно сделать из этого сценарий, а помощи от тебя никакой. Вот схема твоей семьи, верно? – Он вновь сунул мне лист.

определяющая пол неподвижная гамета, которую «оплодотворяет» супергамета, составленная шестью подвижными гаметами – по одной от каждого из шести полов

– Да. Только изреда ты поместил не совсем...

– Послушай, Пьер, – рявкнул он, – так я это себе представляю. А я представляю себе это именно так. Что до любовной истории, хм, дай подумать...

Я ждал, пока он воздавал должное этой странной штуке под названием сценарий, который требовался для получения стерео, которое, в свою очередь, требовалось для того, чтобы у нас появилась культура и цивилизация. Скоро, скоро у нас будут жилища, совсем как это могучее укрытие, в котором я сидел. Скоро мы получим трубчатое оружие вроде того, которым воспользовался робот, когда я пришел...

– Как насчет этого? – внезапно спросил он. – Учти, это не готовый продукт – я импровизирую, просто примериваюсь. *Сроб встречает мленба, ткан теряет гуура, флин получает блапа.* Звучит? Только не могу впихнуть сюда изреда.

– Я координирую.

– Точно, ты координируешь. Так оно и есть. Сроб встречает... Помолчи! Тебе полагается изредка говорить «да». – Он пробормотал несколько слов роботу, и тот подошел к моему стулу. – Бронзо отведет тебя в проекционную. А я еще подумаю.

Больно ударившись о пол, я приготовился следовать за роботом.

– Выходит жесткая любовная история, – рассуждал за моей спиной Шлестертреп. – Так и вижу. Вроде трехмерных шахмат, где все пешки бегают как попало, а королева возникает из киберпространства и скрывается в нем. Интересно, есть ли у этих картофельных ростков религия. Доброе, благочестивое стерео никогда не повредит... Эй! У вас есть религия?

– Да, – ответил я.

– И в чем же она заключается? То есть во что, так сказать, вы верите? В двух словах, философию отложим на потом.

Выждав период времени, на мой взгляд, равнявшийся «изредка», я очень осторожно ответил:

– Да.

– А? Хватит ломать комедию. Только потому, что я велел не спорить со мной, когда я думаю вслух... Не валяй дурака, когда я задаю прямой вопрос!

Я извинился и попробовал объяснить мою кажущуюся дерзость с позиции незамысловатых условий, в которых живем мы, плухх. В конце концов, когда всполошенный ткан предупреждает семью, что в ее направлении мчится стая стринтов, никому в голову не приходит воспринять послание иначе чем буквально. Для нас коммуникация – в первую очередь способ передать информацию, существенную для выживания: она должна быть четкой и определенной.

Человеческая же речь, будучи продуктом цивилизованной расы, – словно дерево, несущее множество различных плодов. И, как мы обнаружили к нашему прискорбию, найти среди них пригодный в пищу бывает нелегко. Например, эти разрушающие ум непостижимости, которые люди называют каламбурами...

Шлестертреп отмахнулся от моих объяснений.

– Тебе жаль, и я тебя прощаю. Итак, во что вы верите по части жизни и смерти?

– Мы ни во что не верим, – медленно объяснил я, – поскольку еще ни один плух не вернулся после смерти, дабы поведать нам о ее возможностях. Однако по причине трудностей, с которыми мы сталкиваемся в единственной известной нам жизни, а также в силу ее прискорбной краткости, нам нравится думать, что нас ждет хотя бы *одно* дополнительное существование. И потому мы не столько Верим, сколько Надеемся.

– Для животного без языка ты весьма болтлив. И на что вы Надеетесь?

– На то, что после смерти мы окажемся в огромном мире, состоящем из мелких морей, болот и гор. Что весь этот мир будет покрыт розовой травой, которая так нам нравится. Что со всех сторон, куда ни кинешь оптический орган, не будет никого, кроме плухх.

– И?

– Больше ничего. Такова наша Надежда: обрести – в этой жизни или в следующей – землю, где будут только плухх. Дело в том, что плухх – единственные существа, которые *точно* не едят плухх. Мы думаем, что будем очень счастливы в одиночестве.

– Для быстрой халтуры маловато. Жаль, что вы не верите в бога, который требовал бы от плухх живых жертвоприношений. Но, надо полагать, ваша жизнь и так достаточно трудна. Иди смотри стерео. Я что-нибудь придумаю.

В проекционной я вкрутился в стул, который подтолкнул ко мне робот, и пронаблюдав, как он и его товарищи вставляют блестящие цветные полосы в пять длинных предметов в форме мленба, приделанных к стенам и потолку. Само собой, с тех пор я узнал, что они называются «пленка» и «проекторы», соответственно, но тогда все было для меня новым, и странным, и чудесным. Я весь обратился в оптические шупальца и слуховые шишки.

Само количество *вещей*, которыми владеют люди! Их методы записи столь многолики и разнообразны – например, книги, стерео, карандаш-бумага, – что я считаю людскую память эволюционным пережитком, который уже атрофируется и вскоре будет вытеснен неким записывающим аппаратом, напрямую подключенным к мыслительному процессу. Им нет нужды хранить в уме Книги чисел, каждому заучивать девятитысячелетнюю расовую историю, постоянно пересматривать выводы, сделанные из древних событий, чтобы привести их в соответствие с нынешними. При мысли об их потрясающих возможностях мое эго почти исчезает.

Внезапно в комнате потемнело, и крошечное белое пятнышко выросло в полноцветную, полнозвучную, полнозапаховую и немного осязаемую проекцию, которую мы все теперь так хорошо знаем. По каким-то причинам люди, производящие эти стерео, почти полностью игнорируют чувства вкуса, бротча, давления и григго, хотя запахи в некоем приближении стимулируют вкус, а внимательный индивидуум может во время эмоциональной сцены испытать вполне удовлетворительный бротч. Полный цвет – да; очевидно, люди используют только три основных цвета вместо существующих девяти, поскольку считают это цивилизованным упрощением. Я полагаю, что сама пресность сочетаний синего, красного и желтого служит добровольным ограничением, бросающим вызов людским специалистам.

Когда человеческие фигуры словно ожили передо мной, я начал понимать, что Хоган Шлестертреп имел в виду под «сценарием». Сценарий – это история одного или нескольких индивидуумов в некой культурной матрице. Тогда я подумал: каким образом Шлестертреп собирается превратить в сценарий убогую жизнь плуха? Он почти нас не знал. Я не догадывался о чудесном человеческом чувстве – воображении.

Сценарий, увиденный мной в тот потрясающий первый день нашей цивилизации, был посвящен двум человеческим полам. По одному представителю каждого пола (мужчина, Луис Трескотт, и женщина, Беттина Брамвелл) выступали в качестве героев фильма.

Сценарий рассказывал о попытках Беттины Брамвелл и Луиса Трескотта воссоединиться и отложить яйцо. Эту пару ждало множество тяжелых испытаний, но в конце концов они преодолели их, воссоединились и приготовились размножаться.

По некому недосмотру сценарий заканчивался до собственно акта откладывания яйца, однако можно было надеяться, что он вскоре осуществится.

Таким было первое увиденное мной стерео. Цвета стали ярче, а звуки странного процесса, называемого музыкой, – громче, потом все потускнело и затихло. В комнате зажегся свет, роботы занялись проекторами. Я вернулся к Шлестертрепу, дрожа от нового знания.

– Ну да, – сказал он. – Неплохо. Совсем неплохо, с учетом бюджета. Слушай, у меня есть идея стерео. Ей нужно выкристаллизироваться, и все такое, но это идея. Какого животного вы, жуки, боитесь больше всего?

– Ну, в Сезон Двенадцати Ураганов стринты и сосущий плющ причиняют нашей расе значительный ущерб. В другие ураганные сезоны – которые для нас наиболее опасны – трицефалопсы, бринозавры или гридники...

– Не нужно перечислять мне все свои проблемы. Переформулирую вопрос: какого животного вы больше всего боитесь прямо сейчас?

Я надолго задумался. При обычных обстоятельствах подобный вопрос дал бы мне пищу для размышлений на два дня; но Великий цивилизатор переступал с ноги на ногу, и я загриговал его нетерпение. Требовалось принять решение; возможно, дети, я совершил ошибку, но помните, мы могли вообще лишиться благ цивилизации, если бы я потратил больше времени на установление того, какое животное в этот сезон съело больше всего плухх.

– Гигантских пятнистых змей. Конечно, их бояться только нзредд, мленбб, флинн и блапп. В это время гуурр едят главным образом трицефалопсы, тогда как сробб...

– Ладно. Пятнистые змеи. Теперь пойдем в смотровой коридор, и ты покажешь мне эту змею.

Мы отправились в помещение, через которое я вошел в купол, и я протянул оптические щупальца к прозрачной крыше.

– Вот, почти прямо надо мной. Животное, которое наполовину заглотило доддя и подверглось атаке гридников и сосущего плюща.

Шлестертреп посмотрел вверх и содрогнулся. При виде нас существа на куполе засуетились, продолжая поедать то, что поедали до нашего прихода. Сосущий плющ уволок гигантскую пятнистую змею.

– Ну и местечко, – пробормотал Шлестертреп. – Можно сколотить состояние на антикурорте. «Посетите этот дом вдали от дома и научитесь хихикать над своими кошмарами. Все виды блюд, включая вас самих. Станьте гостем лучшего пищеварения. Каждому по вкусу и вкусу для каждого».

Я ждал, пока его человеческий разум изучал концепции, не доступные моему примитивному восприятию.

– Ладно. Это была гигантская пятнистая змея. Отправлю наружу роботов, чтобы сделали несколько снимков этих крошек, которые мы вставим в стерео. Кстати, что с исполнителями?

– Исполнителями? – промямлил я. – Каких... исполнителей ты имеешь в виду?

– Актеров. Персонажей. Я понимаю, что ни у кого из вас нет опыта даже в массовке, но я подойду к этому как к документалке Демилля. Мне понадобится представитель каждого пола – лучшие из лучших. Ты сможешь выявить их посредством конкурсов красоты или чем вы тут пользуетесь. Мне нужно семеро ваших, все разные.

– Это можно сделать при помощи старшин различных полов. Нзред-тинослеп станет новым нзред-нзреддом, а замену мленб-мленббу выберут, если достаточное число мленбб осмелится собраться на болотах. И это все, что понадобится нам для первого шага к цивилизации?

– Все. Я сам напишу для вас первый сценарий – сейчас он кажется лишь немного величественным, но у меня будет куча времени его улучшить.

– Значит, я могу идти.

Он позвал робота, который вошел и поманил меня к машине, напоминавшей стереопроектор.

– Прости, что не могу послать с тобой робота, чтобы защищал тебя при спуске с горы, но мы распаковали только половину вещей, и в ближайшие дни мне понадобятся все руки. Понимаешь, у меня тут одни «Стандартные правительственные модели», а с этими красавцами быстро дела не делаются. Подумать только, ведь раньше для уборки дома у меня было восемнадцать «Слаженных безумцев»! Увы, здесь вам не тут.

Признав справедливость сей загадочной аллюзии, я попробовал утешить его:

– Если меня съедят, останется по меньшей мере трое нзредд, которые смогут меня заменить. Мне нужно лишь спуститься достаточно далеко, чтобы встретить живого плуха и передать ему твое... требование насчет персонажей.

– Хорошо, – сердечно ответил он. – Уверен, что смогу поладить с любым из ваших, кто неплохо владеет английским. На том и порешим: хочу как можно скорее извлечь мои пожитки из ящичков. Мятолицый, подбавь чуток жару в луч, чтобы у парня была хорошая фора. И как только выпустишь его, быстренько включи купол, иначе половина прожорливых венерианских утроб окажется внутри и попытается переварить нас своими язвами.

Робот по имени Мятолицый потянул рычаг на лучевом проекторе. Я повернулся к нему в надежде, что мой скудный ум сумеет каким-то чудом запечатлеть механизм, который поможет нам адаптироваться к насущным потребностям, но в этот миг меня стремительно вынесло через внезапно открывшуюся в куполе секцию, и я приземлился на полпути вниз. Эта секция, понял я, расправляя щупальца и откатываясь от побега сосущего плюща, на самом деле представляла собой на время исчезнувший участок купола.

Однако дольше размышлять об этом я не мог, поскольку со всех сторон на меня обрушились разнообразные выпады, укусы и рывки. Скрутившись, я понесся вниз по склону десятой по высоте горы, горько сожалея, что роботы требовались Хогану Шлестертрепу для распаковочных процедур.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.